

84.5каз =Ц
А 13

Библиотека Казахской Литературы

АБАЙ

Я – человек-загадка...

Библиотека Казахской Литературы

МӘДНИ МҮРЯ

СЕРИИ КНИГ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
"КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ" ИЗДАЮТСЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ
ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

АБАЙ

Я — человек-загадка...

Составитель Г. Бельгер

Г. Бельгер

060119/2

ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛЫҚ ЖҮЙЕ

УДК 821(51)
ББК 84(5Каз)
А 13

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исмагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исмакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

Составитель *Г. Бельгер*

Абай

А13 Я – человек-загадка... Перевод с казахского.
Астана: Аударма, 2009. – 504 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картины
художника **Ю. Мингазитинова**.

Художник **Д. Каражигитов**.

ISBN 9965-18-281-7

А $\frac{4702250000}{00(05)-09}$

УДК 821(51)
ББК 84(5Каз)

ISBN 9965-18-281-7

© Издательство “Аударма”, 2009
© Иллюстр. “Государственный музей
им. А. Кастеева”

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

С годами все меньше верю в то, что можно художественно адекватно переводить Абая на русский язык. Несколько лет тому назад я написал пространную статью «Почему трудно переводить Абая?» Нынче я ~~изменил бы~~ эту статью «Почему невозможно перевести Абая?»

Тем не менее я упорно постигаю Абая не один ~~десяток~~ лет, написал о его творчестве четыре книжки, ~~они вышли~~ в разные годы шесть сборников, инициатором издания двадцати стихотворений Абая на немецком языке, усиленно перевел подстрочно более ~~ста~~ стихотворений Абая на русский язык.

Иная Абая в оригинале со школьной скамьи, я все еще продолжаю надеяться, что, может, казахский ~~язык~~ будет со временем доступен и на других наречиях.

Составляя сборники Абая, я прибегаю к такой ~~методике~~: даю к каждому его стихотворению несколько ~~переводов~~. Пусть гипотетический читатель сам ~~выберется~~ в их качествах; может, таким коллективным ~~методом~~ удастся приблизиться к постижению ~~Абая~~.

Этим принципом я руководствовался и на этот раз.

Герольд БЕЛЬГЕР

Алихан БУКЕЙХАНОВ

«Абай, как это покажут его стихи, представлял индюжинную поэтическую силу и составляет гордость казахского народа. Еще не было казахского поэта, так величавшего духовное творчество народа, как Абай. Чудные его стихи, посвященные четырем временам года («Весна», «Лето», «Осень» и «Зима»), сделали бы честь знаменитым поэтам Европы».

1905

Джордж КЕННАН

«Г. Леонтьев, которому я задал несколько вопросов в местной библиотеке, сказал мне, что она не только доставляет большое удовольствие сельным, но и расширяет умственный кругозор местных обывателей.

Даже киргизы пользуются ею. Я знаю старика киргиза – Ибрагима Конобай, который не только посещает библиотеку, но читает даже таких авторов, как Милль, Бокль и Дрэпер.

«Неужто в Семипалатинске есть киргиз, способный читать Милля и Дрэпера?» – воскликнул удивленный посетитель.

«Смогу Вас уверить, в первый же раз, как мы с ним встретились, он удивил меня просьбой объяснить ему разницу между индукцией и дедукцией. А потом я

убедился, что он серьезно изучает английских фило-
софов и читает всех названных мною авторов.

– И Вы думаете, он понимает прочитанное? –
допытывался все тот же студент.

– Я два вечера подряд экзаменовал его насчет
«Умственного развития Европы» по Дрэперу, – видимо,
понимает».

*«Сибирь и ссылка»,
Петербург, 1906*

Султанмахмут ТОРАЙГЫРОВ

«Мы должны теперь освободить язык от голово-
ломных элементов религиозного языка Самарканда,
Туркестана, Бухары и Ташкента, создать язык
искусства, пропитанный европейской культурой.
Образец такого языка нам дал Абай. Надо учить язык
Абая...»

1911

Ахмет БАЙТУРСЫНОВ

«Первый поэт казахов – Абай Кунанбаев. Ни в
раннем, ни в позднем периоде истории казахов не
известно имя поэта, превосходящего его по величию
духа».

1913

ШАКАРИМ

«Ибрахим мырза жил в казахской степи, потому и
не получил должного признания в мире. А был он
гениальным поэтом, просветителем, философом. Он
родился в ничтожной среде и прожил унижительную
жизнь».

1914

Мыржакып ДУЛАТОВ

«Насколько мы будем удалены от дня смерти Абая, настолько будем сближаться с ним духовно, в этом не может быть и крупницы сомнения. Положение народа не может оставаться неизменным, со временем народ просветится, напитается плодами знаний и искусства, земля Абая будет расти изо дня в день. Потянутся люди к праху Абая, называя его первым своим поэтом, и тогда светом любви продлятся и укрепятся узы между народом и Абаем. Нам не суждено стать свидетелями тех дней, но дух наш услышит и возрадуется».

1914

Кудайберген ЖУБАНОВ

«Достаточно отметить лишь выдающийся вклад Абая в формирование нашего литературного языка, не говоря уже о его поэтическом мастерстве и других достоинствах. Нетрудно убедиться в том, что своей поэзией и прозой Абай значительно опередил своих предшественников, проложил новую дорогу, и столь совершенного поэта, как Абай, не было не только среди казахов того времени, но и у соседних народов».

1934

ЖАМБЫЛ

Что это? Абая ли это портрет?
Могущества слава и песни расцвет!
Умом и отвагою равно велик,
Кем же с Абаем сравнится поэт?
Величье акына он гордо вознес,
Видущего славным примером возрос.
Артыш и найман удивлялись ему,
Словам, уподобленным яркости звезд.

Течением мысли, как море, глубок...
А сердце мне шепчет: «Он был одинок...»
Без радости, но с душой непреклонной,
С досадою гений из мира ушел.

1940

Сабит МУКАНОВ

«Не все гении – поэты, не все поэты – гении. Абай
был и тем, и другим».

1945

Леонид ЛЕОНОВ

«Нужно поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о далях, видных с поднебесной высоты, и, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетия назад, и по слову знаменитого стихотворения, «гордо презирать невежество и тьму». Таким был Абай Кунанбаев – человек-маяк своего народа».

1954

Мухтар АУЭЗОВ

«Поклонник критического разума, просвещенный и пламенный борец за культуру, трагический одиночка в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных седобородых старшин-феодалов, Абай был выдающейся фигурой не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока. Он шел вперед своим путем сквозь мрак и косность эпохи. Нашему поколению Абай с его бессмертными творениями, воспоенными соками народной казахской и русской

классической поэзии, представляется явлением
выразительным. Горным тенистым кедром высится он
в истории своего народа. Он взял лучшее от много-
численной культуры казахского народа и обогатил эти
сокровища благотворным влиянием мировой и рус-
ской культуры».

1954

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Вблизи Чингизских гор его могила,
Несколотая желтыми цветами.
Волдными, немилыми, нагими
К могиле приходили на свиданье.

И пили, усмехаясь, горечь песен,
И, колыхаясь, колебались травы.
Цветы желтеют грустно,
Как отравы...
Вблизи Чингизских гор его могила.

1962

Чингиз АЙТМАТОВ

«Как олицетворение интеллектуальности, нрав-
ственной и духовной культуры своего народа Абай есть,
несомненно, национальное достижение мирового
культуры».

1967

Казахская литература в своем развитии никогда не замыкалась в узких национальных границах; наоборот, отличительной ее чертой было многообразие связей в разработке различных жанров, а также перекрещивание творческих биографий художников, что положительно сказывалось на обогащении национально-эстетического опыта.

Представляемая вашему вниманию книга включила произведения из наследия Абая Кунанбаева, в переводе на русский язык, которые вошли в сферу духовной жизни русского народа и оказали на нее эстетическое воздействие.

Изучению форм, характерных особенностей и своеобразию вхождения наследия Абая в духовный мир других народов, в данном случае русского, будет способствовать данное издание. Книга послужит укреплению человеческих взаимоотношений, взаимопониманию и в чем первостепенна роль художественного перевода, призванного поддерживать нормальное кровообращение в организме мировой культуры.

Исследуя переводы произведений Абая на русский язык, мы видим, что многие из них не являются точной копией оригинала, это, говоря словами Гете, «нечто третье», что возникает в результате «сближения чужого со своим, национальным, знакомого с неизвестным». Художественный перевод полноправно входит в родную для переводчика литературу, обогащает ее идейно-тематически и жанрово-стилисти-

чески, становится одним из элементов национального литературного контекста.

Переводное произведение всегда становится рядом с оригинальной литературой, на язык который переводится. Переводчики обычно учитывают этот родной им, литературный национальный контекст, куда входят литературные традиции, сегодняшние достижения художественного слова – все то, что можно назвать культурной сокровищницей нации, которая и предопределяет необходимость перевода.

Чрезвычайно велико значение художественного перевода для развития национального литературного языка, его разнообразных стилей. Ибо перевод, как подчеркивали П. Антокольский, М. Ауэзов и М. Рыльский есть «не только способ обогащения духовного опыта читателей, но и способ обогащения языка, на который то или иное произведение переводится»¹.

Как это ни парадоксально, но на начальной стадии развития национальных литератур переводы в большей степени, чем оригинальные произведения, содействуют развитию литературных языков, оригинальные произведения основываются прежде всего на фольклоре, а следовательно, используют разговорно-бытовой языковой пласт. Потребности восприимчивой литературы предопределяют необходимость воссоздания произведений, написанных в ином идейно-тематическом, жанровом, а тем самым и языковом ключе. Остается одно: оттачивание родного языка на высших классических образцах. Само творчество Абая обогатилось благодаря его переводам произведений восточной, русской, западноевропейской литератур.

Во всех предисловиях к сборникам Абая на языках народов СНГ преобладал прежде классовый подход. Так, меньше всего уделяется в них внимания тому, что

¹ П. Антокольский, М. Ауэзов, М. Рыльский. Художественные переводы литератур народов СССР. С докладом на II-ом Всесоюзном съезде «Дружба народов». – М. – №2. – С. 161–176.

творчество Абая вобрало в себя и религию, и литературу, и науку Востока. А ведь все это, взаимосочетаясь, и способствовало высочайшему уровню его поэзии. В этих же предисловиях сквозит также стремление авторов отделить творчество Абая, противопоставить его Шортанбаю, Дулату, Бухар жырау как носителям «феодалной идеологии».

Однако творчество Абая выросло не на пустом месте. Его предшественники были выразителями своего времени. Но Абай был намного образованнее их, в круг его интересов входила мировая культура, философия, оттого он и поднялся на качественно новую ступень. Порой, зная лишь свою национальную литературу, мы не замечаем ее особенностей, которые ясно видны представителям другой культуры. Постигая «чужой» образный мир, поэт-переводчик делает его и «своим», оставляет его «след» в своей творческой памяти. Евгений Винокуров, много переводивший казахских поэтов начиная с дореволюционных акынов, пишет: «В казахской поэзии мне близко эпическое и героическое начало, ее красочные и эмоциональные описания, ее динамика и материальность. И мне кажется, мое собственное творчество обогащалось благодаря долгому содружеству с казахской поэзией. Казахские поэты помогли мне увидеть мир выпукло, стереоскопически, вещно. Описание скачек, степей, полноводных рек, зверей – все, чем насыщена казахская литература, пришло мне по душе»¹.

Известный белорусский исследователь В.П. Рагойша путем многолетних исследований пришел к интереснейшему заключению: «Обогащая национальный литературный язык, художественный перевод становится «средством охраны самобытности национальных культур и языков»².

¹ Вопросы литературы. – 1972. – № 12. – С. 70.

² Рагойша В.П. Проблемы перевода с близкородственных языков. – Минск, 1980. – С. 28.

Современный немецкий исследователь К. Фослер приходит к такому же заключению: «Всякий перевод осуществляется, так сказать, по велению инстинкта самосохранения языкового коллектива. Перевод – оружие в руках нашего языка. Художественно совершенные переводы всякой национальной литературы следует рассматривать и оценивать как стратегические аванпосты, на которых дух языка данного народа противоборствует чужому, отвоевывая у последнего хитростью так много, насколько это возможно»¹. Попытаемся, отталкиваясь от мнений этих исследователей перевода, по-новому взглянуть как на роль перевода в творчестве Абая, так и на переводы его произведений на другие языки.

Первый сборник Абая был издан в Петербурге в 1909 году и подготовлен Какитаем и Турагулом Кунанбаевыми в издательстве И. Бораганского. Значение сборника было неоценимо для казахской общественности, и в особенности для казахской литературы, поскольку произведения гениального поэта при его жизни распространялись изустно или же в рукописях. В связи с этим сподвижник и соратник Мухтара Ауэзова, член-корреспондент Академии наук Казахстана Искак Тахимович Дюйсенбаев в книге «Мұхтар Әуезов» писал: «В этот же период мы видим первые попытки ознакомления русских читателей с творчеством Абая. К примеру, в «Восточном сборнике» (1914 г.), посвященном известному русскому ученому А.Н. Веселовскому, вышли четыре произведения поэта («Желсіз түнде жарық ай...», «Жаз», «Адамның кейбір кездері...», «Өлсем орным қара жер...»), которые были переведены қара сөзбен (вольным стихом). Так, уже в 1914 году была сделана первая попытка ознакомить русского читателя с гениальным Абаем» (пер. наш Р.К. – указ. книга. – С. 130).

¹ *Копанев П.И.* Вопросы истории и теории художественного перевода. – Минск, 1972. – С. 78.

В этой же книге ученый пишет о скрупулезной, в течение трех месяцев 1958 года, работе Мухтара (Омархановича над изданием двухтомного академического издания произведений Абая, сверяя издания 1909, 1922, 1933, 1939, 1945, 1949, 1954 годов и три рукописных варианта Мурсеита (1905, 1907, 1910 гг.), демонстрируя ему и будущему академику Заки Ахметову высокую текстологическую тщательность и добросовестность, внося много поправок в ранее неточно изданные тексты (Там же. – С. 202, 203).

Поскольку перевод служит одним из объективных показателей характера и интенсивности культурного взаимообмена, то существенно возрастает значение отбора произведений, а также требования к качеству художественного перевода.

Разбор переводов, их объективная оценка, подготовка к печати должны исходить как от переводящей стороны, так и от литераторов, являющихся соотечественниками классиков.

И чем глубже и пристальнее переводчик вникает в сущность Абая, тем выше его мастерство, тем точнее изображение. Авторы переводов произведений Абая демонстрируют разный творческий уровень, но тем не менее все они в меру своего таланта стремились воссоздать Абая. И необходимо отметить, что те из них, которые творчески давно были связаны с Казахстаном, бывали на родине Абая, знакомы с историей, нравами и бытом казахской степи, оказались на уровне поставленной задачи.

Сам Абай занимает особо выдающееся место в истории казахского перевода. Раздвигая своим оригинальным творчеством географические границы казахской тематики, изыскивая при этом выразительные средства, до тех пор скрытые в языке. Ведь каждый язык, кроме наличных ресурсов несет в себе потенциальные возможности, которые последовательно раскрываются творческими усилиями писа-

телей. И Абай доказал это, создав около 50 переводов произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, ко многим из которых написал и мелодии. Так, песни из «Евгения Онегина» распевались в степи как народные. Да и работу над эпосом «Путь Абая» Мухтар Омарханович начал с главы «Как запела Татьяна в степи», где описывается момент творческого создания перевода «Письма Татьяны» Пушкина Абаем и написание музыки к стихам.

На сей раз в сборнике представлены стихотворные произведения Абая, данные в переводах разных поэтов. Сравнивая переводы между собой, видим, что каждый переводчик искал для одного и того же содержания разные средства выражения.

Время меняет отношение переводчиков к переводам Абая, обращая внимание на форму стиха, тем не менее ей придается не ведущее значение. Главное внимание обращается на смысл стиха, и в нем отмечаются переводчиками высокие чувства и симпатии или высокие идеи и мечты.

Каждый стих, включенный в книгу, имеет свой смысловой и стилистический ключ, несмотря на это, между ними существует внутренняя связь: раздумья о родине, о назначении человека. Это стихи «Қалың елім қазағым», «Ойға түстім, толғандым», «Түбінде баянды еңбек егін салған» социально-философского характера, это исповедь сына века. Сквозные поэтические образы становятся в них многогранными и философски насыщенными.

Впервые в сборник русских переводов Абая включен стих о самом верном, испытанном друге и соратнике степняка – коне. Эта сквозная тема для всей казахской литературы, тема являющаяся сущностью кочевой эстетики казахов, с ней связаны многие образно-художественные, стилевые открытия (Абай, Ахан сери, Жансугуров и др.).

Искусен принцип создания художественного образа коня в стихотворении «Шоқпардай кекілі бар, қамыс құлақ». Этот стих дан в переводе А. Кодара и М. Адибаева. Тропы Абая уточняющие, усиливающие характеристику коня мастерски переведены М. Адибаевым, помогают воспринять индивидуальное видение Абая, силу его эмоционально-смысловых поэтических находок:

Шоқпардай кекілі бар, қамыс құлақ,
Қой мойынды, қоян жақ, бөкен қабақ.
Ауыз омыртқа шығыңқы, майда жалды,
Ой желке, үңірейген болса сағак.

Густая челка, уши как камыш,
Глазницы впали, лоб дугою, норовист.
Скулами тонок, нежен шеей,
Крутой загривок, выемка у темя.

Этих образов «қамыс құлақ», «қой мойынды», «қоян жақ» нет ни у одного поэта. Они совершенно неповторимы, они опираются на эстетический опыт кочевника, в то же время расширяя и дополняя, обновляя и усиливая отстоявшиеся у него сравнения.

Раскрытие сокровенного, интимного мира поэта в лирических стихах «Домбыраға қол соқпа», «Ойға түстім, толғандым» и в них поэтическая речь Абая естественна, ей присущ характер душевного изъяснения, признания.

В переводах А. Глобы, Э. Шехтмана, Е. Курдакова, М. Султанбекова, Ю. Кузнецова, М. Адибаева представлен абаевский стих «Сағаттың шықылдағы емес ермек». Этот стих сливается с мироощущением каждого смертного. Он полнокровен, хотя и навеян мыслями о неумолимости времени. За образом тикающих часов – мысли, страсть, чувства и переживания многих, а потому они общезначимы и значительны. Но в стихе они найдены и открыты поэтом, и принад-

лежат только ему. Войдя в сознание как поэтически оформленные, они и достигают цели, которую преследует подлинный поэт.

Абаевское слово в эмоционально-смысловом отношении предельно емко. Поэтому всегда предстоит поиск нужнейших из этих значений, поскольку всегда есть опасность подмены простоты упрощенностью, которая подстерегает и молодых, и опытных переводчиков, когда они проявляют нечуткость к слову, когда не чувствуют принципиальной разницы между оригинальностью и оригинальничанием. Поиск живого и точного слова для выражения глубоких мыслей образного творчества Абая и есть поиск нового в переводе Абая, практически это новое беспредельно, насколько бесконечна устремленность Абая к познанию. Восхождение к Абаю продолжается.

Но тогда, когда речь заходит о верности воссоздания оригинала в переводе через подстрочник, особенно в переводе поэтическом, мы всегда отмечаем те или иные упущения, отклонения, натяжки, искажения смысла, допущенные соавтором «подстрочника», т.е. переводчиком в собственном смысле этого слова. Такой перевод на поверку чаще всего оказывается уже вторичной копией, созданной по «мотивам» подстрочника. Таким образом, отклонения от оригинала, в художественном переводе, наслаиваются одно на другое, до неузнаваемости искажая порой и смысл, и поэтику первоисточника.

Мы давно свыклись с тем, что на нашей планете есть разные климатические условия, разный уровень развития стран, что у разных народов разное историческое прошлое, но что в среде одного народа разные люди по-разному воспринимают действительность, а порой и мораль этого общества, с этим мы считаться не хотим и этого не исследуем. А ведь не только из огромного таланта, божьей искры, образованности возник Абай, а из неприятия окружающей

его среды. Наша задача – шире пропагандировать новаторские исследования об Абае. Освободить пишущиеся работы от одностороннего и догматического подхода к его наследию. Ведь давно известно, что Абай стал канонизироваться и отливаться в «бронзу», хотя ценнее всего в нем именно поэтические и человеческие черты, а не политические и идеологические. Во всех вступлениях к произведениям Абая в литературах СНГ большая их часть посвящена разбору его творчества, которое составили так называемые «разоблачительные» стихи. Главное, на что нам необходимо обратить внимание при исследовании, это на общечеловеческую сущность творчества нашего классика. Вопрос этот поднимается уже на страницах нашей печати, но необходимо, чтобы от постановки он перешел и в нашу практику и в исследования. Абай неисчерпаем, следующее поколение по-новому увидит его, так как его творчество уже принадлежит времени.

Понимание инонационального текста, понимание его смысла – в основном аналитическая работа, которая ведется преимущественно научными методами. Углубление в содержание текста, анализ его, привлечение вспомогательных средств – это научно-аналитический процесс. Но здесь играет роль и непосредственное, интуитивное восприятие. Возникновение нового языкового образа есть процесс синтетический и в основном творческий. Процесс отбора словесного материала, выбора синонимов и грамматических конструкций, порядок слов внутри предложения является интуитивным, творческим процессом. Теперь, исходя из анализа переводов Абая на другие языки, яснее видно, что же обязательно для переводчика.

Во-первых, переводчик должен уметь проанализировать текст оригинала, понять все его тонкости. Это первое и основное условие. Переводчик должен

знать язык и его особенности (на сегодняшний день – это возможно. В случае незнания языка материал нужно понять с помощью различных вспомогательных средств). Необходим «многоэтажный» подстрочник: для отдельных прилагательных, существительных и глаголов, т.е. запись над и под словом по несколько синонимов. Необходимо слышать звучание языка. Использовать звуковые записи для понимания мелоса стиха. И главный, на наш взгляд, в условиях незнания языка залог успеха в том, что переводчик должен знать реалии, связанные с материалом и темой переводимого произведения.

Во-вторых, переводчик должен уметь создать новый литературно-художественный текст, полностью используя богатства родного языка.

На первый взгляд кажется, что произведения Абая о природе – это наиболее легкие для перевода стихи. Но ведь «Зима» у Абая это не просто зима, а зима в казахской степи, воспринятая и переданная художественными образами казаха, и казаха определенного рода, времени.

Из материала сборника мы видим как переведено стихотворение «Қыс» – «Зима», как сохранена органическая целостность стиля. Мы, конечно, учитываем, что переводчик вправе нарушать порядок слов, прибегать к особому инверсионному строю речи и т.д., но главное, чтобы не блекли особенности мастера, чтобы переводились не просто слова, чтобы читатель перевода переносился в ту же атмосферу, в которой находится читатель оригинала. Как справились с этой задачей переводчики?

Известно, что первая функция перевода – ознакомительная или пересказывающая содержание – для переводов стихов о природе не подходит, вторая – копирующая – чаще всего тщетно старается во всей полноте и глубине передать подлинник, что приводит лишь к имитации или даже пародированию чуже-

язычия. Остается третья – художественно-познавательная функция и творческий, воссоздающий перевод. Здесь успех предопределен талантом переводчика, его творческой интуицией и знанием, вживанием в другой национальный мир. Выражаясь современным языком, зима у Абая в его произведении раскрыта кинематографически. Мороз в белой шубе – плечист, с серебристой большой бородой, с омраченным челом, его шаг скрипуч, шагает кряхтя, брови грозно повисли, а вокруг и выбегающие из юрт дети, и пастухи, старающиеся повернуться спиной к его холодному ветру, и кони, пытающиеся пробить заиндевевший корм, и голодные волки. И характерные для стиля Абая назидания пастухам и, наконец, едкий выпад против соседних аулов Кондыбай и Канай. И все это заключено всего лишь в 24 строках! Какая емкость языка!

Мастерский перевод стиха Всеволодом Рождественским, который первым перевел стихотворения Абая, вышел в небольшой книжечке, вышедшей после возвращения Всеволода Александровича весной 1935 года из творческой поездки в Казахстан. В ней представлено одиннадцать стихотворений Абая: «Я презирал невежество», «Зима», «Весна», «Осень», «Ты зрачок моих глаз» и др. С годами, с каждой новой поездкой в Казахстан Рождественский снова и снова обращался к Абаю, совершенствуя и свои ранние переводы.

Главным интересом Рождественского, не ослабевающим с годами, являлся факт осознания, постижения отношения Абая к действительности. Это пытливое проникновение Рождественского в поэзию Абая вызвало в нем не изолированное рассмотрение отдельных фактов его творческой биографии (несмотря на то, что постоянно переводились, совершенствовались переводы отдельных произведений), а отношение к его творчеству, как уникальной системе. То есть отдельные стихи и поэмы Абая Рождественский

рассматривает как элементы, подчиненные задаче обогатить духовный мир казахов, преобразовать общество через борьбу с косностью и отсталостью.

Глубокому постижению Всеволодом Рождественским творчества Абая помогла, так же как и Леониду Соболеву, дружба с Мухтаром Ауэзовым.

Рождественского характеризует пристрастное отношение к казахской поэзии и, в частности, к Абаю Кунанбаеву. «Меня интересовало главным образом неисчерпаемое богатство народного казахского творчества и зарождение молодой казахской культуры, – вспоминает поэт. – Я знакомился с казахским языком, читал книги, относящиеся к истории края и вообще Средней Азии, разыскивал все, что можно было найти в русских источниках о казахском национальном поэте XIX века Абае Кунанбаеве, сборничек стихов которого впервые появился на русском языке в моем переводе (Алма-Ата, 1936)»¹.

Практика перевода казахской литературы на русский язык на сегодняшний день огромна, правда, она все еще пока что мало исследована. Многие специфические вопросы перевода на русский язык казахской поэзии Всеволоду Рождественскому приходилось решать впервые. В этом плане его деятельность – явление в процессе связей двух братских культур.

Среди переводчиков Абая на русский язык переводы Вс. Рождественского выделяются особой верностью подлиннику. Он воссоздает текст в материале иного языка. Таковы его переводы «Словно месяц, изогнутый в небе ночном...», «Только юность одна – жизни счастливый свет...», «Управитель начальству рад...», «Всем пресытиться может душа», «Будь разборчив в пути своем...», «Красивою песней под струнный звон...», «О порыв души огневой», «Зима» и др.

Всеволод Рождественский – признанный мастер перевода, в арсенале его огромной переводческой

¹ Рождественский Вс. Страницы жизни. – М., 1974. – С. 402.

деятельности свыше двух десятков крупных поэтов мира. Но никаким переводом он не был так предан, как переводам казахской поэзии. Полвека его не отпускало стремление содействовать познанию духовной жизни казахского народа. И в этом плане его переводы сыграли исключительную роль.

Абай стремился передать свое постижение философии, истории, свой взгляд на пути развития мира; он пытался привести человечество к взаимопониманию и контакту, к осмыслению национальных различий как явления, не только не противоречащего этому взаимодействию, но, наоборот, обогащающего всех духовной силой и мудростью. Конечно, поэтика Абая своеобразна, и его как всякого большого художника можно судить, по выражению Пушкина, по законам, им самим созданным.

Все созданное Абаем художественно своеобразно и удивительно созвучно нашему времени, проблемы, решаемые в его творениях, остаются острыми и актуальными, и мы все еще можем искать ответы на них в сложном поэтическом мире Абая. Абай на литературном горизонте других народов – одна из главных опор духовности.

Само абаеведение встало за последнее десятилетие на качественно новый путь развития. Началом этому послужило издание «Неопубликованных материалов по абаеведению» Мухтара Омархановича Ауэзова¹. Много нового о постижении и постоянном восхождении М. Ауэзова к Абаю, нами почерпнуто из книги Мекемтаса Мырзахметулы «Әуезов және Абай»². В данном труде ученый прослеживает как основоположник абаеведения, писатель-академик Мухтар Ауэзов скрупулезно находил, дополнял, научно выверял абаевские стихи. Благодаря его поискам

¹ Мухтар Ауэзов. Неопубликованные материалы по абаеведению. Составители Л.М. Ауэзова, М. Мырзахметов. – Алма-Ата: Наука, 1988.

² Мекемтас Мырзахметулы. Әуезов және Абай. – Алматы: Қазақстан, 1997.

изданный в 1933 году сборник произведений Абая состоял уже из 7113 строк (а в 1909 году их количество было 5899). Этот сборник был подготовлен М. Ауэзовым еще в 1924 году и в том же году была написана им первая научная биография Абая. С этого года всю свою творческую жизнь Мухтар Омарханович посвятил постижению бессмертных творений Абая в поэзии, в музыке, в общественной мысли, которые через его труды и эпопею «Путь Абая» поразили мир. «Горным кедром высылся он в истории своего народа», – считал Мухтар Омарханович и сделал все возможное, чтобы величие и красоту этого кедра осознали другие народы. Он активно привлекал к переводам Абая много талантливых русских поэтов, кропотливо работал с ними, создавал подстрочники.

Сейчас уровень осознания Абая в мире стал настолько высок, что через Абая и Ауэзова пролег путь ко всей казахской культуре. Это отразилось в книгах «Слово об Абае»¹, «Мир Абая»². Книги эти показывают, что в мире есть стойкий читательский интерес к казахской классике. Конечно уровень и направленность этих интересов различна, у нас уже немало фактического материала о судьбе казахской литературы за рубежом и об отношении писателей XX века к казахской литературе и культуре XIX и прошлого века.

В поэтический космос Абая устремились поколения переводчиков и поэтов: Вс. Рождественский, В. Звягинцева, Д. Бродский, Лев Озеров и мн. др.

До сегодняшнего времени, большинство переводчиков Поэта не могли переступить два момента: казахские в достаточной мере не владели образными нюансами русской речи, а русские переводчики, в свою очередь, были привязаны к расхожим клише и подстрочнику.

¹ Слово об Абае. – Алматы: Өнер, 1994. Сост. С. Корбаев.

² Мир Абая. Сост. и редакторы. Маданова М., Машанова А. – Алматы: Международный клуб Абая, 2004.

Второе – глубокая религиозная философичность Абая. Он не был фанатичным последователем ислама, но все его мировоззрение было пронизано духовной философией суфизма. Это, на наш взгляд, один из существенных моментов его пророческого мироощущения.

Абай открыл в родном языке такую художественную глубину, явил миру такие изобразительно-смысловые богатства и возможности казахского языка, что здесь уместна аналогия с Пушкиным и Лермонтовым – после этих Поэтов их языки стали другими. Абай оплодотворил казахский язык, явив искусству новые жанры и формы поэтического слова. Он возвел Слово к его божественному значению.

И эта безмерность, пронизывая всю поэзию Абая, бесконечно углубляет каждое его произведение, не только создавая впечатление бесконечности поэтического слова, а на самом деле являясь у него таковым.

Как сохранить мысль и не потерять форму стиха? Как сохранить поэзию и не растерять мысли, облеченные в поэтическую форму? Ведь поэзия Абая совершенна – его стихи рождают мысль, а мысли сотворяют изумительную художественную форму. Вот главная задача переводчика, ибо у Абая нет пустого слова и рифма его стихов смыслообразующа. Его рифма – это ритм, с помощью которого происходит почти мистическая организация слов, сакральное проникновение и раскрытие тайного смысла Слова и Слова раскрывающего глубинные значения, проникающего в тайну бытия. Слова пророческого.

Появление новых переводов Абая всегда привлекает к себе внимание литературной, культурной общественности¹. Вспомним, с каким интересом были восприняты переводы С. Санбаева «Қара сөз».

¹ Алимжанов А. О переводах произведений Абая // Советский Казахстан. – Алма-Ата, 1956. – Кн. 6. – С. 113-116.

Вся переводческая практика поэзии доказывает, что искусство слова неразрывно связано со стихией родного языка, и оторвать литературное произведение от взрастившей его языковой среды, просто «пересадить» на другую почву невозможно; оно должно возродиться на другом языке заново, силою таланта переводчика. Просто формалистические переводы

Бельгер Г. Обыкновенные заботы? (Заметки о переводах худож. прозы на рус. яз., в т.ч. о «Словах назидания» Абая в пер. С. Санбаева) // *Бельгер Г.* Мотивы трех струн. – Алма-Ата, 1981. – С. 140-202; *Бельгер Г.* Брат среди братьев. – Алма-Ата, 1981. – С. 121-180.

Бельгер Г. Кто допишет за Абая: (Анализируя состояние худож. Пер. и взаимосвязи в лит. процессе Казахстана, авт. Подвергает резкой критике пер. В. Киготь произведений Абая (Простор. – 1986. – №9) // Лит. газета. – 1988. – 18 мая. – С. 5.

Жанткина А.М. О переводе ФЕ произведений Абая Кунанбаева на русский и английский языки // Пути оптимизации преподавания иностранных языков: Тезис докл. IX респ. науч. конф. преподавателей иностр. яз., посвящ. 40-летию АПИИЯ. – Алма-Ата, 1989. – С. 61.

Жовтис А. Стихи нужны...: (О стихах как своеобразной системе худож. речи). Алма-Ата: Жазушы, 1968. – 272 с. – В содерж.: Гл. «Пuls перевода», в которой авт., раскрывая пробл. стихотвор. пер., обращается к переводам стихов Абая – С. 64-67.

Курдаков Е. Вперед, к Абаю: (Плохой пер. дискредитирует творчество классика каз. лит.) // Ленинская смена. – 1991. – 21 авг.

Куспанов С. Из истории переводов Абая на русский язык и их критики // Вопросы казахского языка и литературы. – Вып. 4. – Алма-Ата, 1966. – С. 236-249. – Библиогр. в подстроч. примеч.

Куспанов С. Душа подлинника и перевод: (О пер. С. Липкина произведений Абая) // Простор. – 1965. – №7. – С. 77-80.

Куспанов С. Полноценность языка перевода (На пример рус. пер. произведений Абая) // Изв. АН КазССР. Сер. Обществ. Наук. – 1996. – №4. – С. 73-80.

Мацкевич О. Первый переводчик Абая: (Очерк из кн. «Автограф на память», посвящ. переводчику В.А. Рождественскому) // Иртыш. – 1979. – 24.

Сагандыкова Н.Ж. Казахская поэзия в русском переводе: (Опыт крит. исследования) // Отв. ред. И.Х. Габдилов. – Алма-Ата: Наука, 1983. – 128 с.

Садьков Х. Абай ли это?: (О пер. на русс. яз. поэзии Абая Кунанбаева) // Простор. – 1981. – №8. – С. 202-206.

Санбаев С. Чинар, выросший на скалах: К 125-летию со дня рождения Абая Кунанбаева (О работе над пер. «Смерть Абая» (Книжное обозрение. – 1990. – №33. – 17 авг.) // Иртыш. – 1990. – 13 окт.

Турлыбаев Е. О новых переводах Абая: (Письмо в ред. по поводу переводов произведений Абая Е.Курдаковым) // Простор. – 1983. – № 11. – С. 200-201.

Фаткуллин Ф. На языке собрата: (О пер. стихотворений Абая Кунанбаева) // Южный Казахстан. – 1971. – 27 мая.

Абая – дело прошлого. Огромная эрудиция и трудолюбие переводчика не подменяют его таланта.

О том свидетельствует и данный сборник, являющийся еще одним шагом в постижении многогранного творчества Абая.

Раушан КАЙШИБАЕВА,
доктор филологических наук

МОТИВЫ АБАЯ

I

Не знаю, как я жил до нынешнего дня,
И пройдено, и видено немало.
В любви и в спорах сердце отпылало,
Покой в душе моей. Былого нет огня.
Что в этой жизни остается для меня?
Мне, грешному поэту, не пристало
Себя Аллаху посвятить, стихи кляня;
Аллаха мое сердце не искало.

Приумножать стада, увольте, не хочу.
И степью управлять, увы, не по плечу.
Не облегчить людские мне страданья.

И свои мысли, и живую свою речь –
Все это в СЛОВО остается мне облечь.
Тебе, о человек, мои признанья!..

II

Не изменить судьбы, увы, не изменить,
Смех, игры, похвала, пиры, друзья, творенья,
И женщина, чью страсть, казалось, не забыть, –
Все это жизни мимолетные явленья.

Вкусивши раз, нам не уйти от наважденья,
Влечет и губит нас невидимая нить.
Пусть зыбок этот мир, нам незачем тужить;
Дано судьбою это чувство пресыщенья.

О быстротечность счастья! – Начало и конец.
И пусть ты, мусульманин, мудрец или глупец,
Аллаху все одно, нет разницы большой.

Зря ищешь свой приют ты в хаосе пространства,
Живому существу нет в мире постоянства.
Изменчив человек – и сердцем и душой.

III

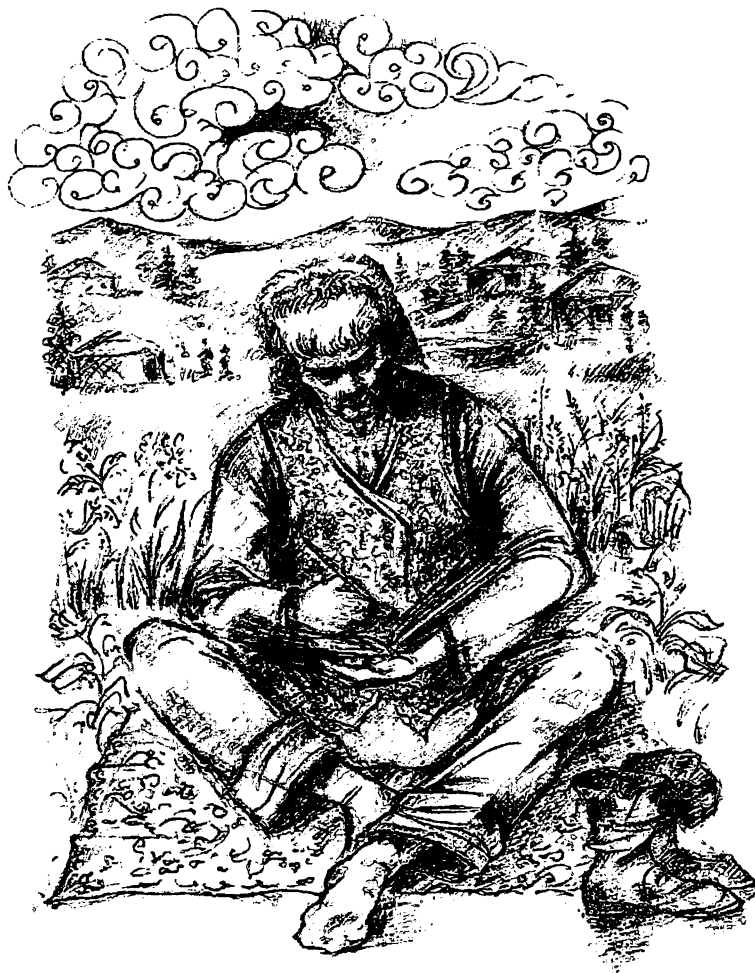
О мой народ, послушай речь поэта,
Самовлюбленности чалму приподними,
Ты мое слово сокровенное прими,
Внимай всем сердцем моему совету.

Как жажду утоляешь в полдень лета –
Так чашу мудрости из рук моих возьми.
Глотками пей, не расплещи все это.
И ты все это светлым разумом пойми.

И пусть жигиты праздные узнают,
Как уберечься им от пагубных вещей;
Их карточный азарт сопровождают

И лень, и вино, распутство средь ночей.
И души их пороки развращают.
Впиваясь в кровь и в плоть – страшнее нет клещей.

Поэзия —
властитель языка

Стих – это вождь среди слов, ценнейший их убор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова ровны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

Излишнему в стихе, конечно, места нет,
И слов не бережет ничтожный лишь поэт.
Из тех, кто говорит иль слушает, он тот,
Кому напрасно бы давал ты свой совет.

Сперва Корана стих, пословицы потом,
За ними ставь байт – и речь пойдет шитьем.
Не стоило б ее к пророку обращать,
Лишенной разума и бедную стихом.

Пусть каждый борется, чтоб стих создать живой,
И пусть избранников он радует собой.
Но редко может кто составить звонкий стих,
На вид – серебряный, по сути – золотой.

Коль вспомнить, что за речь была у стариков,
Увидишь, сколько там пословиц между слов.
Поэты прошлого невежды и глупцы,
Ничтожны их слова и мысли прост покров.

И слово и душа выклянчивали скот –
Кого обманом взять, кому воздать почет.
Так, в нищете бродя среди чужих племен,
Они, презренные, лишь свой хвалили род.

Искали богачей, у коих гордый нрав,
Но сами баями не стали, скот собрав.
Казахам кажутся пустыми их стихи,
Утратившими смысл для суетных забав.

Пословиц стариков в моем запасе нет,
Я выть из-за скота не стану, я поэт,
Иные у меня слова, иная цель,
И тот, кто слушает, сейчас мне даст ответ.

Когда б я пел о тех, кто грабит бедняков,
Иль девушек красу восславить был готов,
Меня бы слушали, дыханье затаив,
Не находя цены для легковесных слов.

К реченьям разума упорно глух народ,
Пренебрегая тем, что нас к добру ведет.
Невежд, захватчиков, ленивых – не сочтешь.
Не обижайтесь же, коль стих мой больно бьет!

Иные там и тут из кожи лезут вон
И к тепленьким местам ползут со всех сторон.
Но что они поймут, пока хотя б один
Из тысячи – умом не будет вознесен?

Стремленье к скромности, терпенье, совесть, честь
Никто здесь нужным уж не желает счесть,
Не ищет знания, не хочет жить умом,
Злословие и ложь взбивая, словно шерсть.

Перевод Вс. Рождественского

Стихи – жемчужины меж слов, в них блеск владык...
Творить из хаоса миры мудрец привык:
Да веселят они сердца, да нежат слух,
Да будет ими упоен и горд язык.

Стих, не взыскательный к словам, – лишь тлен и хлам.
Собой убожество певца он выдал сам.
Но многим ли дано постичь усладу слов?
Средь слушателей и певцов – простор глупцам.

Зато в словах «Аят»¹, «Хадис»² – пей каждый слог!
В них – первозданность, и они – стиха залог.
Не будь великолепья в них и красоты,
Ужели б выгрел их бог и рек пророк?

Читает проповедь свою старик-мулла,
В ней слиты возгласы святых, скорбь и хвала;
Стремился каждый богослов по мере сил,
Чтоб форма лучшая из всех их облекла.

Заложена любовь к стиху в нас исстари,
Но все ж избранничества сан лишь тем дари,
Кто слово льет, что серебром горит извне,
А золота чистейший сплав таит внутри.

Припомним биев тут, чью речь с давнишних пор
Пленил пословиц пестрый рой и притч узор.
Акын же прежний был горазд счесть за стихи
Лохмотья мысли, стертых слов пустой набор.

С кобызом влившись в гушь толпы, с своей домброй,
Он песней лживо славил всех, он льстил игрой!
Аул меняя на аул, он – кланчить рад –
Словесной щедро вокруг себя сорил трухой.

¹ Аят – В Коране 6666 аятов.

²Хадис – позднейшие предания о пророке Мухаммеде.

Он, сердце запродав, сдавал язык в наем,
Одна лишь страсть – алчба к скоту – горела в нем;
На брюхе средь родов чужих он к баю полз,
Чтоб подлым отщепенцем стать в роду своем.

Он перелетный свой излить стремился пыл
Лишь там, где нюх его прельщен подачкой был, –
И осквернился ложью той казахский стих.
И рвенье к слову, жар к стиху казах забыл.

В напыщенности бийской петь я не хочу,
Не тот акын я, что, юля, льстил богачу.
Слова новы, и, внемля им, переродись!
К тебе певучею стезей теперь лечу.

Когда б восславить я хотел, как встарь иной,
Набег батыра-удальца, размах степной,
Завороженный, ты б ловил мой каждый звук,
В восторге замер бы ты сам передо мной.

Но мудрость лишь незванный гость здесь на земле;
Привольней людям вековать во зле, во мгле...
Так не суди меня за то, что я стихом
Проныр чванливых и невежд предам хуле.

Такие, наспех сочетав ель с тростником,
Спешат жирнейшим завладеть зато куском,
Что им – стяжательства рабам – до красоты?
Из тысячи просвет найдешь едва ль в одном.

Такие влюблены в обман да в барымту,
Такой польщен, коль приравнишь его к плуту;
Создав шумиху, под шумок такой спешит
Науськать бая на других, вопя «ату!»

Никто не жаждет черноты омыть позор,
Ничей ни в глубь не устремлен, ни к выси взор,
Но каждый, совесть позабыв, и стыд, и честь,
Взбивает, как верблюжью шерсть, злословья сор.

Перевод Л. Руст

Поэзия – властитель языка,
 Из камня чудо высекает гений.
 Теплеет сердце, если речь легка,
 И слух ласкает красота сравнений.

А если речь певца засорена
 Словами, чуждыми родному духу, –
 Такая песня миру не нужна,
 Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
 В них мысль узорно вплетена в реченья,
 Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
 Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
 Ученые, чьи в полночь пылки споры, –
 Все любят красноречие. Кому ж
 Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
 Но лишь избранника венчают славой,
 Того, чьей мысли золотой дано
 Блестать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
 Пословицами речь отягощали.
 Иных певцов глупцами нахожу –
 Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
 Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
 Бродили попрошайками порой,
 Позоря песню, проклятые богом.

Бродяга за подачку расточал
 Душевный жар свой, теша встречных лестью,

На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях оскудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой,
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку, «Бей, кричит, врага!» –
Авось, он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость – не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи.
Не ищут знанья – лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

Перевод *В. Звягинцевой*

Поэзия – царица языка,
 Она во власти только знатока.
 В ней слову вольно и душе тепло.
 Округлы формы, поступь так легка.

Кто допускает сор чужих словес,
 Тот вовсе не поэт, а мелкий бес.
 Читатели – все больше из невежд,
 И не дано им слова знать на вес.

Аят и Хадис дали слову сок,
 Чтобы расцвел поэзии цветок.
 Когда бы слово не являло мощь,
 Не стал бы словом говорить Пророк.

Пророка, праведника, певца,
 Ученого, святого мудреца –
 Влекли слова, они слагали стих
 По мере сил и милости Творца.

Стихи кропают многие шустро,
 Но где избранник? Где его перо?
 Кто может стих переложить, чтоб был внутри
 Он золото, снаружи серебро?

Мой взгляд – в былом, я вижу старый быт,
 Речь биев поговорками пестрит.
 Что ни поэт, то неуч и глупец.
 Из пустяков свои слова кроит.

Кобыз или домбра в руках у них,
 Но служат недостойным песни их.
 Прошли сквозь мир, кормясь за счет стиха –
 Так на чужбине унижали стих.

И тот и этот петь и выть привык,
 Продав за хлеб и душу и язык.

Как попрошайка выть в чужой земле
О том, что край его родной велик.

Тщеславных обирали похвальбой.
Но впрок не шла нажива, и порой
Тому кто слушал их, разинув рот,
Стихи казались праздной болтовней.

Не буду поговорками играть,
И горло, как акын, срывать.
Стих стал другим, так стань другим и ты,
Мой слушатель, чтобы меня понять.

Когда бы стал я славить старину,
Богатырей, красавиц и луну,
Ты бы внимал пустым моим словам,
Пуская восхищения слюну.

В цепях судьбы влачась за годом год,
К благим советам слеп и глух народ,
Зато плодит бродяг, пройдох, невежд,
Прости, увлекся, сей ругая сброд.

Сосну связавши с вербой, так сказать,
Всяк думает, чтоб где-нибудь урвать.
Из тех, кто ищет славы и добра,
Избранника судьбы не отыскать.

Кто воровством богатство нажил, тот
Гордится тем, что ловкачом слывет.
Нагнав на баев страхи мнимых бед,
Он выгоду свою и тут найдет.

Талант, терпенье, совесть, доблесть, честь —
Все не по ним, хотя и выбор есть.
Бегут от знанья, от глубоких дум,
Но ложь и сплетни теребят, как шерсть.

Перевод Ю. Кузнецова

Поэзия – слов благороднейших царь,
Свести несводимое должен твой дар.
Пусть радуется он и язык нам и сердце,
Повсюду неся одинаковый жар.

Но если слов чуждых затешется грязь,
То этот поэт – неумеха среди нас.
Сказитель и слушатель стоят друг друга,
Как пара невежд без ушей и без глаз.

Аяты, хадисы – основа основ.
Вкрапленье двестишый, как некий покров,
Но если не красится речь содержанием,
Аллах и пророк обошлись бы без слов.

Имам, что в мечети читает хутбу,
Святой, что молясь, проклинает судьбу,
По мере уменья пытается каждый
Слагать на свой лад из того, что во лбу.

Любой себя числит умельцем стиха,
Поэзия часто к их зову глуха.
Стихов дорогих без наружного блеска,
Никто не сложил из казахов пока.

Всмотрелся я в биев седой старины,
Для них поговорки в реченьях важны.
Акыны и вовсе в невежестве темном,
Несут чепуху, ни на что не годны.

В толпе завывая с кобызом, домброй,
Восхвалят любого, кто виден собой.
Продажностью жалкой унизили слово,
С домброю шатаясь в округе любой.

Корыстью зажженные, лезли из шкур,
Смотря на хозяев сквозь хитрый прищур.

В чужой стороне без стыда побираясь,
Свой край воспевали, мудры чересчур.

Шли к баю, который был падок на лесть,
Надеясь побольше скота приобрести.
Казах не питает к стихам уваженья,
Жевать небылицы считая за честь.

Как бии, не буду я речь украшать,
И льстя, по-акынски, не буду рыдать.
Мой слушатель, видишь, очистилось слово,
Сумей быть и ты ему духом под стать.

Когда б за набеги батыров вознес,
О девах бы спел, разжигая к ним спрос.
Рад время убить в интересе досужем,
Ты каждому слову внимал бы всерьез.

Разумное слово народ не влечет,
Коснеет в своем неприязни народ.
Невежд в нем хватает, что наглы донельзя.
Прости, если это тебя проберет.

Стараясь на цыпочках куст скovyрнуть,
Пытается каждый урвать что-нибудь.
И им ли постигнуть — спесивым, корыстным,
Для редких из редких открытую суть?!

Бесчестным путем умножая свой скот,
Слыть хитрыми рады они наперед.
И мирного бая стращают врагами,
Надеясь, что тот попадет в переплет.

Спокойствие, совесть, стремленье и честь?
Никто не захочет из них предпочесть
Не ищут ни знанья, ни мысли глубокой
Наветы и сплетни взбивая, как шерсть.

Перевод А. Кодара

Не для забавы я слагаю стих,
 Не выдумками наполняю стих,
 Для чутких слухом, сердцем и душой,
 Для молодых я свой рождаю стих.
 Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
 Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой,
 Все то, что скрыто, стих раскроет мой, –
 Не сразу ты воспримешь, может быть,
 Слова такие слышишь ты впервой.
 Как странно мне, что люди, не поняв,
 Немедля речи требуют другой.

Али-Азрету не слагаю гимн,
 Красавиц с подбородком золотым
 Я не пою; я к смерти не зову,
 Не говорю жигитам молодым,
 Чтоб совестью они пренебрегли, –
 Прошу: прислушайтесь к словам моим!

Родятся из барымтачей лгуны,
 Бездельники родятся, болтуны
 Без разума, без дома, без скота;
 Все знают их и всем они видны
 Навек замолкни лучше ты, мой стих,
 Когда тобой они восхищены.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
 Пускай слова пустые не прельстят
 Твоей души. Что пользы в них тебе?
 Твой дар исчезнет, не вернешь назад.
 Что в людях доброго, скажи, таких,
 Как бабник, и хвастун, и верхогляд?

Перевод *Д. Бродского*

Стихами для забавы – не грешу,
За правду выдать сказку не спешу.
Для чутких душ, влюбленных в чудо жизни,
Для юных в назидание пишу.
Их души слово истины проймет,
А спесь и гордость это не поймет.

Иди ко мне с открытым сердцем, друг,
Входи смелей в стихов просторный круг.
Что из того, что с первого прочтения
Не все тебе понятным будет вдруг.
Потом тебе откроется пример
Моей души, оправленной в размер.

В моих стихах дев луноликих нет.
Отсутствует и сам Али-Хазрет.
Я старость чту и смерть не воспеваю.
К бесстыдству не указываю след.
Не брезгуйте открытием моим –
В нем скрытый смысл на глубине храним.

От пустомель родится пустобай,
С пустой душой глупец и негодяй.
Их очень много нынче расплодилось,
Бездельников, что наш позорят край.
Потехою для олухов таких
Не мучь себя и замолчи, мой стих.

Тебя, мой чуткий стихотворец-брат,
Я оградить от этой славы рад.
Не унижая своего искусства,
Нацеливай на будущее взгляд,
Гони льстецов и не потворствуй им,
Будь честью и достоинством храним.

1889

Перевод М. Дудина

Не для игры я стал стихи писать,
Не для того, чтоб сказки собирать.
Пишу, чтоб дать уроки молодым,
Что могут свои чувства изъяснять.
Меня поймет не твердолоб, а тот,
Чьи ум и сердце могут понимать.
Иди вперед без обходных путей,
Суть слов понять под внешностью сумей.
Я, может, странно говорю, но ты
Таких словес не знал в семье своей.
Что за народ! Ни слова не поняв,
Кричит: скажи нам что-то поновей!
«Хазрет Али» не стал я вспоминать,
Не стал о «светлой деве» сочинять,
На дряхлых стариков не стал я лгать,
Не стал мужей к бесчестию призывать.
Но если внешне речь моя бедна,
То все же смысл должны вы угадать.
Барымтачи от сильных род ведут.
До игр и баб охоч досужий люд.
Без разума, без чести, без забот,
Известны тем, что днем и ночью пьют.
И коль в глазах безумцев я смешон!
Молчи, язык, тебя здесь не поймут.
Мой брат, чья речь и дар на высоте,
Сдержи слова, оставь их при себе.
От них нет проку ни тебе, ни нам,
Они упав, растают в пустоте.
Франт, потаскун, спесивец, краснобай,
Ну что они, ну что они тебе?!

1889

Перевод Ю. Кузнецова

Этих воплей шум пустой
Трудно песнями назвать.
Трудно страждущей душой
Здесь опору отыскать.
Споры неучей, галдеж,
Поучения невежд...
Поневоле пропадешь
В этой жизни без надежд.

1897

Перевод *Е. Курдакова*

Грубый крик, рев осла –
Не одна ль досада нам?
Лгать себе без числа –
Разве в том награда нам?

Речь глупцов – как зола.
Ах, того ли надо нам!
Жизнь, что зря отцвела, –
Есть ли в ней отрада нам.

Перевод *М. Петровых*

В случайный миг
Звучащий глухо
Тревожный крик
Не тешит слуха.

И ты держись
Того, что ясно:
Пустая жизнь,
Увы, напрасна.

Перевод *М. Дудина*

Всем пресытиться может душа,
Только песня всегда хороша.
Если ты вдохновенно поешь, –
Грудь ликует, свободно дыша.

Голос мой, заливайся и пой,
Гордых дум пусть закружится рой.
Пусть текут мои слезы ручьем,
Душу всю заполняют собой.

Кто шатается по свету, тот,
Как невежда, меня не поймет.
Только твердый душой человек
Этих звуков услышит полет.

А не вникнет в них – все равно,
Пусть волнуется сердце одно.
Пусть проверит мои слова:
«Живо горе, что село на дно».

Скорбь колышущимся огнем
Подымается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кому нужно слово мое,
Тот его пускай и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищенье судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих!

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума –
Вам волками бы рыскать в степях.

Вы сердца не хотите раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

1890

Перевод *Вс. Рождественского*

Птицы-песни во всех направлениях летят,
Коль певец многообразной думой богат.
Песня – тень от пленительной думы такой.
Пусть же ритм и мелодия слух покорят!

Песня, ввысь устремленная, льется струей,
Увлекая могучей своей красотой
Беспокойное сердце и жаждущий ум.
Но ее не поймет тугоухий, глухой!

Песнь летит и рождает порывы в сердцах,
И чудесны ее переливы в сердцах –
Радость, скорбь. Убаюкает сердце она,
Укачает его, как дитя, на руках.

Только пенью не всякому сила дана,
И бывает, что музыка чувств лишена.
Где-то сердце, чтоб, слушая странный напев,
Волновалось, ему отвечая сполна?

Песня, нотой высокой начавшись, парит
И как будто бы «слушай меня!» говорит.
И тогда не услышишь ты звуков иных...
Вникни в музыку, сердцем с мелодией слит!

Песня умная нежно ласкает, как пух,
Песня глупая режет мучительно слух.
Есть мелодия, что, как слова мудреца,
Пробуждает и лечит возвышенный дух.

Песен суть я раскрыл,
Написав здесь шесть строф.
Красота моих слов –
Для достойных умов.

Если эти слова озадачат тупиц,
То обрадуют – верится мне – знатоков,
И любому, таящему пламя в груди,
Будет ясным значение сказанных слов.

Лето жизни сменяется долгой зимой,
А веселье юности игры – тоской.
Если песнь хороша и взволнует тебя,
Сразу жизнь засверкает зарей золотой!

1896

Перевод *А. Гагова*

Красивою песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон.
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом!

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь.
И все, что было мечте сродни,
Живою плотью одето вновь.

Снова глотаю я прежний яд,
Я утопаю в нем с головой,
Люди, которые вокруг галдят.
Кажутся истиною самой.

И начинает земную лесть
Правдой считать душа моя,
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

Перевод *Вс. Рождественского*

Случаются мгновения: тревога
Оставит душу. И небесный луч,
Как будто по благословенью Бога,
Рассеет с неба стаи темных туч,
Созвучия небесного чертога
На землю хлынут, и в земной тиши
Застывшие обида и тревога
Их волнами смываются с души.
И солнце светит в середине неба,
Как золото в нагой голубизне.
И в мире вдруг является потреба
Мечты о человеческой весне.
Тогда поэт, воспрянув мыслью снова,
И понимая дел и слова связь,
Усилием пророческого слова
Грехов вселенских обнажает грязь.
Он вдаль глядит своим орлиным взглядом,
И время, и пространство одолев,
И на коварство с ненавистью рядом
Обрушивает беспощадный гнев.
Он справедлив. Его душа права,
В ней жизнь и свет. Он не боится риска.
Доверенные совести слова
Слышны везде: и далеко, и близко.
И тем словам преграды в мире нет.
Он действует разумно и умело.
А то, что миру говорит поэт, –
Хулить и ненавидеть – ваше дело.

1896

Перевод М. Дудина

Гляжу: все едут на базар,
И каждый ищет свой товар.
Кому зерно – кому кораллы.
По разным надобностям в дар.
И каждый, вопреки обману,
Находит то, что по карману.
А слово – божий дар для всех –
Найдет признание и успех,
Само собой распространится,
От сердца к сердцу протечет
На радость всем и мне в почет.
И будущему пригодится.
Оно для всех, всем людям в дар,
О жизни наделенным думой.
«Зачем кораллы псу?» – подумай,
Когда поедешь на базар.

1886

Перевод М. Дудина

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгует медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому хлеб.
По душе найдется каждому товар.

Стар и млад стремится утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг слов моих,
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Многим не по сердцу мой словесный дар,
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Пусть не всем по нраву то, что говорю,
Все ж охватит слово души, как пожар.

Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль стар.
И прими как должно мой смиренный дар.
«Жемчуг псу не нужен», – мудрость говорит.
Поговорку эту знает и школяр.

1886

Перевод Л. Шифферс

Родич умрет у кого, траур по нем глубок:
 Сердца в родной груди кровоточит клубок.
 Слезы тогда текут горестною рекой...
 Разве не песня в русло скорбный введет поток?

Дочери дав жениха, устраивай свадебный той;
 Проводы справь: склонны люди к забаве той...
 Чти беташар и жар-жар, за обрядом верши обряд;
 Разве без песни сверкнет кынаменде¹ красотой?..

Сын ли родился, – всю ночь длится шильдехана².
 Звонкая песня и здесь – желаннейший гость она!
 Не отрекайся от притч и от бийских пословиц ты:
 Много достойного нам сберегла старина.

В мир ли приходишь ты, песня встречает в дверях...
 В землю ль отходишь ты, песня напутствует прах...
 В радости каждой твоей пестует песня тебя.
 Вдумайся в то, не скользи поверху, вертопрах!

Часто не только что петь, не умеешь внять голосам,
 А иногда и поешь – да не чувствуешь песни сам.
 Смолкнуть ли и другим в угоду твоей глухоте?
 Что же артачишься ты, мешая упрямством нам?

Из драгоценнейших слов мастера заплетают стих;
 Все обаянье стиха – в сочетаньи уместном их.
 Если ж и мысль верна, и певучи слова,
 Кто их отвергнуть дерзнет, кто ополчится на них?

Слов не почувствует, знай, пресыщенный олух-богач.
 Льнет к вдохновенному тот, кто душой
 от рожденья зряч!

¹ *Беташар, жар-жар, кынаменде* – названия свадебных песен и обрядов.

² *Шильдехана* – празднество рождения дитя.

Но и ценителю все ж не навязывай песни ты,
Пристальный час улучи и до времени пыл свой прячь.

От подношений себя и от всяких даров отреши:
Песня – сама по себе воздаяние для души.
Только достойных любя, неустанно следи, певец,
Чтобы не могли замутить песню твою торгаши.

Истых ценителей ты в разношерстной толпе
не найдешь.

Лучше молчать пред людьми,
чем посмешищем сделаться все ж.
Песне внимала ль когда благоговейно толпа?
Ей бы судить да рядить, перекрестный
подняв галдеж.

Вот погляди: Шортанбай, и Бухар, и Дулат¹...
Сколько в стихах лоскутков, и пустот, и заплат!
Кто, если бы люди и впрямь понимали
в искусстве толк,
Не укорил бы стиха, что изъянами столь богат?

Истины сеять зерно я хочу и крылить язык,
Чтобы не только в глаза, но и в души чтоб свет
проник.

Пусть же берет молодежь достойный пример с того,
Кто не унизит стиха, кто в нем высшую
мудрость постиг.

Перевод Л. Руст

¹ Имена поэтов, предшественников Абая.

Если умер близкий – скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слез роняя с увлажненных век?

Свадьба – женят сына, дочку отдают –
Радуются люди, от души поют.
Сколько есть обрядов: беташар, жар-жар –
Разве мы без песен обойдемся тут?

Родился младенец – пир, шилдехана,
И ночами песня звонкая слышна,
Вспомни поговорок звонкие стихи –
В песне мудрость предков нам сохранена.

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня – вечный спутник радости земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, –
Не споешь ты песню, не поймешь ее,
Но молчать ли песне, если ты к ней глух?

Стих – узор словесный, стих – что кружева,
Пригнанные тесно, в нем поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, –
Не отвергнуть песни, песня век жива!

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.
Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца.

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевший песню, не понес утрат!
Продающих песню дальше обходи, –
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдешь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернется вскоре для других забав, –
Мало кто услышит мудрость слов таких.

Шортанбай, Бухар жырау и Дулат..
Песни их – обноски из сплошных заплат.
О, когда б нашелся хоть один знаток, –
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда – в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях – забавлять глупца!

Перевод *П. Карабана*

Мухой хочешь при луге...

ВЕСНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Все живое обласкано солнцем степным,
Словно мать и отец, рада наша земля.

И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи – не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает.
Мотыльки – над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом озерке и пруду
Тронь осоку – и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь – смотришь, как спущенный сокол ручной
Из-под облака лебеда бьет на лету.
Возвращаешься – девушка крикнет: «Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!».

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец;
Тяжек труд земледельческий – вспашка, посев,
Но земля все ж сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах – певчих птиц голоса,
На озерах по заводям – крик лебедей.

В полночь – яркие звезды, большая луна,
Как же им не гореть, если полночь темна?
Но померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее – солнце, – о встрече моля.
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце – болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом шатер золотой.

1890

Перевод П. Шубина

ВЕСНА

Весна пришла, от стужи избавляя,
Степная гладь ковром цветет, пылая,
Когда глаза с мольбой глядят на небо,
Теплеет солнце, как, земля родная,
О новом лете возвещают птицы.
И молодость, как лето, голосиста
Из хижин старики, как из могилы,
Выходят, чтоб по своему резвиться.
Кочевники дождались долгой встречи.
Восторженно сомкнулись братьев плечи.
Аульный гам. И снова молодежь
Воркует с упоением каждый вечер.
Верблюд трубит к рожденью верблюжат.
В овраге мотыльки кишмя кишат.
И овцы блеют. Птицы над водой,
Кокетничая, крыльями шуршат,
Плывут и лебеди – красавицы озер.
Волнуют в поднебесье птицы взор.
Когда летишь на резвом скакуне,
Твой сокол вспыхнет выстрелом в упор.
Есть утки, гуси. Гордость на коне:
Девчата липнут, что отбоя нет.
Они одели летние наряды.
Земля в цветах так празднична, нарядна.
В зените – жаворонок. С нами – соловьи
Вторгается кукушка в хор наш рьяно
Купцы сзывают аульчан на ткани.
На поле борозды кладут дехкане.
Двоится скот у бедных и богатых.
От радости двоится и дыханье.
Искусным мастером создатель на земле
Оставил доброты узорный след.
Когда земля, как мать, поит нас грудью,
Склонившись, небо не встает с колен.

Посланец лета землю оживил.
Душа поверила в причастность высших сил.
Тучнеет скот, есть мясо, молоко,
Чтоб пыл надежды в людях воскресить.
Взбодрилось все. Лишь камень спит упорно.
Скупцу, как камню, суждена убогость.
Смотри на чудо высшего творца, –
Побудь в томленьи, укрощая волю,
Галдеж детей. Пригрелись старики –
Барахтаются вволю стригунки.
С небес несется песня певчих птиц.
Закрякали на озере чирки.
Когда нет солнца, власть у звезд с луной
Они сияют в темноте ночной.
Когда заря трубит подъем светилу,
Они, косясь, проходят стороной.
А солнце – муж, земля его супруга.
Их истомила зимняя разлука.
Восходит солнце поступью крутой,
И мчатся прочь соперники в испуге.
Луне и звездам весть приносит ветер,
Земная жизнь воспрянула ответно:
Суровое отбросив одеяло,
Украсилась в улыбчивую свежесть.
Земля в объятья, бросилась светилу,
Они – супруги в первозданной силе.
И солнце землю соком напоило,
Украшив, как жар-птицу, окрылило,
На солнце глянуть прямо невозможно.
Оно целует душу до ожога.
Я на закате видел: это солнце
Вошло в шатер, как боги, осторожно.

Перевод *М. Султанбекова*

ВЕСНА

Растопила весна стылость долгой зимы,
В нежный бархат оделись низины, холмы.
По-отечески солнышко дарит тепло,
Все в природе теплеет, теплеем и мы.

С возвращением птиц расцветает весна.
Молодежь гомонит целый день допоздна.
Старики обнимаются, словно вот-вот
Из могил поднялись после долгого сна.

Из аулов далеких и ближних родня
Рада свидеться. Сколько души и огня!
Молодежь предается свободе, прогнав
Все заботы тяжелого зимнего дня.

Овцы блеют, верблюдицы резко кричат,
Птицы, бабочки в балках как снег мельгешат.
Под внимательным взглядом кустов и дерев
Ручейки, извиваясь, текут и журчат.

На воде гуси, лебеди – облако птиц.
Дети носятся в поисках птичьих яиц.
На крылатом коне полетишь ты стрелой,
Сокол твой опереньем сверкнет над тобой.
Ты с богатой добычей вернешься домой,
И тебя все девицы обступят толпой.

Молодайки красуются в лучших шелках,
С их узорами спорят цветы на лугах.
В небесах воробьи, а в кустах соловьи,
А дрозды и кукушки им вторят в горах.

Вот с товаром торговцы нахлынут сюда,
А дехкане займутся на ниве труда.
Долгий труд благодарно приносит плоды.
Погляди: молодняк умножает стада.

Землю очень искусно украсил творец,
Дарит свет – благодать наших темных сердец
Мать-земля! Когда люди сосут твою грудь,
То на них смотрит с нежностью небо-отец.

Бог послал нам весну, оживив все вокруг.
В милость божью верует царь и пастух.
Скот тучнеет, добро и богатство текут.
Духом жив человек. Создай же свой дух!

Всем тепло, кроме черного камня-гольца.
Все становятся щедрыми, кроме скупца.
Новой силы прилив ты почуял в себе,
Наблюдая с восторгом деянья Творца.

Гвалт детей. Сторожат солнцепек старики.
Скот от сытости млеет. Звучит колдовски
Перезвон, перелив, щебетание птиц.
Крик гусей, лебедей доносит с реки.

Когда прячется солнце, ликует луна,
И сверканьем ее мгла ночная полна.
Но, предчувствуя ясного солнца восход,
Блеск теряет, бледнеет и меркнет она.

Вся земля как невеста, а солнце – жених,
Правят вечно любовь и совет среди них.
Пока не было солнца, царила луна,
Но при свете зари лунный образ поник.

Теплый ветер и первый прилет журавля
Весть о свадьбе несут, все сердца веселя.
И, отбросив долой покрывало снегов.
Озарилась счастливой улыбкой земля.

От любимого солнца она без ума,
Хоть встречаться им долго мешала зима.
Вот и солнце! Печали и страсть уголив
Засияла, горит как жар-птица земля.

Человек в очи солнца не смотрит в упор
Хоть оно согревает его с давних пор.
Сам я видел, как солнце, покинув сей мир
Входит в свой золотисто-пурпурный шатер.

Перевод *Ю. Кузнецова*

ВЕСНА

Исчезает к весне дух зимы ледяной,
Расцветает земля, как ковер травяной.
Высыпая на свет, словно дети к отцу,
Все живое обласкано солнцем верной.

Входит в силу весна с возвращением птиц,
Вон подростки, ликуя, к друзьям понеслись.
Со старухой старик, словно только ожив,
За расспросы и байки свои принялись.

Люди с гор и равнин рады свидеться вновь,
Улыбаясь, шутя, обнимаясь без слов.
Молодежи не терпится душу излить,
Отдыхая весной от забот и трудов.

Во дворах изобилье ягнят, верблюжат,
Лог на бабочек пестрых и птичек богат.
Вдоль цветов и деревьев, склоненных к воде,
Извивается речка, чьи струи бурлят.
Гуси, лебеди здесь, величавы, царят,
Птичьи яйца влекут стайки шумных ребят.
Если сокола пустишь с коня на скаку,
Он в мгновение ока рад жертву подмять.
Дева, ластясь к тебе, тянет руки к седлу,
Где добыча твоя приторочена в ряд.

В эту пору степнячки нарядны, нежны.
Украшают цветы лик родной стороны.
Воробьи, соловьи – все поют на свой лад,
С гор кукушки и филины вторят, важны.

Набегают торговцы с набором обнов,
Пашут землю дехкане, в поту от трудов.
У хозяев двоится весенний приплод –
И приходит достаток под милый им кров.

Словно мастер, украсил всю землю Творец,
Ты – его доброты бесконечной венец.
Словно мать, истекает любовью земля.
Небо нежно склонилось к тебе, как отец.

Как не верить в Аллаха, раз божьим теплом
Оживляет он землю весенней порой!
Скот твой – в теле, и крепок шипящий кумыс.
И высок, и приподнят душевный настрой!

Все цветет, кроме черных угрюмых камней,
Кроме сердца скупца, чей незыблем устой!..
И величем Творца проникаешься ты,
Поражен совершенством, пленен красотой.

Старики – к солнцепеку, где дети шумят,
Возбужденных не счесть стригунков, жеребят.
Заливается в небе, высок, бозтургай,
И озерные птицы всю гомонят.

Если небо без солнца, там – звезды, луна.
Черной ночью сверкает державно она.
Но вот стоит заре кинуть нежно лучи,
Как бледнеет она, над собой не вольна.

Солнце – милый жених у невесты – земли,
Столковались они друг от друга вдали.
Пусть старались когда-то здесь звезды с луной,
Но явился жених и с пути все сошли.

До луны и до звезд ветер радость донес,
Все живое плясало под пение звезд.
Белый саван зимы отшвырнув от себя,
Улыбалась земля дуновению грез.

Зиму всю прождала своего жениха,
В снах разлуки дожить ли чете до греха?
Солнца знойным дыханьем насытись, земля,
По-павлиньи свои выгибает бока.

Кто способен на солнце взглядеться в упор?
Она ласково просится в дружеский взор.
...Я увидел под вечер, как солнце сошло
В золотой и багровый заката шатер.

Перевод *А. Кодара*

ЛЕТО

Лето – солнечная пора!
В тучных, в шелковых травах степь
От душистых цветов пестра;
К полноводной реке аул
На кочевье пришел с утра.
Слышно ржанье коней в траве,
Как в лесу, их найдешь не вдруг;
Тяжко дышащих кобылиц
В стойло, в воду загнал пастух;
Бьют хвостами они себя,
Отгоняют докучных мух;
К матерям жеребята льнут
Или скачут, резвясь, вокруг;
Стаи уток и лебедей
Осеняют крылами луг...
Ставят девушки юрты; смех
На лукавых губах подруг,
Четких, плавных движений ритм,
И мелькание белых рук...
Скот на пастбищах оглядев,
Успокоясь, помолодев,
Возвращается бай в аул,
Аргамак его резв и сух.
Гости в юрту его сошлись,
Бьет ключом из сабы кумыс.
Остроумие в их кругу
Возбуждает кумысный дух.

И, наученный пастухом,
Мальчуган осаждает мать,
Просит лакомства, врет за двух.
Здесь не чувствуется жары;
Бай откинулся на ковры;
Над его самоваром пар,
Словно облачка белый пух.
Бай кивком одобряет речь,
Говорить не желая вслух;
Но кивку его, лебезя,
Вмиг поддакивает весь круг.
С палкой, в белой рубашке, сед,
Аксакал издали спешит.
Он кричит: «Поверни стада!
Сторонись, не пыли, пастух!»
Может, баю придет каприз
Пригласить к себе на кумыс
Раболепнейшего из слуг.
Вот табунщики на лихих
Необъезженных вороных:
Утром сели они в седло,
А теперь уже день потух.
Вот охотники вдоль реки
По вечерним лугам спешат,
С каждым сокол, как верный друг.
Ловкий хищник уходит ввысь
И разит, и седых гусей
Гонит вдаль от него испуг..
...Аксакала томит недуг,
Жизнь прошла, не вернешь назад:
Байским шуткам издалека.
Вторит старческим смехом, он..
Только бай к его смеху глух...

Перевод П. Шубина

ЛЕТО

Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы
Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки.
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво,
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливые стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криками оглашая
Степной простор далеко вокруг,
Женщины юрты ставят ловко.
Видны уверенность и сноровка
В плавных движениях их белых рук.
Бай, объехав свои отары,
Довольный скотом и самим собой,
На статном коне трусит домой
К закипающему самовару.
Хозяйка льет из сабы кумыс,
Уже домочадцы в кружок сошлись,
А мальчик, посланный батраками,
Вертится рядом, ласться к маме,
Просит жалобно: «Мяса дай!»
В тени навеса готовят чай,
И в ожиданьи горячего чая,
На кошмах важно усевшись, баи
Ведут беседу между собой.
Пока один, не в меру болтливый,
Трещит не смолкая, другие учтиво

Кивают рассказчику головой.
Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: «Отгоните скот!»
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.
Табунщики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга,
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если выпущенный из рук
Стремительный беркут ввысь взовьется
И крупного селезня схватит вдруг...
Что было, прошло и уже не вернется
К бедняге, дряхлому старику.
Он сделал все на своем веку
И, празднично стоя на берегу,
В угоду юношам громко смеется.

Перевод А. Жовтиса

ЛЕТО

Июль – середина лета.
Степная нива на диво.
Подснежники в ярком цвете.
И там, где резвится река,
Аул встает на рассвете.
И в травах крупные крупы
Едва заметны при ржанье,
Табун, утоливший жажду,
Стоит, затаив дыханье.
Но мухи и здесь донимают,
Воды и неба на грани
Резвы молодые кони
Не схватишь при всем старанье
Повсюду утки и гуси
Снуют в голубом коралле.
Девчата и снохи юрты
Украсят согласно желанью.
Не зря, засучив рукава,
Смеются в отдельном собранье.
Облеплена степь скотиной.
Довольный такой картиной
В аул возвращается бай.
Под ним, иноходец играет.
Обманутый бедным слугой
Малыш у мамы хлопочет
О вкусном мясе бараньем.
Должна быть тень над головой,
Ковер постелен дорогой.
Чтоб баи, славные в степи,
Хвалили буйный самовар.
Заводят речи знатоки,
В байгу запущены слова.
Иные вторят им кивком,
Поддакивают млад и стар.

В рубашке белой с палкой вдруг
Явился сбоку аксакал
Дает совет он пастухам
Не подпускать к жилью скота.
Чтоб бай назвал их: байгуши
И дал кумыс им от души.
Прелестной лестью обложив,
Одев чапан в один рукав,
Уняв коня строптивый нрав,
Табунщики кружат с утра
У байской юрты неспроста
Стрельбой и ловчих птиц огнем
Заражена вся молодежь;
И мчится с пеною у рта
Степные беркуты с руки
Взлетают вмиг на небеса,
Сбивая селезней с хвоста.
Ушли заботы в забытье.
В руках нет сил у старика.
Бедняга юношам в угоду
В ауле весело хохочет,
Открыв по-старчески уста.

Перевод *М. Султанбекова*

ЛЕТО

Знойным летом налитые
В рост пошли цветы и травы;
Соки бродят в них живые;
У реки разбили станы
Скотоводы кочевые.
Гул висит над табунами,
Шум стоит у водопоя.
Жеребцы и кобылицы
Блещут сытыми боками;
Чтобы от слепней отбиться.
Хлещут по воде хвостами.
Между ними жеребята
Резво бегают кругами.

Вверх и вниз речные птицы
Мельтешат под небесами.
Молодицы и девицы
Блещут белыми локтями;
Плавно, медленно ступая,
Ставят юрты и смеются.
Смех приволен, мир раздолен.
Из поездки бай вернулся,
И стадами он доволен,
И конем, что не споткнулся.

В самой крайней юрте деды
Делом заняты приятным
И ведут свои беседы
За кумысом ароматным.
Внук, обманутый слугою,
Хнычет и сластей у бабки
Просит, топая ногою.
На коврах, в тени чинары
Баи важно восседают,

Перед ними самовары
Громко песни затевают.
Муж ученый держит слово,
Что быстрее коня степного.
Все согласие выражают
И кивают то и дело.
Вон старик стоит у юрты
С посохом, в рубашке белой,
Пастухов бранит, чтоб гнали
Шумный скот от юрт подале;

Лебезит и суетится
Перед баем, мол, за старость
Тот кумыса даст напиться.
Все табунщики так рьяны.
Под собой земли не чувят.
Подоткнув с утра чапаны.
На лихих конях гарцуют.
У реки расположилась
Молодежь сама собою.
Птиц стреляя, птиц пуская.
Вдруг из рук вспорхнет, блистая,
Птица синяя, подхватит
Утку в воздухе и сядет.
Все забыто. Бедный старец!
Или ты ошибся в чем-то.
Только старому нейдет,
Одобрительно и громко
Он на весь аул смеется.

Перевод *Ю. Кузнецова*

ЛЕТО

Пора, где упорствует зной,
Где стебли растений и трав
Растут, наливаясь красой,
Где став, суетится аул,
Привечен бурлящей рекой.
Где, скрытых травюю коней
Мелькают повсюду хребты,
Бока выпирают кобыл,
Что охая, стонут, сыты.
Стоят, остужаясь в воде,
Привскинут порою хвосты.
Кругом жеребята, резвясь,
Топочут, довольны собой.
Озерные птицы, крича,
Взлетают стремглав над водой.
У юрты, уки подняв,
Молодки толкутся гурьбой,
Мелькая локтями, смеясь,
Шушукаясь наперебой.
Объехав пасущийся скот,
Свободный от дел и забот,
К аулу торопится бай,
Коня направляя рысцой.
Рассевшись вокруг тегене
Ведут разговор старики,
От смеха тряся бородой.
Малыш свою мать теребит:
Он выпросить мяса кусок
Подослан к ней втайне слугой.
Над ними навес от жары,
Роскошны под ними ковры.
Кипит самовар, заходясь,
Избытка доволен игрой.
Вот взялись за речь знатоки,

Как кони бросаюсь в намет.
Другие горазды кивать,
Смотря им доверчиво в рот.
Вот в белой рубахе старик,
За палкой своей волочась:
«А ну, отгоните овец!»
На скотников бойко орет.
Шумит он, надеясь, что бай
Заметит, беднягу, его.
Жалея, к себе позовет
И чашу кумыса нальет.
Чапанов края подобрал,
Коней укрощая с утра,
Табунщики едут домой,
Устав от натуг и хлопот.
Стреляя из ружей, крича,
Ватага азартных юнцов
Вдоль берега поиск ведет.
Вот сокол, сверкнув над водой,
Гуся, что махает крылом,
На взлете прихлопнув, берет.
Что было, быльем поросло,
Стремиться к чему-то нет сил.
Знакомец наш, бедный старик,
Стоит на отшибе, смеясь,
Чтоб выказать баю почет.

Перевод А. Кодара

ЛЕТО

В июле знойном сердце лета,
Когда трава все покрывает,
Ручьи запутались в осоках
И в поспевающих колосьях
Головки мака польхают;
На берега реки бурливой
Тогда аул мой прибывает;
Мелькая жирными хребтами,
От удовольствия храпя,
В траве катаются айгыры¹,
Кобылы с толстыми боками
Уж еле дышат отходя,
В воде стоят по брюхо кони,
Хвостами шлепая небрежно,
Меж ними трогательно-нежно
Резвятся стригунки играя.
Здесь утки, гуси вверх и вниз
Шуршат и хлопают крылами.
Молодки юрты выставляют
И станы гибкие качают
И руки парой белых птиц
Из рукавов рубах порхают,
На миг мне дух перехватив,
Я б кречета пустил на них,
Да уж охотников хватает,
А девок смехом разбирает.
Объезжая скот, стада,
Бай в хорошем настроеньи
Возвращается домой,
Не спеша качаясь в стреме;
Кумыс из саба² наливают,
В середину выставляют

¹ Айгыр – молодой жеребец-производитель.

² Саба – большой кожаный сосуд для хранения кумыса.

В круг гостей, согласно роду,
Шутят, пьют, конца нет спорам.
Слугой подосланный малыш
Все хнычет, раздражая мать,
И клянчит мяса на двоих,
Побольше просит ему дать.
В рубахе с посохом в руке,
Старик степенного обличья,
Скот требует подале отогнать,
Усердствуя на пастухов излишне,
К себе тем привлекая знать,
Ему бы кто хоть из приличья,
Мог кумыса пиалу дать;
Среди склонившихся голов
На кошмах важных животов
Уж самовар пыхтит сердито,
И приживалы лебезят,
Качая головами в такт
Словам ученым – «так, так, так!»
А на строптивых лошадях
В аул табунщики спешат,
Заткнув подолы чапанов,
Изобразив на лицах жалость,
У бая выпросить хоть малость,
Хотя бы только с ноготок
Кумыса вымолить глоток
И снять ужасную усталость,
С утра в седле, уж изнемог.
Своею стаей молодежь,
Джигиты-юноши отдельно
Стреляют с ружей у реки,
Пуская ловчих птиц с руки,
Клекочут громче чем сокол,
Который гуся с лету смел.
Что было, то прошло забылось,
И ничего не сможешь сделать,

Как жизни лето пролетело?!
В руках нет сил,
Бедняга, давешний старик,
Стоит в ауле и смеется,
Хохочет, хлопает, трясется.

Перевод *М. Адибаева*

Середина лета. Жара.
Покрывает степь муравой.
Родниками полна река
Полыхают маки кругом.
К берегам кочует аул.
Незаметны кони в траве,
Наливные блестят бока
Кобылиц, стоявших в воде.
Стригунки резвятся вокруг,
Отбивая хвостами мух.
Улетают утки на луг,
Догоняет их гусь-пастух,
Рассекая небо крылом,
Оглашая криком края.
Расставляют юрты втроем
Молодые снохи с утра.
Круглобедр их круглый стан,
Белоснежные руки быстры,
Переливчат и звонок смех.
Объезжая стада свои,
Возвращается бай домой,
Не спеша, трусцой на коне,
Весь довольный самим собой.
Наливают кумыс в кесе,
Выставляют на стол саба,
Уважаемых чтут гостей,
Веселятся в кругу, шутя
Мясо варится в казане,
А малыш свою просит мать
Ему вкусного мяса дать.
Развалившись, сидят в тени
На красивом красном ковре
Краснощекие богачи,
Разговор ведут о байге.

Красноречие – божий дар,
Почитаем такой в кругу,
И дымящийся самовар
Преподносят слуги к столу.
Одинокий бедный старик
Сиротливо стоит в стороне,
Но увидев, что мчат пастухи,
Поднимающих пыль коней,
Выбегает на них, кричит,
Белым посохом машет вслед,
Захотел и он получить
Со стола богачей обед.
Подоткнув свои чапаны,
Перед баем кружа в седле,
Кумыса просят чабаны.
Молодежь шумит на реке.
На плечах у них сокола,
Нарезные ружья в руке,
Белокрылого гонят гуся.
Тот бедняк стоит вдалеке,
А в руках уже нету сил.
То, что было, быльем поросло,
Лишь остался никчемный пыл.
Твое время, старик прошло,
Но он помощи не просил
И смеялся всем людям назло.

Перевод *Ф. Тамендарова*

ОСЕНЬ

Тучи серые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
То ль от сытости, то ль, чтоб согреться, резвась,
Стригунка догоняет в степи стригунок.

Ни травы, ни тюльпанов. И всюду затих
Звонкий гомон детей, смех ребят молодых.
И деревья, как нищие старцы, стоят
Оголенные, листьев лишившись своих.

Кожу бычью, овечью в кадушках дубят.
Чинят шубы и стеганый старый халат.
Молодухи латают дырявые юрты,
А старухи неделями нитки сучат.

Косяком потянулись на юг журавли.
Караваны верблюдов под ними прошли,
И в аулах уныние и тишина,
А над степью осенней одни ковыли.

Дуют ветры, становится все холодней,
Стужа мучает и стариков и детей.
Псы голодные ловят мышей полевых,
Не найдя, как бывало, объедков, костей.

Ветер пыль поднимает над степью черно.
Осень, сыро. Но так уже заведено
Плох обычай! Нельзя разжигать очаги.
В наших юртах теперь неуютно, темно.

Перевод А. Гадова

ОСЕНЬ

Неприветливы тучи осенней порой.
Ложится на землю туман сырой.
Резвясь или с холоду окоченев,
В степи разыгрался табун молодой.

Словно выжжена степь. Ни тюльпанов, ни трав...
Не слышать быстроногих ребячьих орав.
Как иссохшие старцы, стоят деревья,
Листок за листком всю красу растеряв.

Время шкуру овечью закладывать в чан,
Истрепался чекмень, износился шапан.
Нить за нитью старухи прядут и прядут...
А молодки на юрту заплаты кладут.

Потянулись на юг косяки журавлей,
Люди едут за хлебом с кочевки своей,
По аулам уныло, ни игр, ни забав,
Только ветер гудит все слышной и слышной.

Жмутся дети друг к дружке, угрюмый старик
У костра над потухшей золою поник.
Все обглоданы кости, голодные псы
Пробавляются ловлей мышей полевых.

Ни травинки в степи. Неприветливый вид.
Только ветер избитой дорогой пылит.
В черных юртах нигде не найдешь ты огня:
Плох обычай, очаг разводить не велит.

Перевод *М. Нечая*

ОСЕНЬ

Ползет ненастье. Зябко и уныло
Сырая зависает мгла с утра.
Играют кони в поле, ржут кобылы,
И годовалых взнуздывать пора.

В работе и заботах день недолог:
Выдeldывают шкуры, кожи мнут,
Плетут ремни, латают дряхлый полог,
Просушивают скарб и шерсть прядут.

Ни радостного возгласа, ни крика,
Ни яркого пятна среди жухлых трав.
По-нищенски печально и безлико
Деревья мерзнут, листья растеряв.

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до весны.

Вздыхают старики, и зябнут дети...
И, коротая долгие часы,
Я по холмам брожу, где веет ветер,
Где бегают некормленные псы,

Откуда виден весь наш быт убогий
В осенней мгле темнеющего дня,
Потертый войлок юрт, тоска дороги
И степи без единого огня.

Перевод *Е. Курдакова*

ОСЕНЬ

По небу плывут темно-серые тучи.
Осенний туман распластался тягуче,
Не знаю, от сытости или от скуки
В бегах стригунки, кобылицы в отлучке.

Трава и подснежники в поле пожухли.
И шутки, и смех молодежи потухли.
Кусты и деревья без листьев округлых
Стояли бледны, как старик со старухой.

Задублена кожа для новой дубленки:
На ком-то обвисла тряпьем одежонка.
Всучив свои прялки свекрови, невестки
Латают прорехи на юртах в сторонке.

Летят журавлиные стаи рядами.
Внизу верблюды с зерновыми вьюками
И в каждом ауле тоскливо немного:
Не видно ни игр, ни невест за холмами.

Кряхтят старики, коченеют ребята,
Еще до зимы холодами объята.
Собаки, лишившись костей и бульона,
Умчались на ловлю мышей до заката.

Огня не разводят на стойбище этом:
Туманом окутает копоть под ветром.
Тоска одолела людей в темноте:
Да сгинет обычай быть ночью без света.

Перевод *М. Султанбекова*

ОСЕНЬ

Тучи серое небо сгущают во мрак.
Воздух осени мглою сырою набряк.
То ль от холода, то ли от сытных кормов
Табуны оживились и резв молодняк.

Ни травы, ни цветов. В безотрадные дни
Ни веселого смеха, ни детской возни.
И кусты, и деревья стоят без листвы;
Как унылые, нищие старцы они.

Кто-то занят дубленьем, он мрачен и худ,
Старый драный халат его ветром продут.
Бабки пряжу прядут, молодайки меж тем
На дырявые юрты заплаты кладут.

Птичьи стаи летят из неведомых мест,
Каравана следы озирая окрест.
Все притихло, угрюмые лица везде,
Ни веселых потех, ни народных торжеств.

Знобкий холод трясет стариков и детей.
Что ни день, грусть-тоска донимает сильней.
Не дождавшись помоев и сладких костей,
Тем и живы собаки, что ловят мышей.

Табунами повыбиты травы в степях.
Свищет ветер, вздымая, как облако, прах.
Неуютно и холодно в юрте зимой.
О, проклятая жизнь – дым и копоть, и страх.

Перевод Ю. Кузнецова

ОСЕНЬ

Обложено небо нашествием сумрачных туч,
Промозглый туман покрывает округу, тягуч.
Пронесутся кони, кобылы бегут, стригунки,
Как будто их кто-то согреет велик и могуч.

Ни зелени нет, ни цветов, как в прошедшие дни,
Не слышно ни смеха, ни детской шумливой возни.
Деревья без листьев... тростник, что потерян и гол...
На нищих семейку похожи соседством они.

Вон кто-то собрался заняться дублением кож.
В чапане дырявом не очень, однако, пригож.
Молодки латают изодранный войлок у юрт,
Свекрови доверив пряденья упругую дрожь.

Вон птиц вереницы. Не надо далеких им стран.
За житом собравшись, белеет вдали караван.
Не слышно нигде ни гулянья, ни праздничных толп,
Куда ни приедешь, унынье раскинуло стан.

Старик со старухой... ребенок, что сжался в комок...
В степи только холод угрюмо свой празднует срок.
Оставшись однажды без жижи, сурпы и костей,
Собаки мышуют, им дома лежать невдомек.

Кочевье хиреет, повсюду бестравная плешь,
Как ветер ударит, сквозь пыль никому не пролезть.
Казахов, в чьих юртах не принято копать плодоть,
В такой холодине к чему недалекая спесь?!

Перевод А. Кодара

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой.
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает в степях, снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его – стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли – нахмуренный вид;
Головою тряхнет – скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестискладная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк – союзник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не поспав, не умрешь, надо быть посмелей!
Все же лучше, чем волк, Кондыбай и Канай.
Деду мы не дадим пировать средь степей!

Перевод *Вс. Рождественского*

ЗИМА

Белобородый, в белой одежде старик
Глух и нем ко всему и ко всем без разбора.
Белый иней на нем и по виду суров,
По скрипучему снегу ступает упорно.

Дышет лютым морозом, сковавшим простор,
Старый сват, не зима, разгулявшись на славу.
Тучу шапкой одел набекрень впопыхах,
И от стужи покрылся румянцем лукавым.

Облаками ресницы легли на глаза.
Головой шевельнет – снег завалит по пояс.
Забушует от злости, как сильный буран,
Шестикрылая юрта выходит из строя.

Увлеченные дети в азартной игре
Обморозят и руки, и щеки случайно.
Потому и пастух, облаченный вдвойне,
Отвернулся от ветра, кряхтя и качаясь.

Расчищают без усталости лошади снег.
Поистратили кони последние силы.
Вместе с лютой зимой пробирается волк.
Пастухи лишь бы хищнику не уступили.

Охраняйте, угнав скот к надежной черте,
Не умрете от сна, одолев эту крепость.
Пусть съедят до весны Кондыбай и Канай,
И оставите старца ни с чем за свирепость.

Перевод *М. Султанбекова*

ЗИМА

Великан в белой шубе, с седой бородой,
Никого он не видит, слепой и немой,
На суровом лице белый иней блестит.
Все скрипит и трещит под тяжелой стопой.
Пар дыхания снежен, морозен и лют.
Так пришел старый сват – и потряс наш покой.

Словно облако, шапку надвинул на лоб,
От мороза багров, как батыр молодой;
Брови-тучи свисают, скрывая глаза.
А потрянет головой – снег валит день-деньской.
Его гнев превращается в снежный буран,
Белой юрты-орды потрясая устой.

Детям в радость мороз, высыпают из юрт,
Но лицо опалив, убегают домой.
В чекмене и тулупе пастух, но и тот
Не стерпел, повернулся от ветра спиной.
Кони слабо по насту копытами бьют,
Сил уж нет, а трава под корой ледяной.

Воют волки, ощерясь с приходом зимы.
Эй, пастух, опасайся потравы лихой!
Угоняй табуны на другие места.
Сон не в сон!.. Лошадьми поживятся зимой
Не какой-нибудь волк, а Канай, Кондыбай,
А потом с глаз долой старика с бородой.

Перевод Ю. Кузнецова

ЗИМА

Кто в белом, могуч, серебрист бородой,
Враждуя со всеми, слепой и глухой.
Заиндевав сплошь, хмур и грозен лицом –
По снегу скрипя, подошел к нам с тобой?..
То старый твой сват, чье дыханье – буран.
Сварливо, свистящий в степи вековой.
Он в шапке из клуб облаков кучевых,
Румянясь, краснеет от стужи крутой.
Косматые брови нависли до глаз,
Пойдет снегопад, как качнет головой,
Когда разъярится, поземкой крутя,
То юрты дрожат от растряски такой.
Ребята, что бегали – рады зиме, –
Лежат, обморожены этой зимой.
Табунщики в шубе, что мехом вовнутрь,
И те повернулись к морозу спиной.
Коней косяки, чьи копыта мощны,
И те, ослабев, изошли худобой.
С зимою недоброй лютует и волк.
Табунщики, лень и сонливость долой!
На свежий покорм угоняйте табун,
Пусть ветер и стужа повсюду стеной.
Чем волк, пусть крадут Кондыбай и Канай,
Пусть с носом уйдет старикашка лихой!

Перевод А. Кодара

Ноябрь – преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
Но чтоб окрестные луга до снега не топтать,
Бай держит стадо далеко от своего двора.

У бая много пастухов и юрта хороша,
А бедный мерзнет сам в степи, скотину сторожа;
Он квасит кожи и дубит их в ледяном чану;
Жена, бедняга, ткёт чекмень, от холода дрожа.

И для ребенка нет костра, и в юрту натекло,
И улетучилось давно последнее тепло;
А старикам совсем беда, ложись и помирай:
И пищи нет, и солнца нет, и ветер воет зло.

Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка,
Благовари скорей его, семью его и род.

Пускай над степью снеговой буран гремит опять,
Ведь байский сын одет и сыт, ему тепло гулять,
И батрачонок целый день обязан быть при нем
И со слезами на глазах ублюдка забавлять.

Потом несмело, словно тень, войдет он в байский дом
И сядет, прислонясь спиной к горе мешков с добром;
Украдкой подобрал кусок, что бросил байский сын,
Задремлет тихо в уголке, обласканный теплом.

А бай балованным сынком доволен без конца;
На радость баю он растет собакой весь в отца;
Голодных сверстников своих стыдится байский сын,
В нем жадность вора, кровь отца и совесть подлеца.

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок, гляди, длинна у бая плеть:
Трудись, бедняк, проклятый долг сторицей возврати,
Ведь баю жить и богатеть, тебе в могиле тлеть.

Печальна горестная жизнь голодных бедняков!
Владелец тысячных отар, верблюдов и быков,
Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

Перевод *П. Шубина*

Вот ноябрь и декабрь. В эти месяцы, тих,
Бай не тронет угодий предзимних своих.
Раньше времени корм не желая пожрать,
На осеннем становье ждет дней он лихих.

Байских стад пастухи скот лишь знают пасти.
Им бы дров, чтоб огонь побойчей развести.
Жены их, мельтеша, кожу дубят в чану,
Шьют чекмени, иглу уминая в горсти.

Без огня малышам и ни встать, и не сесть.
Раскорячась вовсю, не погреешь всех мест.
Если есть старики, как же им нелегко,
Воет ветер и стужа на версты окрест.

Бай зарезал барана, что стар был и хром,
А бедняк не мечтает о пире таком.
Если даст байбише кизяка с полмешка,
Это надо считать величайшим добром.

Сыну бая тепло и в буран, снегопад.
Юрта войлоком крыта, чей плотен обхват.
Сын слуги у него в услуженье всегда,
Всюду рядом он с ним, рад тому иль не рад.

В юрту бая ему путь заказан пока.
Пробавляется тем, что сопрет у сынка.
Любит вечно крутиться за юртой, где выюк,
Выбрав место, где солнце согреет бока.

За сынком наблюдают и мать, и отец,
Вот и вырастет он, как последний стервец.
От стыда пред дружкой ему пища не впрок,
Хоть и мал, но умом он уже не малец.

С бедняком никогда не поделится бай,
«Будь усерден в труде и тогда получай».
Бай бездушен, слуга равнодушен к труду,
Эту пару создав бог хватил через край.

Пусть и стащит порой потихоньку бедняк,
Бай, учти его труд, скот пасти не пустяк
Обогрей до весны стариков и детей,
Все же, ты не буран, чтоб безумствовать так.

Перевод *А. Кодара*

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.

Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.

Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший – в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне

И отважна, и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя.

Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

1888

Перевод. Ю. Нейман

В ночной тиши луна царит,
И отблеск на воде дрожит,
В глухом овраге дремлет мгла.
Река весенняя шумит.

В лесу деревья меж собой
Лепечут новою листвою.
Помолодевшая земля
Покрыта зеленью густой.

И ловит слухом горный край
Пастуший клик и песий лай.
А ты сюда не приходил?
Так приходи и ожидай.

Она бледнеет и горит,
Ей грудь дыхание теснит.
Пугаясь каждого куста,
То замирает, то дрожит.

Сердечной дрожи не уняв
И тайных слов не прошептав, –
Скажи, – стояла ли она,
Лицом к груди твоей припав?

1888

Перевод Ю. Кузнецова

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.
 Будет зорок – добудет лису в горах.
 Вот находка в пути: удобный наряд,
 Конь хороший да спутник, забывший страх,
 Да лисы осторожной обратный след,
 Обнаруженный чудом в горных кустах.

У подножья горы – охотников сбор.
 Всадник с беркутом скачет во весь опор,
 Он сорвет клубочек у беркута с глаз –
 Беркут крылья расправит, глядя в упор.
 «Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» –
 Так подумав, он взмлет к вершинам гор.

«Не спасет меня бегство», – лиса поймет,
 И замрет она вдруг, и раскроет рот,
 Заскрежещет зубами и глянет вверх:
 И она хочет жить, у нее – свой расчет!
 Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
 Презируя опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса – из мощных врагов,
 Сразу в дело пускает сорок клинков.
 Но не вздумает медлить беркут-батыр:
 Обнажит восемь лезвий, восемь штыков.
 Зашумит он крылами и полетит,
 Устремится на землю из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
 Словно единоборцы-богатыри.
 Та – царица земли, тот – небесный царь.
 Захотел человек – и эти цари
 Бьются насмерть... А снег ослепительно бел,
 Черен беркут, лисица красна...

Смотри!
Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом.

Эта битва тебе напомнить должна
Жениха и невесты первую ночь.
На постели им тесно... Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул ее под собой.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
И, гордясь победой над хитрой лисой,
Победители стать на отдых не прочь.

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Захвати в добычу три косяка!».
Ты доволен и рад. Стряхнув малахай,
Ты кладешь за губу щепоть табака.
Словно ягод в горах – пусть будет лисиц,
Чтоб охотника доля стала сладка.

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В бренном мире нет мне занятия милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого пронизательный, ясный ум.
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей.
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

1882

Перевод С. Липкина

Охотник и конь, и напарник и беркут,
И снега нетронутого полоса,
И где-то в кустах, незаметная сверху
И снизу, встревоженная лиса.

Охотник – сверху, а выжлятник – в долине.
И видит в укрытие звериный зрачок,
Как ловкий охотник на белой вершине
С глаз беркута стаскивает колпачок.

И беркут, прозрев, поднимается круго,
Крылом опираясь о небеса,
И смотрит глазами кровавыми люто,
И грозного беркута видит лиса.

Ей не убежать и от битвы не скрыться,
Погибель над ней нависает, как пласт,
И кровь в ее жилах кипит и ярится,
И жизнь свою просто она не отдаст.

Враги своей силы и злобы не прячут,
Победы по-своему каждый хотят.
И к месту сражения охотники скачут,
И кони, пластаясь по снегу, храпят.

Кровавая битва не долго продлится,
Кому же победа отдаст ореол?
И – сорок ножей обнажает лисица.
И – восемь штыков выпускает орел.

Снег – вихрем! И оба противника правы.
Позорная трусость неведома им.
Здесь ради людской прихотливой забавы
Зверь неба сцепился со зверем земным.

А что там такое глаза приморозило
На месте лисицы и вместо орла?
Там дева нагая выходит из озера.
Вот вышла – и косы в локтях развела.

Как будто им нет подходящего места
На ослепительно белом пиру.
Где черный жених с ярко-рыжей невестой
Затеяли смертную эту игру.

Как будто им узко на брачной постели,
Как будто им белая прорва мала,
И черный орел добивается цели,
И громко ликует хозяин орла.

Нет, эта охота по-своему значима,
У этой охоты цена высока.
Нет, не лисица в охоте захвачена –
А перехвачены три косяка.

Все силы, все хитрости лисьи побоку,
И дух молодит на охоте успех,
И крепко привязан к седлу на тороку,
Переливается золотом мех.

Охота в горах на виду, не для виду –
Она украшает жигита судьбу.
Лисицу берешь, словно ягоду-джиу,
С отменным куском табака на губу.

И сердце твое удержаться не может,
В нем кровь вдохновения победы поет.
И мысли дурные тебя не тревожат,
И радость твой дух поднимает в полет.

Молчи, верхогляд! Что ни говори там –
Я помню твое назначение и долг.
И эти слова посвящаю жигитам,
В охоте с орлом понимающим толк.

Перевод *М. Дудина*

Быстрый беркут любую добычу возьмет.
Пустельгу ценит этот, а ворона – тот.
Когда беркут взмывает высоко, то вслед
Запускают они своих птиц в небосвод.
Ворон, каркая, кружит, а где-то над ним
Пустельга свои песни пустые поет,
Но самим им добычу вовеки не взять.
Так и носятся в воздухе взад и вперед.
Только портят охоту, дразня и шумя.
Тот и этот хозяин в восторге ревет,
А что проку в том нет, никому невдомек.
Хвалят птиц своих после всю ночь напролет.
Пользы нет никакой ни уму, ни душе,
Но, доволен потехою бедный народ.

Перевод Ю. Кузнецова

Орел-кыран¹ везде возьмет добычу,
Иным ворону с пустельгой держать в обычи.
Коль беркут вознесется над утесом,
Те, тут же выпускают двух своих навстречу.
Во всю кричит, не отставая, ворон глотку.
И пустельга пищит ему вдогонку.
Мешая, скачут целый день впустую,
И сами не возьмут, и не дадут другому.
Потеха лучшая – с собой равнять достойных,
В кыране вызывая гнев и злобу.
Кто спросит с них, какой достигли цели,
Всю ночь бахвалятся, чей выкормыш подлее.
Ни радости душе, покоя голове неумной,
С тем суетливо и живет народ мой неразумный.

Перевод *М. Адибаева*

¹ *Орел-кыран* – зоркий, матерый. Сверхптица.

Разражаются серые тучи
Над землею гремучей грозой,
А душа от обиды живучей
Расточается горькой слезой.
От дождя проливного прекрасно
Зеленеет земная трава,
А от слез, расточимых напрасно,
Стонет грудь и болит голова.

1897

Перевод *М. Дудина*

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождем,
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали о нем.

День прошел – ярче трава,
Смеется каждый ручей.
От слез болит голова,
Тоска еще тяжелей.

Перевод *А. Глобы*

ЯЗЫК ЛЮБВИ —
ЯЗЫК БЕЗ СЛОВ

Бессловесен язык любви.
Сердце к сердцу взором зови
Юность знает всегда свой путь,
Если только любовь в крови.

Сам ты этот знавал язык
И умел идти напрямик,
Но теперь его понимать
Ты уже навсегда отвык.

Перевод *Вс. Рождественского*

Язык любви – язык без слов, .
Лишь чувства, ощущений зов;
Мгновенный взгляд или улыбка –
Его основа из основ.

Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значенье –
Увы! – давно уж под замком.

Перевод Ю. Нейман

Язык любви живет без слова.
В нем полужест и полувзгляд –
Незаменимая основа
Двух объяснений наугад.
Как были тайные созданы
Нам этой азбуки важны.
Теперь, увы, ее познавая
Мне, к сожалению, не нужны.

1894

Перевод М. Дудина

Язык любви – язык без слов,
Безмолвный взгляд, душевный зов, –
Он наизусть знаком влюбленным,
И в то поверить я готов.

Я сам когда-то был знаком
С сердечным этим языком,
Но то прекрасное уменье
Давно осталось в небьлом.

Перевод *Е. Курдакова*

Словно месяц, изогнутый в небе ночном,
Отливает сверкающий лоб серебром.
Свет струится из черных, как полночь, очей,
Брови вскинули иссиня-черный излом.

Нос точеный у ней легок, узок и прям.
Розов отсвет ланит – удивленье очам,
Сердце, видя улыбку, пьянеет, когда
Блещут зубы, подобны во всем жемчугам.

Речь нежна и умна – тонкий лепет ручья,
Смех заливчато длится, как трель соловья,
Шея – шелк белоснежный – гибка и тонка,
Чист и свеж подбородок, прохладу тая.

Средний рост у нее, но величествен вид,
Тонок выгиб спины, взор открыто глядит,
Камышинкою легкой сгибается стан,
И два яблока зреют у ней на груди.

По-ребячески нежен ее локоток,
Пальцы гладки, проворны, блестит ноготок,
И, потупясь, смущенно туманится взгляд,
Если косы рассыплют свой черный поток.

Наши девушки нежной цветут красотой,
Но ненадолго дан им душевный покой
На прекрасной заре восемнадцати лет
Жизнь направит пути их суровой рукой.

Затаили лукавство, притворство одни,
Будто вовсе о страсти не знают они,
И уж слишком отважны другие, плетя
Сеть кокетства, ужимок, пустой болтовни.

Мы же хитрости девичьи знаем давно:
Тот им мил, кто всегда уважаем людьми.

Так и юноши: эти, про стыд позабыв,
К недоступному свой устремляют порыв,
Те – скромны и тщеславия вовсе чужды,
Терпеливы, и каждый из них молчалив.

Но ценнее всех тот, кто в упорстве своем
Не растратил себя на тщеславье пустом,
Кто свой дух воспитал на полезном труде
И давно научился ходить за скотом.

Перевод *Вс. Рождественского*

Белый лоб – серебро, чей тонок чекан,
Он глазами лучистыми осиян.
Тонко вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос ее – словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет ее щек румян!
Ожерельем жемчужных ее зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий ее – как дробь соловья.
В мудрой речи ее не гостит обман.
Шелк завидовать может шее такой.
Кто в ее подбородке сыщет изъян?

Как тонки очертанья точеных плеч!
Тут и свеж этих юных грудей шафран.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан.

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть – нежный младенец, что всеми ждан,
А смолистые косы – волнистый шелк,
Что для радости взора прилежно ткан.

Чей же цвет не увял от ранних страстей?
Вероломны красавицы наших дней,
И годам к восемнадцати желт и вял
И уже не желанен шафран грудей.

Лицемерны личины иных блудниц:
Добротельней нет, мол, и нет святей.
Но немало таких, что всем напоказ,
Щеголяют распушенностью своей.

Знаем скромниц мы этих, забывших счет
Удальцам, что недолго ждут у дверей.
А иной – пусть бесстыжий, грубый хвастун, –
И таких принимают девы гостей.

Хоть таким не сойти за честных людей,
Хоть такие к безделью всего склонней,
Хоть иной разглагольствующий жигит
Не дороже хвастливых своих речей.

Перевод *М. Тарловского*

Высокий лоб – живое серебро,
Лучами черных глаз озарено.
Очерченный пером бровей разлет,
Двум лунам молодым подобен их полет.
Нос совершенной линией манит,
Язык мой онемел от розовых ланит.
Свеж ротик, зубы белые чисты,
Как жемчуга нанизаны – душа горит.
Заговорит и речь умна, тонка,
Смех звонкий, словно трели соловья.
Округла шея – бархат, а не бязь,
На кожу нежную и солнцу не упасть.
Плечи и стан прямее чинара,
Груди налиты как спелых два яблока.
Ни коротка, не мерено длинная,
Талия будто лозиночка гибкая.
Нежная обликом, словно дитя,
Белые пальцы ее для шитья.
Черные волосы шелком искрятся,
Очи чаруя, волною струятся.

Красавицей ли назовется та,
Что в восемнадцать все еще цела?
Грудей коль не коснется страсть,
Увянут два обиженных плода.
Нрав – будто и не знают ничего,
Кокетничают, все пройдя давно.
Ни к месту, неприлично веселятся,
Открытыми хотят и чистыми казаться.
Все хитрости девиц известны нам,
Джигитов предпочтут, достойных похвалам.
Хотя среди парней не счесть,
Кого без дела раздувает спесь.
Другие же без совести и чести,

Хватаются за то, что не по чести.
Коль не трудился знания обрета,
В работе тяжкой не найдет скота.
Порядочным не назовут джигита,
Что жил впустую и болтался зря.

Перевод *М. Адибаева*

Сверкает лоб серебряной звездой,
Огнем горят раскосые глаза,
А брови, предначертанные богу,
Тонки, как месяц, черны, как смола.

Точеный профиль, словно у царицы,
Лицо – как утром нежная заря,
Улыбка заставляет сердце биться,
А зубы – будто в бусах жемчуга.

Заговорит – речь сладкой песней льется,
Заливист смех, как трели соловья,
А шеи белой не касалось солнце,
Как бархатиста, как она кругла.

Основа благороднейшей осанки –
Спина прямая – стебель тростника,
А талия в алмазовой огранке
Гибка, не длинна и не коротка.

Милы и пухлы ручки, словно дети,
А пальцы рождены лишь для шитья.
Шелками косы падают на плечи...
Весь вид ее так радует меня.

Ах, этой девушке сегодня не уснуть,
Меня ей не удастся обмануть,
И в восемнадцать, девятнадцать лет
Волнуется и ласки жаждет грудь.

Но день настанет, не покажет вида,
Что знала вас, что виделись чуть-чуть.
Она чиста, душа ее невинна,
Но миг пройдет, флиртует с кем-нибудь.

И помыслы понять ее легко –
Ей хочется в объятьях утонуть
Джигита смелого, взлетевшего высоко,
Хотя тяжел и скромн труд его.
Таких уж мало, больше дураков,
Чей празден и беспечен легкий путь.

Таким джигитам не закроешь рты,
Они безнравственны, бесчестны́ и пусты,
Скот не пасут, болтаются без дела...
Смотри, таким не окажись и ты.

Перевод *Ф. Тамендарова*

* * *

Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе –
Мрак не сойдет с души моей и песни.
Ты можешь для себя найти другого в мире.
Нет в мире для меня – тебя прелестней.

Моя тоска в душе моей извечна,
Любовь – обманна.
Верность – быстротечна.
Я все стерплю: насмешки и упреки –
Ты для меня навеки безупречна.

1889

Перевод *М. Дудина*

В душе давно померкли все светила,
Где силы взять, тоску свою избыть?
Ведь если ты другого полюбила,
То мне другой вовек не полюбить.

Безвыходна любви слепая сила...
Мне лишь одним осталось в мире жить!
Случайным словом, что ты обронила,
Чтоб на него молиться и любить.

Перевод *Е. Курдакова*

Вовек душа моя не расцветет –
Пусть блещет солнце, пусть луна взойдет!
Тебя одну люблю я в целом свете,
А ты влюбленным потеряла счет.

Возлюбленной проделки я терплю.
Она изменит – я не разлюблю.
И если надо мной она смеется,
Молчать я сердцу страстному велю.

Перевод *М. Замаховской*

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Когда тоскую по тебе,
Мне слезы затмевают свет.

Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.

Одной тебе моя любовь,
Твой образ – он давно воспет.

И пусть я стану нищ, и сед,
Но мне иной дороги нет;

Ты в сердце у меня живешь.
Во сне преследуешь, как бред;

И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет

Не смогут остудить во мне
Твоей красоты горящей след.

На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,

Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих,

В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них

И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Тобой насытиться нельзя –
Рукою по шелкам скользя.

Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы – вместе... Юрта нам мала.
Но ты не здесь, ты не пришла...

И все ж я – сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе – ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела.

Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.

Приди, приблизь свиданья час,
О, мой фазан, позволь хоть раз

Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

Перевод П. Шубина

Где ж ты, пламя юности моей?
Не взволнуешь сердца почему?
Я постиг премудрость жизни сей,
Красоты ж не разгадать уму.

Зная цену хитроумью, лжи,
Не старайся слишком добрым быть.
Сердце силою вооружи,
Без усилий счастья не добыть.

Радостей любви не испытав,
Как поймете их значенье вы?
Если горе слишком тяжело – прав
Тот, кто не жалеет головы.

Друг тогда поистине хорош,
Если он с тобой в беде, в борьбе.
Если сам свой скот ты не пасешь,
Кто ж его пригонит вдруг к тебе?

Сам хозяин ты судьбы своей,
Труд – отрада, лень – жестокий бич.
Мало толку в пышности речей,
Если смысла знанья не постичь.

Надобно запомнить это всем:
Кто живет без цели, без забот –
Под конец останется ни с чем,
В рот само ничто не упадет.

1889

Перевод В. Звягинцевой

Ты – зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, среди живых
Не встречал я такой!».

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души.
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид,
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот – сладкий мед,
Блеск зубов – словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна – даль темна,
Ты ясна – нам весна.
Смех твой – звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат –
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота – божий дар.
Нам Пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены.
Сердцу ты, только ты,
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет –
Страсть сильнее закипит.

Кто не смел – не жигит,
Злая страсть нас томит.
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

1891

Перевод М. Петровых

Бегут, струятся косы по спине,
Позванивают ленты в тишине.
Блеск шеи, чернь бровей и шапка-бархат –
Ну где еще такое встретить мне?

Глаза – как ночь в зеркальной глубине,
Взгляд опаляет сердце и во сне. ·
Лик ясен, ряд зубов так безупречен –
Ну где еще такую встретить мне?

Изящный стан, точеные ступни,
Такая дева – редкость в наши дни.
И, глядя на нее, я восклицаю:
«Вот яблочко! Вот свет!.. А мы в тени».

Запястья ли коснусь рукой своей –
И к сердцу кровь прильнет еще сильнее.
Склонюсь ли ближе к нежной белой шейке –
И жар меня расплавит до костей.

1889

Перевод Ю. Кузнецова

Заплетенная круто коса за спиной
Вся в серебряном звоне о жизни иной.
И бровровая шапка над гибкою шеей,
А глаза – хоть умри – не пройдешь стороной!

Ты потонешь навек в черном зеркале глаз,
Перепутав случайно призыв и отказ,
Будешь маяться памятью белой улыбки
И ее жемчугами зубов напоказ.

Гибок стан ее. Милые ножки малы,
Обрисовываются изгибом полы,
А сама она – яблочко сладостной жизни,
В поле жизни прекрасней любой похвалы.

Если пальцем коснешься ее локотка,
Радость жизни поднимет тебя в облака,
Кровь толчками войдет в истомленное сердце,
Мука страсти смертельной с ней будет легка.

1889

Перевод *И. Дудина*

Холод, жар... Молод, стар, –
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.

Ясный свет юных лет,
Вера в жизнь и мечту, –
С чем сравнить вешний цвет,
Юных лет красоту!

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!».
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них, где они?».

Эти дни для тебя –
Смутный сон, жалкий бред.
О былом, прожитом
Толковать смысла нет.

Слов живых не дано,
Ты весь век жил темно
И чужих слов живых
Не поймешь все равно.

1883

Перевод *М. Петровых*

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать.

Так мы страсть узнаем:
Встреч влюбленные ждут,
Но, оставшись вдвоем,
Нужных слов не найдут.

На свидание к ней
С дрожью в сердце идет,
Легкий шелест ветвей
Другу весть подает.

В сердце трепет и страх,
В пальцах холод, ледок...
Жар – то весь на щеках,
То незримо глубок.

Жжет плечо, а меж тем
Пред глазами туман.
Кто целуется – нем.
Кто целуется – пьян.

Их скрывает листва,
Сверху полночь глядит.
И лепечет едва
Та, с кем рядом жигит.

Только б чуял плечом,
Только был бы любим...
И блаженство лучом
Их пронзает своим.

Кончив с робостью спор,
Пышут жаром тела,
И растроганный взор
Застит влажная мгла.

Глубь суждений, цвет слов,
Что б вы сделали тут?
Вас под пламенный кров
Не зовут, не зовут!

1891

Перевод *М. Тарловского*

Их друг к другу влечет любовь
Светлой нежности нет конца.
И к щекам приливает кровь.
Дрожь охватывает сердца.

Откровением взгляд томим,
Друг от друг признанья ждет,
И отчаянно им двоим
Слов прекрасных не достает.

Жар дыхания губы жжет,
Пальцы робкие леденит.
Крепость робости бережет
Первой страсти невинный вид.

Чуть касаясь плеча плечом,
К поцелую приводит страсть,
Им теперь уже нипочем
Их дурманящая напасть.

Звезды смотрят на них. Луна
Через листья сиянья льет.
Он глядит ей в глаза. Она
Тонким станом к жигиту льнет.

Мир души для двоих един,
Нежен, радостен и могуч.
И в него до самых глубин
Пронизает блаженства луч.

Их истома пьянит чуть-чуть,
Им слеза застилает взгляд,
И глубоко вздыхает грудь,
Испытавшая мед и яд.

Мир понятен им до основ.
Их счастливее в мире нет.
Им не надо прекрасных слов,
Опоздал ты опять, поэт.

Перевод *М. Дудина*

* * *

Милый мой, дорогой,
Я тебе шлю привет.
Сожжена я тоской,
Знаешь ты или нет?

Жду вестей день-деньской,
Жажду их всей душой.
Где найду я покой,
Если ты стал чужой!

Сердца ты моего
Светом был; гибну я:
Без тебя все мертво,
Отцвела жизнь моя!

1897

Перевод *М. Петровых*

Душа моя унижена
Отсутствием твоим.
Твоя душа приближена
Велениям иным.

Переживи веление
Судьбы – мое терпение.

Душа скорбит и мается
Изменою твоей,
И немотой терзается
Язык мой, верный ей.

Как боль унять – не ведаю,
Но за тобою следую,

Тоскую до усталости
Я без тебя весьма,
А от тебя ни жалости,
Ни слуха, ни письма.

И сердце черным-начерно
Тревогою охвачено.

Я плачу. Тяжело нести
Печаль свою уже.
Дойдут ли слезы горести
К возлюбленной душе?

И канет неурядица,
И наши души сладятся.

1889

Перевод *И. Дудина*

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойден своей судьбой.
 Аллах мой, как я слаб!
 Карай, покорен раб!

Сон мой и покой!
Пожелтел от горя я,
Чахну под бедой,
Сгорбилась спина моя.
 Не знаю, как мне жить,
 Чем сердце облегчить?

От любви тоска,
От тоски не сплю ночей:
Мне издалека,
Милая, не шлешь вестей.
 Душа горит в огне,
 И кости в тягость мне.

Если б к ней могла
Долететь моя мольба,
Стала вновь светла
И легка моя судьба.
 Воспрянет дух опять,
 И счастья буду ждать.

Перевод А. Глобы

Ах, что за жребий ждет меня!
Уйдешь, метнув
Надменный взор?
Иль, обманув,
Тайком, как вор,
Покинешь,
Слову изменяя?

Зачем терзаешь ты меня?
Забыт супруг, –
Глядишь вокруг,
Ища других
Среди чужих,
Позором
Жизнь свою черня.

Гляди – душа моя в огне
Кричу, стена,
Внутри меня
Волнами пламя разлилось.
Мечусь,
Униженный, как пес, –
Истаивает жизнь во мне.

Кто знает о грядущем дне?
Придет, таясь.
Последний час,
Придя, не отойдет от нас.
Еще дыша,
Живет душа,
А вот – другой на смену мне.

Любви дорога нелегка;
Достиг – живешь,

А нет – так что ж?
Вся жизнь в мечтах
Прошла.
Меня ты вспомнишь
Хоть слегка?

Томит смертельная тоска,
Нет больше сил;
Я не свершил
Обета – уж в моих глазах
Смертельная
Мелькает мгла.
Ну что ж? Живи – хоть далека!

Коль сердце верное, – оно
Идет, не думая,
Вперед,
Не передумает
Стократ; не повелит глядеть
Назад,
Умрет за слово лишь одно.

Судить умеешь ты умно,
Так своего утешь раба,
Не говори, что не судьба,
Вернись, никто
Тебя за то
Не упрекнет, –
Мне так темно!

Как я люблю! Я удручен,
Но не скажу я ничего,
Когда придешь; ни одного
Не в силах слова
Молвить я, –
Безжизненна душа моя,
Рассыплюсь в прах, испепелен.

Твой взгляд еще ни разу мне
Не подарил любви огня.
Ты не вернулась и, меня
Ища, не кликала к себе.
Горячей крови
Нет в тебе.
Прощай! Ты слышишь ли мой стон?

Увы, не любишь ты меня!
Твоим сияющим лицом
И телом, пышущим огнем,
Велел Аллах
Мне наслаждаться
Лишь в мечтах,
Неблагодарностью казня.

Стрелу метнула ты в меня
Слепую, – Бог судья тебе.
Но знай. Никто в своей судьбе
Не волен. Твой неверный шаг –
На справедливости весах.
Не будет он никем прощен
До рокового смерти дня!

1889

Перевод *Д. Бродского*

ОТВЕТ ДЕВУШКИ

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу, –
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я – словно масло на огне;
Слова горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне –
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь – несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, не унижай,
К себе в насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави, –
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты – белый сокол, я – фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой.
Пойми слова мои, жигит,
Почувствуй сердцем и душой...

Запомнит юный и седой
Пусть девушки ответ простой,
И сложит песню, и зажжет
Сердца жигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

Перевод П. Шубина

Есть два пути – Любовь и Страсть.
Над страстью похоть держит власть
Ты всех прекрасней в этом мире,
Мое спасенье и напасть.

Ты рядом – мой восторг велик,
Когда я вижу милый лик,
Он светит всем на белом свете
И превращает в вечность миг.

И ты меня забрала в плен,
И в мире нет тебе замен.
Душа моя горит и стынет.
Мой мир тобой благословен.

Перевод *М. Дудина*

Два пути – любовь и похоть, две тщеты
Впрочем, похоть – знак душевной нищеты.
Я ж – влюблен, и нет вокруг тебя достойней,
Будь что будет, – лишь бы здравствовала ты.

Ты души моей блаженство, ты мой свет,
Я тобой и осиян и обогрет.
Есть любимые – по выбору желанны,
Ты же всем всегда любезна, не секрет.

Жизнь безмерна и полна, когда влюблен,
В лихорадке потеряв покой и сон,
То мертвеешь, холодея в безучастье,
То опять горишь, надеждой вознесен.

Перевод *Е. Курдакова*

Две дороги – любовь и страсть предо мной.
Похоть властвует плотью моей земной.
Но тебя я люблю. Будь счастлива ты,
Хоть погибну я, сгину во мгле ночной!

Ты – мой разум! Ты волю мою взяла.
Без тебя в душе только мгла и зола.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же – всех милей, и для всех ты мила.

Я – твой раб, любовь! Истерзав и дразня,
Ты меня леденишь, сжигая меня.
Улетит надежда – и стынет душа.
Прилетит – и в сердце потоки огня.

Перевод *А. Штейнберга*

БУДЬ РАЗБОРЧИВ
В ПУТИ СВОЕМ

Пока не знаешь – молчи.
Пока блуждаешь – молчи.
В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство –
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта,
Упорство, скромность и труд –
Вот пять друзей, согласись.
Увидев зло – отвернись,
К беде пороки ведут.
Добро увидев – о нем
Ты помни ночью и днем.
Коль с детства книги читать –
Ученым сможешь ты стать.
Не унывай, малонер!
Бери с великих пример.
Не говори: «Я не тот!»,
Учись – и знание придет.
Никто не сможет помочь,
Коль ты, чуть вспыхнув, погас.
Учись не день и не час,

И будешь знаньем богат,
А знанье – истинный клад.
За мудрым следуй смелей.
Не слушай вздорных людей.
Что аксакал или бай
Расскажут – сам осознай.
Словам впустую не верь,
Их суть продумай, измерь.
Срами нещадно глупца.
За правду стой до конца.
Пусть пошлость нагло груба –
Тем легче с нею борьба.
Будь скромн, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем с тобой
Не думай: «Кто он такой?»,
А думай: «Что говорит?».
Мы помним славных певцов,
И мудрецов, и вождей
Лишь по одним именам –
Их жизнь неведома нам.
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знанья и ум.
Что чуждо их глубине,
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца – сто глупцов –
Вот горькой истины речь.
Запомни, юный мой друг,
В речах, звучащих вокруг,
Правдивых слов не найдешь,
Для робких правда страшна,
Им в правде видится ложь.
Душа невежды мертва.
Пусты без мысли слова.

И сам учись и учи.
Лишь знаньем жив человек.
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье – светоч сердец.
Лишенный учеников
Учитель – горький вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, –
Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой.
Да будет праведен путь
Твоей души молодой!

1886

Перевод *М. Петровых*

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив – гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость – вот свет души.

Если воля есть, ум живет,
Доброты же и правды нет –
Впереди огонь, сзади лед,
И никак не уйти от бед.

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи, смотри –
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери!

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти;
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути,

Тверже ногу, шагай смелей, –
И тогда не погибнет труд:
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно в земле, прорастут.

1894

Перевод *Вс. Рождественского*

Если смолоду честь не терял,
Если щедро прожил для людей,
Если враг твою доблесть познал,
Если верен был дружбе своей,

Если доброе имя берег,
Если все доверяли тебе,
Если ты не плутал средь дорог,
Если сам не перечил судьбе,

Если жил, согревая сердца,
Если полной влюблялся душой.
Если что отдавал – до конца,
Если брал – возвращая с лихвой.

Если смело прошел перевал,
Если жить не осталось уж сил,
Если смерть свою не умолял, –
Значит, ты человеком прожил!

1892

Перевод *Е. Курдакова*

Пока твой развернутый стяг
Победно не выхватил враг,
Пока не пятнал тебя знак
Позора среди стычек и драк,
Пока ты красуешься так,
Пока твое сердце – маяк –
Пылает, аляя, как мак,
Пока ты всем веришь, добряк,
Пока на джайлау твоих
Плодится по-прежнему злак,
Пока твой поток не затих,
Пока он еще не иссяк,
Пока не одел тебя мрак,
Пока не запнулся твой шаг, –
Поверь мне, что жребий твой благ,
Покойно в могилу ляг.

Перевод *А. Штейнберга*

В приютской школе много вас,
Казахские ребята,
Надежда наша, наша честь,
Зачем сюда вы взяты?
Отец доволен: будет сын
Блюсти законы свято...
Но в совершенстве не постичь
И здесь им шариата.
Читать по-русски и писать
Хотели бы ребята,
А учат «просьбы» лишь одни
Строчить витиевато.
Им ложь иль правда – все равно,
Платили бы богато,
Они не будут голодать,
Коль брат пойдет на брата...
А в том, что знанья их скудны,
Лишь леность виновата.
Пусты их души, но горды, –
Кому ж помогут их труды,
Коль знаний маловато?

Учитель русский говорил:
«Не станьте подлецами!».
На путь стяжательства и лжи
Они вступают сами.
А после русских в том винят...
Кто ж в их поступках виноват?
Семипалатинск-город?
Казахские просторы?
О Щедрине и о Толстом
Не слышали, куда там!
Стать каждый хочет толмачом,
А то и адвокатом.

Кто мыслит здраво – правде рад.
Не спорьте же с поэтом,
Я просто вам, как старший брат.
Хочу помочь советом.

Важна не выгода, а честь,
Учись, учись упорно.
Склонись над книгой – только в ней
Отыщешь правды зерна...
В мундир военный не рядись,
Не кланяйся покорно,
Не будь пустышкой и лгуном,
Себя хвалить – позорно.
Труд «для начальства» – вздор...
 Блеснув,
Угаснешь в бездне черной.

Пока ты молод – береги
Свой пламень животворный!
Удел тупых людей таков:
Погрызнуть в лжи и лени;
Боясь решительных шагов,
Увязнуть в унижение;
Доступен им лишь мелкий труд,
Обман и жадность их ведут
Дорогой оскуденья.

Иди вперед, ищи, найди
Свой путь – широкий, верный.
Для тех, кто смел, зажжется свет
В дороге беспримерной!!
Не смей пред баем спину гнуть –
Он жаден непомерно;
Правдивым будь, достойным будь,
Чтобы не смог тебя согнуть
Обманщик лицемерный...

Избрала цель душа твоя –
Шагай к ней терпеливо...
И над уездным есть судья,
Он судит справедливо.
Но можешь сам ты, без суда,
Бороться с тем, что лживо.
В ученье не жалея труда –
И смелый, светлый путь тогда
Откроешь прозорливо!

1886

Перевод С. Ботвинника

Удлиняются тени скорее,
Чем мы их появления ждем.
И багровое Солнце, не грея,
Удаляется за окоем.
И душа моя в сумерках серых,
На еще не забытых примерах
Погружаясь в раздумья, печаль,
Наблюдает прошедшую даль.
Пыль и пепел побед и тревоги
И от времени высохших троп
Там, где Время – скакун быстроногий –
Перешло, не спросясь, на галоп.
Там, где сердце, доверию радо
И за смелость не ждя похвалы,
Захлебнулось от меда и яда
На пиру из одной пиалы.
Никакого особого дива
Мне на завтра судьба не сулит.
Мысль моя, как щенок шелудивый,
На забытом кочевье скулит.
По какой-то неведомой воле,
Всем надеждам земным вопреки,
Я отменными зернами поле
Засевал. А росли – сорняки.

1901

Перевод М. Дудина

К наукам я холоден в юности был,
Их пользу я видел, но смысла не знал.
По зрелости лет потянулся я к ним,
Увы, ухватить их я суть опоздал.
Кого тут винить, что остался ни с чем?
Учись в свое время – другим бы я стал.
Есть радость одна – это дети мои.
В ученье отдать я детей пожелал.
Но сына послал в медресе не за тем,
Чтоб службу служил и чины получал.
И сам я стремился возвысить свой ум.
И равных себе в красноречье не знал.
Но труд мой не ценят в народе, и я
Покой одиночества в жизни избрал.

1886

Перевод Ю. Кузнецова

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спохватился, но поздно. Вот он, привал!
Полузнайка – я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал награду и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я – один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задумав человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, –
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба – дар миродержца, вечная связь,
Речи друга с души твоей смоят грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мною глумясь.

Я ищу эту дружбу – нет никого.
Кровью сердца зову – повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга – ни одного!

Перевод *А. Штейнберга*

Только юность одна – жизни счастливый цвет,
Но не думай, что ты так и не будешь сед.
Мы только в юные годы веселы и бодры,
Старость пришла – и вдруг видишь, что счастья нет.

В юности всем легко песенки распевать,
Острым словом своим, шуткою задевать,
Гордо в аул входить, к девушкам нежно лнуть, –
Высшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтет –
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь – люби только свою, одну,
Непостоянству в любви предан лишь сумасброд.

Но выхаживать скот ленится молодежь.
Если всю жизнь гулять – и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Если ж не удалось – и честный труд хорош.

Бродишь ты по гостям, лучший надев наряд,
На удалом коне век гарцевать ты рад,
Но отощает конь, быстро пройдет почет.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд!

Сдержанность – вот наш щит, верный признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Стоит ли быть рабом праздных, пустых забав?
Пусть же воля твоя будет всегда пряма!

Как не велик соблазн – не доверяй ему,
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму,
Будешь скитаться ты, хлеба просить кусок,
Вот беспечность твоя может вести к чему!

Нас до седых волос уродует щегольство.
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Может и вором стать, нищий в лохмотьях тот,
Кто не хочет трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил нас с юных лет отец,
Опыта у родни не приобрел молодец,
Вот, глядишь, и ушла молодость в пустоту, –
Рад бы и умным стать, да уж всему конец.

Нет уж юношей тех, кто бы мне здесь внимал,
А от тщетных надежд я уж давно устал.
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Эти простые слова я для других писал.

Перевод *Вс. Рождественского*

Умерло детство – а ты не знал?
Дни радости растерял?
Прошла юность – не удержал?
Встречай же старость – не ждал?
Быть может, в жизни не раз
Непостоянным бывал?
Не раз себе изменял? .
Быть может, в жизни не раз
Как тот верблюжонок в хлеву,
Что хлева и не покидал?

Перевод *А. Гагова*

Ты золотого детства не заметил,
И позабыл, как юность в жизни встретил,
И зрелости своей не удивился,
И вот уже со старостью смирился.
И, может быть, для верности сейчас
Тебе последний предназначен час,
Твоей судьбы последняя страница,
И ты, на жизнь утративший права,
Умрешь, как с верблюжонком верблюдица,
Не выходя на волю из хлева.

Перевод *М. Дудина*

Детство прошло, не заметил?
Юности дальний порог
Как перешел ты? Как встретил
Старости тягостный срок?
Что же ты, бедняга, не светел, –
Или бессмыслен урок?
Иль, обделенный удачей,
Так и умрешь без борьбы
Старой заезженной клячей
В тесном загоне судьбы?

Перевод *Е. Курдакова*

*В СЕРДЦА ТЛЧБ ПОТРУЗУСЬ,
ЕСТО МАЇНН ПОЗНАЇ*

Верить людям, что хвалят тебя, не спеши,
Станет мукой твоей хитрость льстивой души.
Верь себе, и тогда две опоры с тобой –
Труд и ум, – с ними путь свой земной соверши.

Бойся жизнь легковерьем себе омрачать,
Жажда славы томит – с ней сумей совладать.
Если вместе со всеми поверил в обман
И как все, суетлив, ты не всем ли под стать?

Горе злое придет – не клонись пред бедой,
Радость душу пьянит – ты останься собой.
В сердца глубь погрузись, его тайны познай,
Чистый перл там найдешь, и отныне – он твой.

1897

Перевод Э. Шехтмана

Разным людям не верь, что тебя вознесут, –
Ведь они же коварно тебя предадут,
Верь себе! И опора и счастье твое –
Это лишь неразлучные ум и труд.

Не пленяйся доверчиво льстивой молвой,
Не гордись незаслуженною похвалой!
Сбитый с толку, ужели обману ты рад, –
Если это не явь, а мираж пред тобой?

Если горе придет, то спины не сгибай!
Если явится радость, достойно встречай!
Загляни в свое сердце, и там, в глубине,
Отыскав жемчуга, береги, не бросай!

Перевод *А. Гатова*

Восторженной хвале толпы
Не верь – то лесть!
Не дай двуликим хитрецам
Себя оплесть...
Верь лишь себе и знай: твой ум,
Твой честный труд –
Вот тот оплот, где для тебя
Спасенье есть.

Глупцом доверчивым вовек
Не будь с людьми.
Страстей и славословья жар
В груди уйми.
Плняясь ветреной молвой,
Ты лжешь себе...
Попытки марево обнять –
Лишь блажь, пойми!

Обрушилось ли горе вдруг –
Противостой!
Процвел ли миг – пренебреги,
То цвет пустой!
В глубь сердца своего уйдя,
Храни, лелей
Сокровище, что обретешь
Ты в глуби той.

Перевод *Л. Руст*

Не верь хвалам: лукавит подлый век,
Таит коварство в сердце человек.
Верь самому себе, спасут тебя
Труды и ум – отныне и навек.

Доверчивость излишнюю сдержи,
За славой не гонись – то призрак лжи.
К лицу ль тебе других ввергать
В обман и слепо верить в миражи?

В беде не гнись, в беде не отступай,
Но в счастье тоже меру соблюдай.
В глубь сердца погрузись: что там найдешь –
И есть твой клад. Смотри, не потеряй.

1897

Перевод Ю. Кузнецова

Душа! Чего ты ищешь? Что с тобою?
Не нужно мучить, правду мне скажи!
Ты постоянной занята борьбою,
Давай поговорим, забыв о лжи.

Толпою честь и слава нам даются,
Но разве так нужны дары толпы?
Ведь ей недолго вовсе обмануться –
Ужели нам зависеть от толпы?

И разве ты дождешься от негодных
Хвалы тому, кто сохраняет честь?
Толпа порочных и неблагородных
Лишь мелет вздор и злым сплетает лесть.

У нас хвала звучит какой-то бранью,
Она – льстецов нахальных торжество.
Когда народ отыщешь постоянный
В своей хвале – ты полюби его.

Словами все торгуют в суматохе,
Кто купит их? Ведь пользы нет в таких.
Двуличные, коварные пройдохи –
Гляди, гляди, гляди, как много их!

Продажных слов не покупай, иначе
Получишь ты одну лишь дрянь;
Блудницы ищут мужа побогаче,
У них меж злом и благом стерта грань.

Рабом хвалы я никогда не буду,
Признание ум и так себе найдет:
Пускай пустые люди есть повсюду,
Но смерть сломает унижения гнет.

Перевод А. Штейнберга

Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?
Беспокойно вести жизнь такую?
Все стремишься куда-то, все рыщешь...
Сядь-ка рядом, дружок – потолкуем.

Лишь о ком зашумят без умолку –
Глядь – и слава бежит повсеместно.
Но от этой хвалы много ль толку,
Коль причина ее неизвестна?

Не помянет глупца добрым словом
Тот, кто разум имеет в запасе.
Справедливым внимай да толковым –
Вот и станет глупец не опасен.

Восхваленья лъстеца все лукавы,
И душе есть в них польза едва ли.
Добиваются многие славы,
Чтобы больше уж их не ругали.

Все продажно – и слово, и дело, –
Покупать не спеши – жди подвоха.
Кривда вновь колесо завертела,
И в чести у ней лжец и пройдоха.

Коль продажны слова, то к чему же
Покупать их. А так ведь бывает,
И продажная женщина мужем
Лишь того, кто ей платит, считает.

Никогда меня лесть не прельщала,
Как меня бы порой ни хвалили.
От глупцов на земле толку мало,
Смерть придет – станут все горстью пыли.

Жизнь, богатство и почести эти
Как вода утекают лукаво.
И в плохом, и в хорошем на свете,
Коль подумать – одна лишь отрав.

Перевод *М. Касаткина*

О чем душа моя томишься?
Скажи и зря не беспокой.
Чего ты ждешь, куда стремишься?
Давай поговорим с тобой.

Есть честь и слава, и свобода
У тех, кто возлюбим толпой.
Но без признания народа
Прок в этом, право, небольшой.

Хвала – небожеское слово,
Придумка лести, звук пустой.
Найдешь ли среди людей такого,
Чтоб не сплетал хвалу с хулой?

И чтоб хвалить сердца убогим,
Как не убогие сердца!
Толпа, как проклятая Богом,
Шумит, и нет тому конца.

Толпа купить-продать готова,
Лишь только было что по чем.
У окаянного два слова –
Их так и вертит колесом.

Продажных слов тебе не нужно,
На них не купишь бытие.
Деньга для шлюхи – вроде мужа,
Достойный муж не для нее.

Я сам не раб хвалы словесной.
Тьма не осилит ум и свет.
Будь проклят человек бесчестный!
Пока есть смерть, позора нет.

Благие годы на просторе.
Как воды пенятся, шумят.
В былом все радости и горе,
Когда задумаешься, – ад.

Перевод *Ю. Кузнецова*

Что ищешь, душа, кого ищешь?
Не мучай, всю правду скажи.
То рвешься, то бьешься, трепещешь,
Поверимся тайной, вернись.

Какая честь и званье в том,
Кого толпа так восхваляет?
Какая польза в той хвальбе,
Когда народ не прославляет?

Похвалит ли тебя изгой,
Коль он Всевышним отлучен?
Не те ли проклятой толпой,
Болтают попадя о чем?

Хвала – враг слова и души,
Ее придумали льстецы.
Кто истинно тебе воздаст,
Того всем сердцем возлюби.

Торговцев словом тьмы толпа,
Кому же покупать слова?
Их даже Бог не приберет,
Без чести кружат и стыда.

Продажных слов не покупай,
Их драгоценность не поймут.
Білэткеннің байы – ақша¹
Не выберет достойного она.

Не раб бахвальства я,
Высокий ум насиловать нельзя.

¹ Блудницы (у Абая буквально бляди с русского) муж-хозяин – деньги.

Где смерть – позора нет,
Клятвоотступники не стоят и гроша.

Богатство – жизни мишура,
Водою быстрой утечет.
Все видел, мысли – яд,
Задумался, предъявят счет.

Перевод *М. Адибаева*

О сердце мое, замри, застынь!
Не нашлось приюта для нас.
Зачем трепетало и билось ты,
Обманутое столько раз?

Утихнет и примется травку щипать
Одинокий ягненок-малыш.
А ты, мое сердце, томишься опять,
Тоскуя, стучишь и стучишь.

Приветить – кругом никого не нашлось
Никого не нашлось – прильнуть,
Зачем же ты, сердце, бродячий пес,
Опять порываешься в путь?

Ты вольною волей хотело пожить.
Зачем тебе нужен я?
О сердце мое, игрушка лжи,
Напрасная мука моя!

Перевод *М. Нечая*

О сердце, не стучись ты в грудь,
Для них посмешищем не будь.
Остановись! Глади – сумели
Доверчивое обмануть.

Ягненок, матку оттолкнуть
Решив, травы не смог щипнуть.
Так почему такая тяжесть?
Зачем же в сердце грусть и жуть?

Души мне друга не вернуть,
В страданиях сердцу не уснуть.
Ты, сердце, не достигло цели,
Так дай себе передохнуть.

Ты выбрало отдельный путь,
Само искало жизни суть.
Но дни иные прилетели –
Ты поиски свои забудь!

Перевод *М. Луконина*

Сердце, не бейся тяжко в груди!
Стало для них ты смешным, пойми.
На прежних друзей своих погляди:
Можно ль назвать их людьми?

Блеет ягненок, зовет к себе мать,
Но стихнет – и снова щипает порей.
Сердце, куда ты рвешься опять,
Чаще стучишь и сильнее?

Верности тщетно жаждало ты
И много пролило горьких слез –
Что же опять, среди темноты,
Бродишь как брошенный пес?

Мной помыкало ты – помнишь? – всегда,
Бросить хотело меня совсем:
Скоро придет моя черед...
Нужен тебе я... зачем?

Перевод *М. Касаткина*

Не бейся сердце, чересчур,
Будь общей долей живо.
Несовершенен мир и хмур,
Все в этом мире лживо.

Ягненок, потерявший мать,
Опять в траве пасется.
Не надо сердце надрывать –
Пусть нормально бьется.

Чего же, сердце, ищешь ты
В тревоге неумной?
Куда средь этой немоты
Бредешь, как пес бездомный?

Нет ныне в верности нужды,
Ты ничему не рад.
Среди тревоги и вражды
Что еще тебе надо?

Перевод *М. Дудина*

Сердце бедное, не бейся, не стучи,
Не зови, не обнадеживай меня! –
Если были мы обмануты в ночи,
То зачем теперь спешить к обманам дни?

Сирота – и тот найдет себе отца,
Обездоленному сыщется приют, –
Лишь тебя, о мое сердце, до конца,
Видно, к щедрому столу не позовут.

Верить некому и не к кому прильнуть,
Тает вновь неутоленный этот зов.
Так зачем опять срываться в новый
Если прежний был и горек и суров?

Предназначенное, нет, не отдалишь,
Чередой опять пойдут и суд и ложь...
Сердце бедное, куда же ты летишь?
Сердце, сердце, ты куда меня зовешь?

Перевод *К. Курдакова*

Глупое сердце, не бейся!
Стало посмешищем ты.
Разве не видишь, не бейся,
Все, кому верил – скоты.

В поле заблудшей овцою
Блещь, а камень в груди.
Нет тебе сна и покоя
Остановись, не стучи.

Верность, что ищешь повсюду
Ты не найдешь, слез не лей.
Дружбы не знал я и буду
Замкнут, застенчив и злей.

Всякому верило люду,
Бросив меня насовсем.
Радуюсь редкому чуду:
Ты возвратилось. Зачем?

Перевод *Ф. Тамендарова*

Сердце – море, а радость его – жемчуга.
Жизнь для сердца, без радости – не дорога!
Море сердца становится морем печали,
Гаснет пламя в глубинах и глохнут его берега.
Все от радости Сердца – и Совесть, и Дружба, и Честь,
Все, что в будущем будет, и в сумерках прошлого есть.
Все, чего не коснется сегодняшней прихоти норов,
И тщеславием с лестью рожденная месть.
Перед совестью старости опыт не лжет.
И мосты продолжения жизни не жжет,
Ради радости жизни в надежных глубинах
Море сердца свои жемчуга бережет.

1902

Перевод М. Дудина

Я МНОГО РАЗНЫХ СЛОВ
СКАЗАЛ

Я много разных слов сказал,
Обдумав, рифмой их связал.
Дорогу к совести и чести
И к исправленью указал.

Велеречива наша речь,
Ей к славе будущего течь.
А наши души нам не просто
От пустословья уберечь.

Храни, народ мой, слова суть,
Вперед определяя путь.
Встречай со всеми праздник жизни
Достойно, а не как-нибудь.

Не заблудись! А точно знай
Дорогу в ад и тропку в рай
И, принимая опыт мира,
Свой скот пасти не забывай.

1895

Перевод М. Дудина

Много слов говорил я в былом далеке,
Много дум о грядущем поведал в тоске.
Я считал, устыдится разумный, узнав.
Что скакал не туда на плохом рысаке.

Мы, другим не в пример, любим зря говорить,
Часто скачут слова – смысла их не схватить.
Ни прозрачным слезам, ни кровавым слезам,
Сколь ни льются, нельзя зиму душ растопить.

Я хочу, чтобы ты мне с доверьем внимал,
Чтоб не форму, а суть моих слов постигал.
Право, что тебе стоит прислушаться, брат!
Не для праздной беседы я их записал.

Сколько можно тебе бездорожьем брести?!
Твоя правда – на торном широком пути
Как же так? Ни наук, ни усердия в труде,
Наш народ даже скот разучился пасти.

1895

Перевод Ю. Кузнецова

Жигиты, дорог смех, не шутовство,
Несходны внешний вид и естество.
Но если кто-то от души смеется,
То искренности верь, люби его.

Один пропустит все мимо ушей,
Другой проникнет в смысл твоих речей.
Есть и такой, кто понимает слово,
Но истолкует к выгоде своей.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но на своем ты стой!
А розовые юноши линяют,
Как только прикоснешься к ним водой.

К порывам юные сердца зову.
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу.

Так будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной—
И все дурные чувства замолчат!

Я собирающимся дам совет
Не портить пререкательством бесед.
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас обычно нет.

Единодушие – отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам,
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать,
На бабнике – бесчестия печать.
Жигит разборчив – не кобель, какому
Любая сука с улицы под стать.

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.
Не обольщайся женщиной красивой, –
Узнай, характер у нее какой.

Мгновенно гаснет пламя страстных нег
У тех, кто в смене жен проводит век.
Кому лицо подруги верной скучно,
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биению сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мною?» –
Так чванная красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел,
Кто гордым сердце пронести сумел!
А от неряхи, бабника, тупицы
Жди только сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомек одним глупцам.
Где умный муж с женою благонравной,
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст злословью повода она.
Свежа, гибка, подобна стеблю розы, –
В ее дыханье счастье и весна.

К богатству байской дочки не тянись,
Калымом малым бедной – не прельстись.
Но, если это дочь людей хороших,
Не будь глупцом, не упускай – женись!

Когда сидишь ты с другом у стола,
Пускай жена не морщится со зла.
Пусть уважение проявит к Другу,
Лицом светла и сердцем весела.

Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленье,
К Познанию рвенья оценить умей.

Работать не желает молодежь:
И без труда, мол, тоже проживешь!
И смех ее дешевый – зубоскальство.
Ей свойственны корысть и ложь.

Плутуют молодые пошляки,
Им низкое торгашество с руки,
Повсюду склоки, драки и скандалы,
Друг друга предадут за пустяки.

Лишь малыши дружны между собой
И, ласковые, тешатся игрой.
Но все-таки в конце игры повздорят,
И тут начнется потасовка, бой.

Когда в слезах придет домой малец,
Мать раскричится и бранит отец.
Сходна и жизнь с такой игрой и дружбой.
Когда же этому придет конец!

Среди друзей случается такой,
Что тайно роет яму за спиной.
Верь лишь тому, в ком есть и честь и совесть,
Не мелочен лишь человек большой.

Пока у многих узкий кругозор,
И слово клеветы – орудье ссор.
Считают предприимчивым сутягу,
Который измышляет всякий вздор.

1886

Перевод *А. Гатова*

Человек – ничтожной плоти тлен и прах,
Смерть для каждого равна в своих правах.
И кичиться перед кем-то превосходством –
Знак надменного блуждания впотьмах.

Не вчера ли ты ребенком был, старик?
Все течет, и жизнь уносит каждый миг.
Возлюби же в бренном мире волю Бога,
Это – высшее, что в мире ты постиг.

1899

Перевод *Е. Курдакова*

Человек – мешок для мяса и костей,
Смерть уносит его, как скарб-казначей.
Как часто слышишь: «Ты низок для меня!»
Поверь же мне: глупость – мать подобных речей.

Лишь вчера – дитя ты, сегодня – старик,
Жизнь уходит в землю, как иссякший родник.
Люби человека, люби красоту, –
Что мог бы еще назвать благом язык?

Перевод *А. Глобы*

Нет, ты не человек, а ты – мешок дерьма:
Ни красоты, ни чести, ни ума.
Вонь от тебя острее распространится,
Когда тебя поглотит смерти тьма.

Ты был мальчишкой. Ты теперь – старик,
Ты к переменам времени привык.
Люби людей. Внимай словам Аллаха
И радуйся тому, чего достиг.

Перевод *М. Дудина*

Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет – не кончен век.
Я разлучен был с Нею. О разлуке –
«Все это смерть», – один невежда рек.

Над нами широки судьбы права.
Мы часто в жизни держимся едва.
Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?

Кто не полюбит жизни быстрину?
Ты хочешь видеть море – зри волну.
Себя ты не познаешь, друг мой, если
Ты не постигнешь мысли глубину.

Кто смерть хулил – тот жизни пел хвалу.
Я крайностей судьбою не слышу.
Кто жизни рад и равнодушен к смерти,
Того я жизнестойким не зову.

1895

Перевод Л. Озерова

Когда баран войдет в ручей, –
Ручей бараньим салом
Кровь распалит степным волкам
И суетным шакалам, –
Тогда душа моя в степях
Довольствуется малым.

Я своему Творцу не враг,
Но мне Вселенную никак
Всей дикой жадностью своею
Не захватить в один кулак.
Нет у меня на то опоры,
И мне не виден вещий знак.

Всех дней моих Творец – судья,
И ночи – господин,
Во всех делах наставник мой
Ответствен и един.
И я постичь его не в силах
В пустынях неба и земных равнин.

И ересь темная в ночи мой будоражит ум,
Я безутешен в мире том, тревожен и угрюм.
И сны, как обмороки ночью,
А днем – в ушах вселенский шум.
Пытаюсь гнать сомненья прочь
За грань души моей.

Но не под силу этот труд и бесполезен ей,
Одним умом не разрешить
Сумятицу страстей.
Он – сотворивший мир для нас,
В том мире вездесущ.
Он – в прошлом мире прозорлив,
а в будущем – могуч.

И не стремиться нам нельзя
В усладу райских кущ.
Пусть жизни узкая тропа изогнута, как лук,
Ее начало и конец не выпускай из рук,
Мир жизни собственной замкнув
В единой жизни круг.

1885

Перевод *М. Дудина*

Рос ты быстро, стремясь в небосвод голубой,
С гордой, смелой, беспечной и вольной душой.
Как широкий зеленый ковер спелой жатвы,
Ты привольно покрыл твердь равнины земной.

Много пагубных лет миновало с тех пор,
Вот и время серпа начинает свой сбор.
Все сполна испытав: зной и стужу, и слякоть,
Не сломился ты духом, и молод твой взор.

Истомилась душа: все труды и труды,
На лице твоём страшные знаки беды.
Словно во поле колос налитый, тяжелый.
Твою голову клонит в твои же следы.

Человек умирает, уж так суждено,
Но – творит, будто смерти ему не дано.
Вот покажется смерть, украдет твою душу,
Где окажется жизнь и с ней ты заодно?

Нынче живы народы, а завтра их нет,
Блеском краткого дня обольщаться не след.
Угадаешь ли ты, где очутишься завтра?
Ты пришел, чтоб уйти, вот и думай, мой свет.

1899

Перевод Ю. Кузнецова

Ты рос. Ты вверх тянулся смело
Всем мужеством души и тела.
Ты рос, как вешняя трава,
Как злак, не знающий предела.

Трудом немилосердных лет,
Ты проложил по жизни след.
И вот настало время жатвы –
Держать пред будущим ответ.

Что видишь ты в седой золе
Костра, горевшего во мгле?..
А голова твоя, как колос,
Все ниже клонится к земле.

Не ради смерти, человек,
В бессмертье веря, кончишь век,
Не рысаком, а старой клячей
Судьба твоя закончит бег.

Многообразен путь земной.
Смерть не обходит стороной
Загадку жизни человека.
Ты это помни, милый мой...

1899

Перевод М. Дудина

Вот мотыльков беспечный рой,
Струясь, летит сквозь летний зной
В мгновенной радости скупой
Над обреченною травой.

А человек, он что ж, иной?
И он не властен над судьбой,
Спешит, хлопочет, лишь порой
Пытаясь путь осмыслить свой.

А время мутною рекой
Всех топит в бездне вековой,
И тех особо, кто порой
Перечит времени, слепой.

1902

Перевод *Е. Курдакова*

Как бабочек много над лугом!
Веселый и радужный рой,
А ближе к метелям и выюгам
Не встретишь их здесь ни одной.

Так люди – снуют, суетятся,
Надеются, любят, грустят,
К чему-то всем сердцем стремятся
И словом и мыслью блестят.

Но к старости всяк затихает.
И в вечность уносит людей,
И кто не парит, а порхает,
Бесследно скрывается в ней.

Перевод *В. Антонова*

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят –
И они назад не летят.

Людам всем дана, всем подряд,
Черета удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех – стар или млад.
Время злых помех снять бы рад!
Жизнь – тоска и смех, блеск и чад.
Срок придет – и ты смертью взят.

Перевод *М. Петровых*

Вечность – круг, круг часов – циферблат.
 За минутой минута – бегут, спешат.
 Минута и жизнь человека прошла.
 Прошла – никогда не вернется назад.¹

Этот вор – часы! Тихий шаг, зоркий взгляд
 Твою жизнь сторожат, отдашь, рад не рад.
 Постоянства нет, жизнь пришла и ушла, –
 Прошла и уже не вернется назад.

Убегай от жизни иль жизнь догоняй,
 Укрощай желанье или утоляй,
 Не уйдешь от дел и поступков своих. –
 Мерен шум проходящей жизни, внимай!

День за днем, за месяцем месяц – и год.
 Год за годом ворует, старость придет;
 Если жизнь обманула, что с нее взять!
 Будь, аллах, твоя милость к тем, кто живет!

Перевод А. Глобы

¹ В первом варианте первая строфа звучала следующим образом:
 Не ради забавы по кругу бегут
 За стрелкою стрелка: жизнь в беге минут.
 Минута – и жизнь человека прошла!
 И доли минуты тебе не вернуть.
 (Абай Кунанбаев. Избранное. – М.: Гослитиздат, 1945).

В мирных звуках часов безотрадное есть,
Наших дней убывает – несут они весть.
Целой жизни подобна минута одна:
Сколько в тьму их ушло безвозвратно – не счесть.

Похищает надежды часов строгий лад,
Приближает он тайно години утрат.
Нет ни в чем постоянства и верности нет,
Время, тенью мелькнув, не вернется назад.

В этих звуках – наш опыт, в свой срок надо знать,
Уступать ли желаньям иль их унимать.
Понапрасну все то, что постиг уж давно,
От себя ты таишь, ни к чему себе лгать.

Дни сплетаются в месяц, а месяцы – в год,
Годы мчат все быстрее, значит, старость грядет...
Коль обманет надежда, меня не оставь,
Безобманный мой Бог, мой последний оплот!

Перевод Э. Шехтмана

Стук часов – не робкий шелест забытья,
Это судорожный ропот бытия.
В каждом звуке чья-то жизнь и чья-то смерть,
Не уйти, не обмануть, не претерпеть.

Вор скребущийся, крадущий день за днем,
Время зыбкое, – ты верно лишь в одном:
Что бесплотный, безвозвратный твой поток
Не меня лишь одного собой увлек.

Знак прошедшего – скользящий этот звук,
Легкий знак минувших радостей и мук,
Знак, подсудный лишь усталому уму,
Но от этого не легче никому.

День отмерен, минул месяц, канул год,
Старит время, мчится время на проход,
Истекает, убегает навсегда, –
Лишь создателю то ведомо, куда.

Перевод *Е. Курдакова*

Тикают часы не для забавы.
Жизнь уносят стрелки, что в оправе.
У минуты тоже есть судьба,
Смерть приходит на глазах, исправно,
Вор часы, крадущие минуты,
Здесь и жизнь отходит в промежутке.
Призрачное время только так
Мчится безвозвратно, скоро, жутко.
Звуки эти – прошлого приметы,
Чувства укрощай, снимай наветы.
Каждодневно лицемеришь зря,
Разумом постигнув тайны света.
Дни за днями – в месяцы и годы.
Годы в теле ноют к непогоде,
Боже правый, если мир не прав,
Сохрани отзывчивость природы.

Перевод *М. Султанбекова*

Стучат часы, их стук – не праздный звук.
На стрежень жизни указывает стук.
Одна минута стоит целой жизни.
Прошла, и нет возврата ей в свой круг.

Часы – как будто тикающий вор.
Незримо жизнь крадущий с давних пор.
Изменчиво, легко, неуловимо
Наш век уйдет, как дымка с вечных гор.

Знак уходящей жизни – этот стук,
Гнетет ли душу, мерит ли досуг.
Уловки эти разгадал наш разум.
Тик-так – ну, право, безобидный звук!

Минуты, дни и месяцы, и год,
И год за годом – все в ничто уйдет.
На счастье уповая, ты ошибся,
Но ждешь, что Бог тебе его пошлет.

Перевод *Ю. Кузнецова*

Отнюдь не досужий – часов перестук.
Толкует он нам: «Все проходит вокруг!»
Минута равна человеческой жизни, –
Прошла, умерла, не воскреснуть ей вдруг.

Часы – это воры, стучащие в такт
Тому, что уходит, скрывая свой шаг,
Не зная покоя, проносится время:
Пришло и ушло, не вернется никак.

Знак жизни текучей – биенье часов.
Чем мучиться вечно, откликнись на зов.
Твой разум все видит, но ты, лицемеря,
Предстать перед правдой еще не готов.

Дни в месяцы влились, а месяцы – в год.
А годы нас старят, не так ли, друг? Вот...
И если в призвании я обманулся,
Меня пусть Всевышний в величьи поймет.

Перевод А. Кодара

Грядущее скрыто туманом от нас,
Надежды лучом озаряясь подчас.
Ты смотришь в упор: время гонит часы,
Безлики они – не порадуют глаз.

Подобно минувшим, грядущие дни
Приходят, уходят, друг другу сродни.
Меж них и тебе предназначенный срок,
Аллаху лишь зрима судьба искони.

«Я», – разум промолвит. Плоть скажет – «Мое»,
Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «я» никогда не умрет.
«Мое» – это только земное жильё.

Зачем же «моим» ты так жадно живешь?
Сладка тебе плотская краткая дрожь.
Добро, справедливость – вот наши друзья.
Могильный порог с ними перешагнешь.

Ты можешь за золото душу продать,
Грехом замутишь безупречную гладь,
Но жизнь твою радость похитит, поверь,
Коварнее жизни не сможешь ты стать.

Напрасно своим мыслит мир человек.
«Мое», – это капля воды среди рек.
Подумай: что плоть и земное добро,
Коль дух оторвется от тела навек?!

Беспомощных лучше желей и сирот,
Деяний твоих не испортится плод;
О людях заботился даже творец,
Полюбит тебя он, коль любишь народ.

Но помни: толпа и народ – не одно.
Есть люди и волки – уж так суждено.
Так будь справедливым, как истинный муж,
Коль сердце твое милосердья полно.

Всем смертным удача и благо нужны,
Но зло от добра отделить мы должны:
Пройдохи с невеждами сядут на мель,
Лишь вера и правда – на гребне волны.

Перевод *В. Звягинцевой*

Время – пряди тумана вдоль гребней гор.
Ты с надеждой глядишь в туманный простор,
Ты следишь за потоком безликих дней,
Вечной сменой их утомляя взор.

Дни – один в один, словно серая мгла,
Прилетят – улетят, расправив крыла;
Притаился меж них твой последний день,
Но узнать его в силах только аллах.

«Я» – душа и сознание, а плоть и кровь –
Оболочка души, их к смерти готовь.
Пусть бессмертна душа, но тело умрет,
Так терпи же, крепись и не прекословь!

Ищет плоть наслажденья ночью и днем,
Но какая же малость сокрыта в нем!
Совесть, правда, любовь – лишь к ним ты стремишься
До поры, как заснешь непробудным сном!

За богатство – собой придется платить,
За почет – клеветою душу мутить;
Не обманешь ты жизнь! Оборвет она
Все довольство твое, как прелую нить.

Человек полагает: весь мир его,
Но вселенной владеет лишь божество,
Людам плоть их и вещи принадлежат
Неотъемлемо, кроме них – ничего.

Жаркой жалостью к страждущим наделен,
Ты работай для блага людских племен!
За любовь к любимым созданьям творца
И тебя, словно сына, полюбит он.

Люди – разные, в каждом свой смысл и толк!
Помни это: пред сворой бессилен волк.
Милосердьем и правдой всех наделять,
Всем на помощь спешить – вот наш первый долг!

Кто хорош, кто плох? Не поймешь до конца.
Зачастую ложь прикрывает сердца.
Только плуты себя восхваляют вслух,
Истый праведник о себе – ни словца!

Перевод *А. Штейнберга*

Грядущее скрыто в тумане сплошном,
С надеждою ждущих глаз много кругом.
Пыль дней поднимая проносятся годы,
Не зная ни рода, ни вида ни в чем.

Дни эти, как те, что прошли навсегда,
Пройдут и уйдут, не оставив следа.
И где-то в чреде их настанет День Судный,
Всевышнему ведомо, где и когда.

Знай: Я — это разум, а тело — Мое,
В двух сущностях разных мы мирно живем.
Бесплотное Я изначально бессмертно,
Мое не спасти, не горюй же о нем.

Однако, вас жар обладанья влечет,
Вы радостям плоти теряете счет.
Но честь и любовь, справедливость и совесть,
За смерти порогом воздвигнут свой свод.

Продай хоть усердье свое ты за скот,
Хоть грязью скверни чистоту своих вод.
Не сможешь, ты, все же, быть призрачной жизни,
Все радости тихо она украдет.

Бесчестный весь мир почитает своим,
Владеет азарт присвоения им.
Но если душа отделится от тела,
Что толку в азарте? Он неутолим.

Имей состраданье к изведавшим крах
И людям служи, разбиваясь во прах.
За то, что любил ты любимое богом,
Возлюбит тебя благодарно Аллах.

Служи, да не всем. Не сливайся с толпой.
В толпе, что ни день, погибает изгой.
Добро, справедливость — основа сознания.
Везде, где они, не пройди стороной.

Пусть кто-то проворней, а кто-то умней,
Но каждый охвачен заботой своей.
Прохвосты стараются зря в мелководьи,
И вера, и истина глубже морей.

Перевод А. Кодара

Жизнь обирает нас день за днем. Где мечты твои?
В славе ль, в труде – прежний ты где? Где черты твои?
Сперва – порыв, а следом – тоска. Лжет жестоко жизнь!
Где такой, чьи дни не пусты, как пусты твои?

Где ж сладость, где ж манящая нас всегда?
К чему бороться так за остаток дней?
Знал ли отраду, из-за какой не жаль
Блиzkих своих забыть и оттолкнуть друзей?

Доколе сердце молчит – слова сдержи.
Язык – приспешник обид, прислужник лжи.
Иль знал ты власть над ним и предел желаньям своим?
В них не брезжит правды свет, в них – плен души!

Перевод *М. Петровых*
(I вариант)

Проклятый мир обирает нас. Как поладить с ним?
Где былые силы твои? Ты стал иным!
В надежде горечь таится. Коварна жизнь!
А мы в своем злополучье других виним.

Любая радость твоя перейдет в печаль.
Что суетиться ради немногих дней?
Ты не найдешь того, из-за чего не жаль
Блиzkих своих забыть и оттолкнуть друзей.

Если речь не от сердца – слова придержи!
Язык привычен лукавить, послушен лжи.
Ты разве знаешь предел желаньям твоим?
Они скрывают завесой истину от души.

Перевод *М. Петровых*
(II вариант)

Посмотри, этот мир тебя грабит, жесток.
Прежних сил в тебе нет, и лицом ты поблек.
С жизнью, где за надеждой стоит сожаленье,
Состязаться в задоре, признай, ты не смог.

Есть ли сладость, чей вкус никогда не пройдет?
Если жизни скупой так недолог полет,
Разве стоит в ней что-то, чтоб ссориться с ближним,
Или с другом расстаться, спеша лишь вперед?

Пусть губами в тебе не глаголет язык,
Лицемерию плоти служить он привык,
Где язык — без костей, губы виснут без края,
Закрывая, как пологом, истины лик.

Перевод *А. Кодара*

Если мысль за волею вслед
Оскудеет в сердце пустом,
Ты, утратив разума свет,
Станешь тварью, темным скотом.

Мой безвольный разум, скользя
По верхам, нейдет в глубину.
И душа устала, друзья!
Одрыхлел я, тянет ко сну...

Коль смиришь ты жадную плоть, —
Жаль ее, беднягу, тебе.
А не сможешь плоть побороть,
Одолеет она в борьбе.

Ведь у тварей душа темна,
И не знают мыслей скоты.
Вовсе красок жизнь лишена,
Если вглубь не стремишься ты.

Человеком назваться я
Не могу, окруженный тьмой.
Как найти мне смысл бытия,
Коль народ невежествен мой?

Перевод *А. Штейнберга*

Коли в сердце нет воли, ничто
Не разбудит уснувшую мысль.
Коли света нет в разуме, то
Суждена тебе скотская жизнь.

Коли разум твой воли слабей,
То ему не постичь глубины.
Старца ум с каждым днем все грубей
От привычек, что пуще вины.

Жажду плоти душа утолит,
Но сама же ослабнет потом.
Плоть надеется и не скорбит,
И не знает отказа ни в чем.

У животных душа есть и плоть,
Но без разума, чувства и слов.
Что за радость прожить, о Господь,
Не вникая в глубины основ.

Коль слынешь человеком, тогда
Быть невеждой тебе не в чести,
Коль народ мой невежда, куда
Мне пойти, чтобы честь обрести?

Перевод *Ю. Кузнецова*

Если волей в себе не силен,
К спящей мысли пробьешься ли в дверь?
Если светом ума обделен,
Будешь дни ты влачить, словно зверь.

Если воли не выше твой ум,
Он не сможет дойти до глубин.
Разум старца – бескрыл и угрюм,
Он поблек под покровом седин.

Если что-то потребует плоть,
Ей не в силах душа отказать.
Если плоть эту слабость проймет,
Будет вечно желать и желать.

И животным даны дух и плоть,
Правда, нет в них ни чувств, ни ума.
Если мысль до глубин не дойдет,
Разве дрогнет невежества тьма?

Если я человеком зовусь,
Как невеждою темным мне быть?
Раз народ мой внушает мне грусть,
Где я славу могу заслужить?..

Перевод А. Кодара

На сорок лоскутов тоскою
Растерзано ты – каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те – взяты землей, те – враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот – ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое.
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

Перевод *М. Петровых*

На сорок лоскутьев печалей
Разорвано сердце врагами.
Оно уцелело б едва ли,
Во всем разуверясь с годами.

Из тех, кого сердце любило,
Тот умер, тот сеет раздоры,
А та даже помнить забыла...
И нету ни в ком мне опоры.

Уж старость в упор подступает,
И выхода нет никакого.
Строптивый про горе не знает,
Но проку ведь нет никакого!

Эй ты, кто в крови и печали!
Побудь хоть немного со мною.
Душа понимает едва ли
Величье свое под луною.

Перевод *Ю. Кузнецова*

Ты, домбра, сильнее грянь,
Боль и радость затая.
Сердце, биться перестань!
Слезы сдерживаю я.

Отшумевшей жизни след
Нынче видится едва.
Горько мне – и силы нет,
И кружится голова.

Дорогая, посмотри
Мне в глаза, и успокой
Злой недуг, что изнутри
Заглушает голос мой.

Угли в сердце погаси,
Лаской нежною повеи,
Облегченье принеси
Страждущей душе моей.

К ней рукою прикоснись,
Чтоб, тобой исцелена,
Мысль моя взлетела ввысь,
В синий свет устремлена.

Сердце, пламень свой умерь
И байгу свою кончай!
Не терзай меня – теперь
Умереть спокойно дай!

Перевод А. Гатова

Не надо браться за домбру, –
Мне с сердцем скорбным совладать ли,
Я, растревоженный, замру,
И, слезы выступят по капле.

Боюсь, опять в душе моей
Проснутся отзвуки былого.
И, ослабев среди теней,
В печаль, как в бред, впаду я снова.

Так подойди же и пойми,
Всмотришь в меня с теплом во взгляде,
И боль души моей уйми
Ты медом слов, моя отрада.

Пусть буду снова обольщен,
Забыв о тлении былого,
Сумей найти вернейший тон,
Чтоб скорби скинулись оковы.

Способен многому я внять,
Коль подойдешь ко мне ты тонко.
Вглубь мыслей разных я опять
Уйду с тобою потихоньку.

В байге хорошей и дурной
Устал я от порывов тщетных.
Так будь побережней со мной, –
Насыть меня плодом заветным.

Перевод А. Кодара

ОПИСАНИЕ КОНЯ

С густою челкой, с ухом, как тростник,
С высокой шеей, взгляд раскос и дик.
С загривком мощным, с гривой, словно шелк,
С зашейной ямой, чей размер велик.

Широк ноздрей, губаст и толстогуб,
С хребтом могучим, словно гор устуй.
С игрою мускул налитых, грудаст,
Как беркут, что берет добычу, груб.

С копытом круглым, ровным, как такыр,
С коленями, раздвинутыми вширь.
С ногой высокой, чей притоп упруг,
С лопатками просторными, как мир.

С раздольным крупом, тонкостан, бокаст,
Как ни смотри, он под седло горазд.
Кургуз хвостом, чей жесткий волос сух,
С бугром подхвостья, что жиреет всласть.

С лодыжкой низкой, с мясом как брусок,
С округлым задом, сильным на прыжок.
С подбрюшьем плоским, тонок и поджар,
С мошонкой толстой, что висит меж ног.

В суставах гибок, в голени широк,
Игривый в беге, словно ветерок.
Его я жажду к юрте привязать,
Чтоб он косил глазами, одинок.

Рысит он ровно, очень резв и скор,
Грызя зубами яростно простор.
Он в скачке спор, в езде надежен, тих,
Коня такого не иметь позор.

Он так рысит, что малахай торчком,
Как будто сам ты взвился соловьем.
Быстрее сайгака этот редкий конь,
Изнемогаю, думая о нем!..

Перевод *А. Кодара*

Я с ума са кривал...

Наконец волостным я стал,
Все добро на взятки спустив;
Без горбов верблюды мои,
У коней не осталось грив.
Все же волостью управлять
Я не смог, а вроде ретив...
Если сильные позовут –
Оборачиваюсь на призыв;
Если слабые говорят –
Еле слушаю, вял, сонлив...
Близок съезд!¹ Эта весть, как гром,
Прогремела, сердце пронзив.
Но тревоги не выдаю.
Улыбаюсь, а сам чуть жив.
Вот в один из обычных дней
Вижу нарочного у ворот:
«Уездный уже в пути,
Приготовь побольше подвод».
Я смутился – срок-то ведь мал.
Сердце – будто бы молот бьет.
Но стараюсь я, что есть сил,
Ошалев от своих забот.
Всех старшин, всех биев собрав,
Говорю им: «Время не ждет,

¹ На съездах разбирались тяжбы между населением различных волостей, иногда и уездов. Съезды проходили при участии высших административных лиц.

Заготовьте побольше юрт,
Уездный будет вот-вот!..»
Осмелев, пред народом речь
Я держу: «Мол, родной народ,
Оправдать я доверье готов,
Если милость Господь пошлет...»
Будто бы обо всех пекусь,
А на деле – наоборот.
Я, с уездным уединясь,
Все ругаю людей своих,
А потом возвещаю им:
«Не сгибал спины ни на миг. –
Похваляюсь: – Уездный сам
Верит в правду речей моих, –
Я подмигиваю: – Мол, ему
О сомненьях твердил больших...»
Начинаются толки, шум...
Тот хвастун, что был груб и лих,
Тот храбрец, что всех прижимал,
Вдруг на съезде сделался тих...
Но недолго длилась борьба:
Убедили одних, других,
Непокорных, в бараний рог
Посгибали в единый миг;
О великих и малых делах
Говорили, решили их...
Озверел науськанный бий, –
Что ему до тягот чужих?
Был изъят опознанный скот
Для своих хозяев прямых.
Кредиторы со всех сторон
Обступили людей простых...
Нету жалобщикам числа.
Гомонят: «Нам жизнь не мила!»
Управитель на ноги сел, –
Кто бедняжку станет жалеть?..

Я сил не щажу своих,
Я скачу с зари до зари,
Я мечусь туда и сюда,
Развевается мой халат.
Отпустил я совсем повода...
Чтоб уездный услышал, я
Посильнее бранюсь тогда, –
Кой-кого и палка моя
Саданула, тяжка, тверда.
Уж ретивых не вижу я,
Не осталось от них следа.
Расстегнул я ворот, жара,
Прохлаждаюсь – хватит труда!..
Управитель исправный, он
Шумно хвастается всегда,
Смех раскатистый у него,
Голос грохает; и когда
Он, случается, заговорит,
То слова текут, как вода.
Если входит к уездному он,
То другим волостям беда...
А бывает, народ строптив –
И уездный в гневе, тогда
Ноги попусту бьешь весь день,
Все бросаясь туда-сюда.
Сам я тоже едва ль хорош,
Мой характер – он как когда...
И хоть знаю, что скромным быть –
Добродетель большая, все ж
Не придерживаюсь ее.
И к рукам весь народ потом
Прибирать начинаю я.
Поначалу слегка, тишком,
Против сильных не говорю;
Их не тронув, я день за днем
Безобидных травлю чуть-чуть.

При уездном твердил об одном,
А теперь другое творю, –
Каждой мелочью, пустяком
Потихоньку довольствуюсь я.
Ни злодеем, ни мозгляком
Никогда не браню, рассердись...
Собираю людей кругом,
За меня прошу их стоять.
«Ладно, ладно, – твержу, – незнаком
С плутовскими проделками я.
Да и хитрости нет притом...»
Пропади она пропадом, власть,
Зря к ней рвался – подошвы стер.
Что за прок от людей, когда
Чуть не каждый обманщик и вор!
Да, нерадостна, жизнь моя!
Как посмотришь – стыд и позор!
Может быть, я в будущий год
Получу всех шаров набор...¹
Ну, а вдруг сегодняшним дням
Буду слать я грустный укор?
О, родные советники, вам
Заявляю сейчас в упор:
Тюрьмы множатся что ни год;
От хулы потускнел почет...
Мой от горести меркнет взор –
Не сдержать мне народ в руках.
Почему же такой позор
Допустил? Стал строптив народ!
Все мерещится – донесут...
Вдруг узнает про всякий вздор
Наш уездный – возьметса он,
На расправу жесток и скор,
Приберет он меня к рукам,

¹ Выборы волостных управителей происходили баллотировкой шаров.

И под суд я пойду, как вор.
В бездну мерзкую бросит меня
Немилостивый приговор...
Все эти плуты – они
Сами ль выберутся на простор?
Будут жалобы подавать,
К справедливости будут взывать,
Нет того, что было встарь, –
Управителя скользок путь, –
Нынче всякий поклеп идет
На внимательнейший разбор.
Может собственный твой донос
Погубить тебя, в нем найдут
Ложь, неправду, пойдет допрос.
Подсчитают поступки твои,
Все, что сделать тебе довелось, –
Ведь законники и хитрецы
Понимают каждый вопрос.
Лучше всякую бросить власть
Для того, пока не пришлось
В дом с решеткой стальной попасть.

1889

Перевод *Д. Бродского*

Грязный в словах и делах,
Жадностью обуян, –
Вот кто тебя, казах,
Губит, вводя в обман.

Забыв и совесть и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов извести
Хулою и клеветой.

Ничто ему не позор.
Откажешь – ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор
Свершит на тебя набег.

Людьми ненавидим он,
А Богом проклят давно.
Пускай кругом уличен –
Отвертится все равно.

Он все припишет другим,
Хоть в доводах смысла нет.
Немало награблено им –
Он взятку сует в ответ.

Не вышло – на новый лад
Начнет вести канитель.
Угроз, оскорблений ряд...
Глядишь – достигнута цель.

На крайний случай готов
Подальше откочевать.
Его мечта – без трудов
Богатым и знатным стать.

Лежать на боку в дому,
Шататься с пира на пир
И на бесплатном корму,
Как скот, нагуливать жир.

Нет гордости мужа в нем,
Он вовсе лишен стыда:
Заброшен собственный дом,
Семья голодна всегда.

В товарищи он возьмет
Такого ж плута, как сам.
«Пройдохи», – зовет их народ.
Сегодня грозит он вам.

А завтра он друг на час,
На все лихое горазд,
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.

«Кто сведущий человек?» –
Спроси здесь любого ты.
«Тот, кто, пролгав весь век,
При помощи клеветы

Порочит, утратив стыд,
Равно своих и чужих,
И по начальству летит
С кипой доносов на них.

И там, опростав карман,
В аулах новый навет
Строчит, и ретив и рьян», –
Услышишь от всех ответ.

Ответ клеймящий – и что ж?
Кому он замкнул уста?
Снова такая же ложь,
Такая же клевета!

И снова плач без конца.
Коль все спокойно живут, –
Нет корма у подлеца,
Как пес бродячий, он худ.

Он жизни своей не рад...
Грош – дома цена ему.
Покой для него – что яд.
Он скряга в своем дому.

Он ищет в чужом утех,
Он враг тому, кто умен.
Он псами ругает тех,
Кто лучше живет, чем он.

Стал изобиловать край,
Врагами жизни людской.
На всех поднимают лай,
Куснут – хоть иди, хоть стой.

Язык ядовит у них,
Душа их – черная грязь.
На честных и на прямых
Бросаются, разъярясь.

Чтоб им привольно жилось –
Все очернят, что светло.
Пропитаны злом насквозь,
И все их деянья – зло.

Какая выгода им
Желать для других добра?
Им правда – что едкий дым,
Их ненависть к ней остра.

(Тьма ненавидит зарю!)
Под правду раскроят ложь.
Честные, вам говорю:
Нет правды в них ни на грош!

Пора уж в конце концов
К столбу пригвоздить подлецов!

1887

Перевод *П. Карабана*

Управитель начальству рад,
Он не может от счастья дохнуть,
Если русский дарит халат
И большую медаль на грудь.

Но не вечно в почёте тот,
Кто начальству стал чем-то мил.
Он галун на чапан кладет,
Но бесчестьем он честь купил.

То унижен, то вознесен,
Он всегда хвастовства не чужд.
Удивляюсь тому, как он
С важным видом вещает чушь.

Был зарезан баран, когда
Эту радость привез гонец.
Но в известии том – беда
Для того, кто видит конец.

Об удачах пусть говорят,
Не пойдет это счастье впрок.
Только малый ребенок рад,
Коль получит вкусный кусок.

У кого же рассудок есть,
Тот отметит насмешкой злой
Тех, кто сам позабыл про честь –
Прихвастнул своей наготой.

Словно девушка, гнешь ты стан,
Побрякушки душой любя,
Утешаясь тем, что капкан
Для других, а не для тебя.

Но возможно ль таким путем
Стать других умней и знатней?
Будь подальше, коль ты с умом,
От тщеславных, пустых людей.

Не исправишь глупцов пятерых
Тем, что десять прибавишь к ним, –
Нет плохого в делах твоих.
Если сам ты не ходишь к злым.

Пусть твердит: «Я достиг всего!» –
И вразвалку, гордясь, идет.
Так и плещут глаза его,
Коль вскочив, он кого ругнет.

Что ж! Свинья – это лишь свинья!
Не страшись понуканий злых.
Гордецов как исправлю я?
Лишь наука наставит их.

Ни к чему нам тот молодец,
Не поможет он все равно,
И получит скоро гордец
То, что сам заслужил давно.

1889

Перевод *Вс. Рождественского*

Звереет бай.
Скудеет край
Людьми с хорошей душой.
Правитель тут –
Презренный плут,
Народ обирает свой.

Не разберешь,
Где правда, ложь,
Где ноги, где голова.
Власть – за стеной,
Правитель свой
Дышать нам дает едва...

Ему цена
Везде одна!
С начальством угодлив, тих,
Но, ждя наград,
Вцепиться рад,
Как бешеный пес, в своих.

Ждем тщетно век,
Чтоб человек
Достойный был на посту.
Плут роет нам
По сорок ям,
Пуская в ход клевету.

Он щедрым был,
Он всех купил,
Чтоб волостным ему стать,
Семь шкур теперь
Сдирает зверь,
И внешность – нутру под стать.

Народу враг,
Он каждый шаг
Его сторожит везде,
Там – съезд, а тут
Уездный лют, –
Спасения нет нигде!

Нет братских уз,
Твой ближний – трус.
К кому ты пойдешь в беде?
Дымит костер
Взаимных ссор.
Споткнешься – опора где?

На склоне лет
Не мил мне свет,
Устала душа моя
От грязи всей,
Измен друзей,
Кому доверялся я.

А так взглянуть –
Мой славен путь,
Кадят мне со всех концов.
Но что за честь –
Пустая лесть
Фальшивых душой глупцов?!

1890

Перевод *П. Карабана*

Бай живет и охраняет свой скот,
Десять подарит – сотню убережет,
А тот, кто добудет десять голов,
И девяносто в придачу урвет.
Друг друга преследуют, злобой дыша.
Съездит в город, попьет воды Иртыша,
Донос настроит с грехом пополам
И, довольный, скачет домой, спеша.
Исхудали кони от частой езды,
Все карманы его от долгов худы,
Хитрецом и всезнайкой хочет прослыть,
Бог его надоумил на эти труды.
Кто молчит, говорят: «Испугался он».
Бай горопится сам обмануть закон.
У богатого исстари сила вся,
Обманщик избит, но не перевелся.
Чтобы честного человека травить,
Наготове любой держит злого пса.

1886

Перевод М. Зенкевича

Собаку я выкормил из щенка –
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка –
И сам мишенью стал!

1899

Перевод *А. Жовтиса*

Слепого я пригрел щенка,
Прозрев, мне в ногу впился пес.
Бить в цель я выучил стрелка,
Он рану в сердце мне нанес.

Перевод *В. Антонова*

Моей любви собаке стало мало,
Меня моя собака покусала.
А тот, кого я научил стрелять,
В затылок мне прицелился сначала.

Перевод *М. Дудина*

Тобою вскормленный щенок, –
Он в худшем случае – облает...
Но страшно, если убивает
Тобой обученный стрелок.

Перевод *Е. Курдакова*

Хвастун, наглец,
Бездельник, льстец!
Когда приходит он,
Свой прячу лик,
Скрываюсь вмиг,
Растерян, возмущен.

Себя во всем
Он образцом
Считает, зол и груб.
Блудлив в речах,
Широк в гостях,
Он дома нем и скуп.

Их всюду – рой.
Они толпой
Пристанут, как с ножом.
Не дашь им – враг.
Охотясь так,
Живут лишь грабежом.

Злословье, лесть...
Где совесть, честь?
Торгуют клятвой, всем...
Всех ловят в сеть,
Чтобы раздеть;
Что вырвут – живы тем.

Весь этот сброд
Мутит народ,
Повсюду – ложь, обман.
Стал баем – свят,
Стал бием – брат,
И норовит в карман.

Но как ни чти,
Как ни плати, –
От них покоя нет.
Мерзавцы сплошь.
Кого найдешь,
Чтоб добрый дал совет?

И нет средь тьмы,
Кого бы мы
Любить и чтить могли.
«Батыры» те
Нас к нищете
И бедам привели.

Нагла их рать...
Попробуй сладь
Словами с подлецом!
Я им внимал,
Я им давал,
Раскаиваюсь в том.

1893

Перевод П. Карабана

Тулпара в скачке не обгонит кляча,
Соревнованье – не ее задача.
Кто целится в меня из-за угла,
Тому едва ли выпадет удача.

И стая псов не одолеет волка,
Волк – враг собакам страшно и надолго.
Но лезет в драку мелкая душа
И погибает, как всегда, без толка.

И – бесится на воле мелкота,
И от нее страдает правота.
И, кляузникам разным потакая,
Царит в Семи Палатах клевета.

1890

Перевод М. Дудина

ВОСЬМИСТИШИЯ

Издали зовет.
От души идет,
 Заставляет нас трепетать;
Он всего острей,
Он всего быстреей,
 Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Нет, игле стальной
Никакой ценой
 Не поспеть за узорами слов!
Сможет жемчуг-нить
Умный оценить,
 А дешевка – радость глупцов.
Помолчите, слова, сейчас,
Тугоухий не слышит вас!

У невежды есть
Чванство, глупость, лесть
 Да веселье беспечных дней.
Он всегда с толпой,
Так и льнет к тупой,
 Так и следует всюду за ней.
Если мысль слепа или мысли нет,
При себе ты оставь свой бред!

Вся душа в огне,
Холод по спине,
 Лишь увидишь глупцов, их ложь.
Трижды умным будь,
Укажуй им путь –
 Похвалы у них не найдешь.
Но бесстыдству верны и тут.
Не дослушав, они заснут.

Им бы козни вершить,
Им бы сплетнями жить,
 Пустозвон заодно с хитрецом.
Что благой совет!
В нем и смысла нет:..
 Сын не хочет ладить с отцом.
Пусть без устали мелют уста –
В голове одна пустота.

К счастью не придешь,
Измышляя ложь.
 Сплетни – промысел пустомель.
Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство –
 Вот их жизни беспутной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна.

Ты сердечным будь,
Человеком будь
 И трудись, не жалея сил.
Сплетни, болтовня,
Глупая брехня..
 Ты такой сам себе постыл.
Коль упорны твои труды,
Попрошайкой не будешь ты.

Ты пахать умей,
Торговать умей
 И достаток дома блюди.
Будь, жена, верна,
Муж, трудись сполна,
 И тогда – успех впереди.
Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.

Защити свой скот,
Избегай забот,
 Не давай себя унижать.
Сгинь, насилья ночь!
Властолюбье, прочь!
 Да не смогут подняться опять!
Пусть проснутся совесть и честь,
Знай, в словах этих правда есть!

Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыт, –
 Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
 Ты в ничтожестве кончишь век.
Клеветал ты, лгал, доносил.
А раскаяться хватит сил?

Кто учил тебя
Жить, разбой любя,
 Кто твоим советчиком был?
Но придет имярек,
Честный человек.
 Он остудит преступный пыл.
Заблужденья твои – как знать? –
Палачом твоим могут стать.

Нет, не плоть, а дух,
Как в огне, мой друг.
 Голова моя тяжела.
На щеке слеза.
Горе жжет глаза,
 И на душу тяжесть легла.
Где разврат, разгул и разбой.
Там беда берет власть над тобой.

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
 И силы мои сочтены.
Улетают дни –
Не вернуться они,
 Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, – не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

Вижу: чести сын –
На сто сот один,
 А правдивых – ни одного.
Молодость ушла,
Голова бела,
 В суете не познал ничего.
Зря потел средь клевет и зол,
В унижении жизнь провел.

Краснобай и лжец,
И всезнайка-льстец,
 От тщеславья все их труды.
Эти любят лезть,
Любят кверху лезть,
 Униженьем народа горды.
Проклянут тебя и – пропал,
Позовут – в небеса попал.

Пусть народ пуглив,
Ну, а ты чем жив,
 Ты, пугавший родной народ?
Жаждой славы томим,
Ты следишь за ним –
 Что он делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит.

Что успеть ты смог,
Если сам одинок
 И шагаешь, растерян, с трудом.
Те, с кем дружен теперь,
Кому нужен, верь,
 От тебя отвернутся потом.
Чужеродный вор и хитрец
Одолеют тебя вконец.

Вся в крови голова,
Приподнялся едва,
 А угодничать снова спешишь.
Истомлен до костей,
Перед силой властей
 Ты опять, как всегда, лебезишь.
Где же совесть твоя – дай ответ.
В жизни этакой пользы нет.

Лишь собака брехнет,
Мальчик палкой взмахнет
 И погонится тут же за ней.
Люди хором стыдят,
На мальчишку кричат:
 «Перестань! Собаку не бей!».
Устыдился. То же с тобой
И с постыдной твоей судьбой.

Кто пытлив – смелей
Мир познать сумей.
 Было б только желанье познать.
А невежда слепой
Занят только собой,
 Лишь поесть бы ему да поспать.
И не тот, и не этот я,
Все ж судьба не завидна моя.

Я знаний искал –
От скитаний устал,
 Я глядел и туда и сюда.
Но и там и тут
Ложь и лень цветут,
 Ведь невежды боятся труда.
Если хочешь погибнуть скорей,
Стань на палубы двух кораблей.

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал –
 Отвечали и горы, и дол.
Но, услышав звук,
Я искал вокруг:
 Как, откуда тот звук пришел?
Был все тот же утес подо мной –
Отклик есть, но отклик пустой.

Всадник вдаль поскакал,
Пешеход отстал.
 Кто признает тебя, кто поймет?
Боль в груди сильна,
И слеза солона,
 Пламя жаркое сушит рот.
Если весь я горю в огне,
Не рыдать не под силу мне.

Камнем мягкий пух
Обернулся вдруг:
 Так жестка постель – не уснуть.
Но галдит толпа,
Весела, слепа...
 Что б подумать – в чем жизни суть?
Хитрость, ложь осаждают нас
В трудный час, испытанья час.

Велика семья,
Широка родня –
 Одиноким быть нет причин.
Велика семья,
Но не понят я,
 И живу средь людей один.
Как могила шамана, я
Одинок – вся правда моя!

1889

Перевод *Л. Озерова*

Красотка-девушка у хана жила.
Все отдавал он той, что сердцу мила.
Ходила в золоте, в цветистых шелках,
Толпа служанок с ней повсюду была.

Недаром «всякому свое» говорят.
Справляет хан пиры, прославлен, богат,
А девушка, вскричав: «Мой брак – мой позор!»
В пучину бросилась, срывая наряд.

Что сердцу юному до пышных затей!
Друг сердца девушке всей жизни нужней.
А кости дряхлые, что жаждут вернуть
Былую молодость, зачем они ей!

Со стариками ль жизнь связать молодым!
Не сдастся сердце, лесьть рассеет, как дым.
Невесты старше ты на двадцать пять лет,
Не станешь мужем ей, пусть отдан калым.

Жен молодых глупцы томят взаперти,
Девичью молодость украв на пути.
Откуда к старику любовь прилетит!
Она ж не телка, чтоб насильно вести!

У бая старого в деньгах сила вся,
Но снова юным стать за деньги нельзя.
Презренный, чью-то дочь купив за калым,
Ты, старый, дурнем стал, о счастье прося:

«Что на уме у ней?» старик не решит,
Но ладят меж собой, живут без обид.
Опутала тебя, а ты уже рад.
Смотри, бесовка что с тобой творит!

Бай старый, берегись, тебе говорят!
Доверившись жене, ты будешь рогат.
Пропавший человек, коль счастье нашел,
Едою и женой хвалясь всем подряд.

С безвинной байбише бранится старик.
Но молодуху лишь смешит этот крик.
Сухой курай один, другая цветок. .
Когда же снег и зной сжились хоть на миг!

Виляние хвостом не скрасит твой брак,
И по спине хлопки не сблизят никак.
Между сердцами год пути, долгий год.
Как их соединишь ты, старый дурак!

Перевод *М. Петровых*

Жила одна красotka во дворце,
Кружила в мыслях хана, как в кольце.
В парче и золоте, служанок рой.
Гадали ей гадалки о венце.
И бык, и вол имеют свой удел,
Проворен хан, пирует, осмелел.
Пусть тело гложут черви, чем старик,
Метнулась со скалы в иной предел.
Не в радость сердцу с яствами столы,
Глаза того, кто ровня, всем милы,
В погоне хан за тенью прошлых лет.
Зачем ей кости, что стары, дряхлы?
За юностью стремится, хоть не дюж,
Свои права есть у влюбленных душ.
Жена не станет верной за калым,
Глупцы берут в объятья юных жен,
Наполнят дом-очаг печаль и стон,
Когда на два мушеля старше муж.
Не потому ли там, где нет любви,
Покои хана, как быка загон?
Чем бай старше, тем дороже скот,
Но жизнь не внове, покарай, господь.
Склонив скотом родителей, купец,
Зачем пошел ты на стародавний ход?
И усом не ведет почтенный бай,
Как будто бы живут в ладах, ай-ай!
Не зря кокетством веселит жена,
Воспитанница беса, так и знай!
Стареющий богач, тебе совет:
Рога пойдут покорности в ответ.
Хвалить начнешь обильный дастархан
С пути собьешься, следуя молве.
В разладе он с безвинной байбише,
Огня в достатке нет для молодой.

Она еще росток, а он – курай,
Сойдутся ли мороз и летний зной?
Потуги бедер это просто так,
Шлепки по крупу, поцелуй пустяк.
От сердца к сердцу путь дорога в год.
Осилишь этот перегон, чудак?

Перевод *М. Султанбекова*

*ИЗМУЧЕН, ОБМАНУТ Я
ВСЕМУ ВОКРУГ*

О, казахи мои, мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Зло – на левой щеке, на правой добро...
Где же правда? Твой разум не разберет!

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Но какой же яд в твою душу проник?
Ты не внемлешь добрым советам чужих,
Режет всех без разбора твой серп-язык!

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днем,
Добродушен, сердит, заносчив, труслив,
Постоянен в непостоянстве одном.

Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ?
Не справишься ты, покуда чужой
Над тобой правленья бразды не возьмет.

Если зову чести не будешь внимать,
Отвернется от сына отчизна-мать.
Все добро свое по ветру ты пустил,
И уже степных табунов не поймать.

Нет единства, порядка, везде разлад.
Зависть, алчность владеть тобою хотят.
Исцели себя от недугов таких,
А не то унижен будешь стократ.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть довольным собой?
Если кто-либо верный укажет путь,
Ты его клеймишь неразумной хулой.

Перевод *С. Липкина*

О, казахи мои, мой бедный народ!
Ус, не ведавший бритвы, скрывает твой рот.
Кровь за левой щекой, жир за правой щекой.
Где добро и где зло, ум ли твой разберет?
С глазу на глаз приветлив и добр, но потом,
Как торгаш ты меняешься сразу лицом.
Не внимая другим, ты твердишь про свое,
А твои пустозвонны гремят языком.
Ты владеешь добром? Ты об этом забудь,
Днем угрюм, по ночам ты не можешь уснуть.
Кто завистлив и волей не тверд, тот всегда
Легковесен во гневе иль радости будь.
Все ничтожества бредят славой мирской,
Суетятся, шумят, нарушая покой.
Сомневаюсь весьма в исправленьи твоём,
Коли воля твоя стала волей чужой.

Из-за мелочи ближний обидчив навек,
Будто разума Богом лишен человек.
Нет единства, согласия, нет правды в душе,
Потому табуны твои тают как снег.
Все не впрок: и богатство, и ум, и родство,
Только зависть съедает твое естество.
Изживи этот старый порок, а не то
Разорвешь на лоскутья себя самого.
Ты тягался с другими умом и добром
Ты себя надорвешь в состязаньи таком.
Если вовремя свой не исправишь изъян.
Ты останешься низок всегда и во всем.
И тебе никогда не утешиться впредь,
Если горки не можешь в пути одолеть.
Переменчивы все, нет опоры ни в ком.
Ну скажи, что за польза в веселье таком?
Если мудрый наставник придет, то его
Очернят за спиной потайным шепотком.

Перевод Ю. Кузнецова

Казахи, родные, мой милый народ!
Усы, разрастаясь, покрыли твой рот.
Ты зла и добра не сумел различить,
В крови и обжорстве не день и не год.
Порой, если нужно, ты очень хорош,
Порой, как торгаш, ты и тот и не тот.
Не внемлешь другим, кроме собственных слов,
Погрязший в пустом суесловии сброд.
Днем смеха лишен ты, сна ночью лишен,
Боясь, что однажды угонят твой скот.
Легко загораясь, живешь на авось,
То этак настроен, то наоборот.
Сплошные ничтожества выйдя в вожди,
Добились того, что в народе разброд.
Раз волю свою упустил ты из рук,
Твой истинный облик никто не вернет.
Нет веры и в родичей, если для них
Важнее всего свой корыстный расчет.
Нет ни единенья, ни воли к нему,
Потерям и бедам теряешь ты счет.
Ума и богатства не в силах скопить,
Упорствуя в зависти, губишь свой род.
Упрямству возможно ли дальше дать ход?
К позору тебя твой порок приведет.
Чем тешиться нам, коль годам к сорока
Не выше степи все еще твой полет?!
Хитрец мой, не знающий дум и забот,
Что толку паясничать год напролет?..
Но тот, кто возьметса тебя вразумить,
В ответ только низость наветов пожнет.

Перевод А. Кодара

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рожденье и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Все проходит, все деянья непрочны.

Будь благоразумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, неуверен сам в себе.

Людам низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость, расплатиться срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривлянье коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгует моей;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый – только ей.

Бредит дурень о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних сгубит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Воскликает: «Вот любимец божества!»

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю – не покается подлец,
Перейдет он к сатане в победный стан.

Властелина нагло корчит плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей,
Но не будет подлый первым среди людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден.
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным все норовит безмозглый стать, –
Будет всеми, как собака, проклят он.

Перевод Д. Бродского

Старость, тяжкие думы, стал чуток твой сон,
Яд и горечь – твой гнев, желчью ум поражен.
С кем печаль разделить, кто бы слово ценил?
А найдется такой, не утешит и он.

Юность старится, тот, кто рождается, – умрет.
Нет судьбы, чтоб закат превращался в восход.
Твоя радость в былом, как следы за спиной.
Кроме Бога, изменчиво всё, что живет.

Честь мужчины – свое побеждать естество,
Бьется бездарь вслепую – вот участь его.
Мысль ленивца пуста, легковесны дела,
И его подчиняет себе большинство.

Честный труд не влечет низкородных людей,
Вот и хвастается хитростью ловкой своей.
Но за подлость настигнет их кара небес.
Бьют сосуд в один миг, а не в тысячу дней.

Для того, кому жизнь – достояние, тот
Ищет в мире добра и разумно живет.
Кто ни добр, ни умен, тот гуляет и пьет.
Что за низость – гулять день и ночь напролет!

Принимает невежда недобрый совет.
А что верит он в сказки, давно не секрет.
Кто оценит достоинство искренних слов?
Глупый верит не в правду, а в то, чего нет.

Алый жар, золотом-серебром шитый платок,
Этот сказ и сегодня его не увлек.
К слову старца, ученого или отца
Он брезглив; эти речи ему невдомек.

Умный может рассечь вдоль на сорок частей
Тонкий волос, и трезв он в оценке своей.
В нем самом весы правосудья и суд.
Шум толпы для невежд – всех истин верней.

Людам недруг в душе, он улыбчив лицом
Свою жертву способен оплакать потом.
Двух удачливых встретит и верит, что Бог
На земле их отметил всевышним перстом.

Когда в людях раздор, черт узоры творит,
Принижаются ангелы, небо скорбит.
Чертов служка себя победителем мнит,
Там крадет, там ловчит, там хитрит, там дерзит.

Чтит себя ловкачом, хоть он просто наглец,
Шепотком он сеет вражду меж сердец.
Разве подлостью можно возвысить себя?
Как возьмется он душу спасти наконец?

Всяк ли может народ за собой повести?
Человечность и искренность вместе свести?
Ради славы ничтожество бьется за власть,
Но хулы и позора ему не снести.

Перевод Ю. Кузнецова

Где старость, там скорбь, там тревожнее сон,
Досада – отравой, вкус мыслей – солен.
Людей не найти разумеющих слово,
И нечем взбодриться, когда утомлен.

Состарится юность, умрет, кто рожден.
Прошедшая жизнь не вернется в загон.
На свете меняется все, кроме Бога
И каждый твой шаг забвению обречен.

Не надо, чтоб ленью ты был побежден,
Умом недалекие видят вдогон.
Ни мыслей полета, не дерзких поступков,
Ленивый всецело толпой поглощен.

Трудом недостойный всегда обделен,
Проделками грязными явно смущен.
Сосуд из стекла разобьется однажды,
Так подлость его подведет под закон.

Жизнь есть достоянье для тех, кто умен,
Кто скот умножает, кто честью возвращен.
В тебе не найти ни того, ни другого,
Бродя по аулам, ты в смех свой влюблен.

К урокам прохвоста твой слух обращен,
Тебе напоеет только вымыслы он.
Откуда понять тебе истины цену,
Рад верить тому, чему не научен.

Платок золотой и серебряный звон
До прелести чуда тобой вознесен.
От слов аксакала, отца, грамотея,
Давно отвратясь, ты готов бежать вон.

Разумный со всех поразмыслит сторон.
Им будет, как должно, любой оценен.
В себе он находит и суд свой, и меру,
Невежда же мнением толпы лишь силен.

Он злобу таит, но на вид – умилен.
Сжив со свету брата рыдает как он!
Людьми, что удачей отмечены как-то,
Как Бога любимцами он восхищен.

Раздором народа шайтан вознесен,
А ангел, повергнутый, терпит урон.
Невежда признаться в вине не умеет,
Поддержит шайтана вознесшийся трон.

Как важен, таинственен, как разъярен!
Вражду разжигая, собой упоен.
Но можно ли в жизни возвыситься злобой?
Когда же себя разглядит, поражен?

Освоить легко ли правления тон?
И, честный с бесчестным когда уравнен?
Пусть он волостным из тщеславия станет,
В бездарности будет, как пес, уличен.

Перевод А. Кодара

Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!
Поколение новое вижу. Оно
Научилось ловчить, но не хочет трудиться,
И повсюду стяжательство только одно.

Бай залезет в карман, говоря: «Дорогой!
В черный день все тебе возвращу я с лихвой».
Волостной и судья, поживясь, обещают:
«Если, мол, кто обидит, защитник я твой».

Всякий нищий берет: «Я трудом отплачу».
Избиратель: «Заплатишь – я шар опущу».
«Берегись, коль не дашь!» – заявляет пройдоха.
Вымогать удастся такому рвачу.

Друг нашептывает: «Коль не дашь, я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Не могу же тебя я обслуживать даром!..
И рассоримся мы до скончания веков».

Убеждает пролаза: «Рублей не жалея,
Чтоб задабривать ловких, полезных людей».
Есть охотников двести на сотню баранов...
Голова пошла кругом от мерзости всей!

Что же, мясо готовь и на пир приглашай
И того, кто стоит за тебя, угощай!
Все закаркают черною стаей вороньей:
«Кто щедрее, тому я слуга, – так и знай!»

Обещанья пустые – лжецам не в укор.
Забывать свою клятву – у нас не позор.
И рычит человек, словно злая собака:
«Искусаю тебя!» – вот и весь разговор.

«Избирайте любого! – начальник твердит, –
Так, чтоб выборный не наносил вам обид».
Но от этого лучше не стало народу,
И начальник, глядишь, недоволен, сердит.

Все уловкой прожить норовят плутовской.
Упрекнешь ловкачей – изведут клеветой.
Разве душу найдешь хоть одну, что довольна
Тем, что бог человеку дарует, – судьбой?

Сын отца предает, брата старшего брат.
Этой жизни собачьей кто может быть рад?
Те, кто совестью из-за наживы торгуют,
Будьте прокляты! Беды вас пусть поразят!

Все – родня и чужие – теперь на ножах.
Все друг друга преследуют, злоба в сердцах.
Гибнут гнезда людей, одержимых корыстью...
Ах, зачем ты их создал такими, аллах!

Сгинь, душа, коль источена ложью дотла!
Сгинь, добро, что бесчестья рука принесла!
Сорок раз тебе горы сулят золотые, –
Но добиться ль тебе молока от козла?
Сгинь, наглец, что, стократно меняя личины,
Ждет еще похвалы за такие дела!

Перевод А. Гатова
(1 вариант)

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду – зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколение.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берет, говоря: «Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пушу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец:
«Отойду – не разыщешь, след мой простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

И хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя, – знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме – поживиться бараном...
Как подумаешь, кругом идет голова!

Что ж, барашка зарежь, угощай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдеж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг, и родня».

Кто изменит, – встречаясь, не склонен краснеть.
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву – будет сытная снедь».

Осчастливит начальник округу свою:
«Выбирай кого хочешь, свободу даю».
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: «Растопчу! Истреблю!»

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекнешь – огрызнется: «Я в ссоре с тобой»
Человека не вижу, который сказал бы:
«Я доволен своей справедливой судьбой».

Сын отца предает, брата старшего – брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерствеют, слова не звучат.

Заблудились казахи – и злость в их сердцах.
Строят козни друг другу, темно в их глазах.
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, аллах?

Так проклятье тому, кто клянется и лжет,
Кто за золото душу и честь продает,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почет,

Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предает.

Перевод *А. Гагова*
(2 вариант)

Где старость, там скорбь, там мученья одни,
Боюсь я юнцов в эти страшные дни.
Кого не увижу, с глазами собак,
Давно все продажны и алчны они.

Берут богачи: «Возвращу, мол с лихвой!
Подкину в нужде тебе хлеб дармовой...»
А бий с волостным напирают на то,
Что могут помочь во вражде родовой.

Клянясь отработать, берут бедняки,
Берет надзиратель за легкость руки.
Наглец откровенный берет ни за что,
Страшая враждой, чьи тяжки тиски.

Берут и друзья за поддержку свою,
За то, что тебя не покинут в бою.
«А если покинем, – читаешь в глазах,
Надолго ты нас не увидишь в строю!»

Прожженный прохвост за интриги берет,
За то, что тебя уберет от забот.
На сотню скота двести жаждущих ртов,
От дум голова твоя кругом пойдет.

Народ созывают и режут свой скот,
Чтоб был попокладистей с ними народ.
Сбегаются люди шумней воронья,
Склоняясь к тому, кто щедрее дает.

Пред тем, как предать, дела нет до стыда.
От клятвы былой нет в душе и следа.
Напомнишь, накинется злей всех собак,
Грозя, что куснет так, что будет беда.

Чиновник сказал: «Вот свобода, бери!
Ты чтимых тобою людей избери!»
Но нет улучшений, чтоб тешили взор,
В досаде орус, упрекает: «Смотри!..»

Стараются люди подлеи стать, ловчей,
Чураясь разумных и трезвых речей.
Пожалуй, им всем с богом жить не дано,
Довольствуясь мерой отпущенных дней.

Следят брат за братом и сын – за отцом,
Зачем по-собачьи стыть в страхе таком.
Зачем свою честь за корысть продавать,
Чтоб быть до конца своих дней подлецом?!

Казахи из ближних и дальних округ
Враждуют друг с другом повсюду вокруг.
И все из-за тех, чья больная душа
Довольству и счастьем готовят путь мук.

Пусть прокляты будут за душ своих дрожь,
За скот, что собрали, продавшись за грош.
За то, что усеяв подвохами дни,
Избрали кумирами хитрость и ложь.
Будь проклят гордец, что заради коня,
Юлил и свербил, как последняя вошь.

Перевод А. Кодара

Измучен, обманут я всеми вокруг.
 Меня предавали и недруг и друг.
 Среди близких и дальних почти не найти,
 Кто б не был причиною горестных мук.

Один – из-за выгод приятель тебе,
 Споткнешься – покинет в неравной судьбе.
 Не скажет тогда: «Я такой же, как он», –
 И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот – низкий стяжатель, тот – взяточник, вор.
 Для них твои цели и помыслы – вздор.
 Пустые лукавцы, рабы суеты.
 На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи,
 В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.
 Там стадо угнали, ограбили тут, –
 Ведь грабят кругом и воруют в ночи.

Торговлей не могут заняться купцы –
 Бедняги не сводят с концами концы:
 Поверишь на слово – не взыщешь потом,
 Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон.
 К злодеям, к ворам снисходителен он, –
 И множится зло, расцветая вокруг,
 И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
 Не внемлет, не верит никто никому.
 И дети, и брат, и жена, и твой друг
 Тебе изменяют в твоём же дому.

На честного тысячи плутов кругом. –
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,
О дружбе, о пользе нет мысли ни в ком.

Где солнце смеялось земле и цветам, –
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима.
Раздолье – мерзавцам, разор – беднякам.

К заслугам, к летам – уважения нет,
Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет.

1886

Перевод П. Карабана

На разных дорогах враги и родня
Обманом своим предавали меня.
Я много их в жизни своей перевидал,
Оставив за гранью вчерашнего дня.

Там каждый себе самому господин
Из боя трусливо назад уходил,
Увидев, как мой подзатыльник из шлема
Съезжает, а я оставался один.

Сейчас на уме у людей грабежи,
И души людские погрязли во лжи,
А радость блаженства в душе человека
Покинула этой земли рубежи.

И проку в скотине не видит богач.
Удача, как конь, удаляется вскачь.
И вор табуны по ночам угоняет
Где смех раздавался – там слышится плач.

В миру торгашу не дают торговать.
Долги за товар не хотят отдавать.
И с этим бессовестным человеком сегодня
Успокоенья ему не видать.

Молчит в одиночестве тот, кто умен.
Глупцам на потеху народ развращен.
Почетных старейшин не чтут горлодеры.
Забыты обычаи старых времен.

И власти лишился имеющий власть,
Не в силах обузывать эту напасть.
Мошенники мутят народ и смутьяны,
Гуляет раздора поганая страсть.

И родича родич, родством родовит,
В сырую могилу спихнуть норовит,
И сватья, и братья, и жены, и дети
Притворны в покорности старшим на вид.

Беду эту, горе сулящую впрעדь,
Моим разумением не одолеть.
Народ распустился и кроме арака
Ни чести, ни выгод не хочет иметь.

Весною соседями начатый спор
К осенней поре переходит в раздор,
И вновь возвращается на зимовье
Разумным согласиям наперекор.

Для младших – старейших указ не гроза,
Расчетлива всех попрошаек слеза.
И каждое слово – хитро и лукаво.
И все осуждается за глаза.

Перевод *М. Дудина*

Я сам здоров. Душа моя болит,
Когда друзья становятся врагами.
И думать справедливость не велит,
Какая кара следует за нами.
Иной батыр бушует, крут и лих,
В своем дому у бешенства во власти,
А на глазах людских он квел и тих,
И рабски молчалив, и безучастен.
Где ж твой характер, спесь твоя, хитрец,
Где ж твоя сила, что тебя взбесила,
И, предлагая вольности венец,
В тебе достоинства не воскресила?
Ты стелешься угодливой душой
Перед явлением высокой власти,
И в ощущение выгоды большой
Обманное испытываешь счастье.
Ты в хитрой изворотливости смел,
От совести отделяваясь смело,
Шесть из пяти присваивать умел,
Проигранное завещая дело.
Ты в тяжких тяжбах был самим собой,
Угадывал в них сто развязок разом,
Но, каверзный выигрывая бой,
Домой с подбитым возвращался глазом.
Привычной осторожности не верь,
В твоих делах успех недолго длится.

Не хлопай дверью! Может, в эту дверь
Тебе еще придется возвратиться.

1889

Перевод М. Дудина

Когда умру, не стану ль я землей?
 Язык мой дерзкий – девушкой немой?
 Бездушным льдом – пылающее сердце,
 Что за любовь боролась с жизнью злой?..

Не станет ли последним этот год?
 Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
 И станешь ли судить меня, потомок,
 За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди!.. Меж нами – немоты стена.
 Суди, но помни: пусть страшна вина, –
 За грех один карать не нужно дважды,
 А я живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни суть!
 Тяжелым и тернистым был мой путь.
 Я – человек с загадкой, помни это!
 Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!

Задирю в земной явившись дол,
 Порой хитрил я, был порою зол.
 Прозрел с годами; сделался разумней,
 Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне... Никто мне не помог.
 Свободы я не знал... Спаси вас бог
 От этой доли... Пожалей, потомок,
 Того, кто скорбен был и одинок!

Мое довольство – призрачно оно.
 Как горько мне, что мало свершено!
 Но каяться в стихах – не стоит боле:
 Стихам хранить секреты не дано.

Перевод Ю. Нейман

Умру. И стану вновь землей,
И мой язык насмешкой злой
Не тронет ледяным коварством
Сердец, обиженных судьбой.
Но рок судьбы нагрянет в срок
На твой порог и мой порок .
И пересудит все ошибки
На перекрестках всех дорог.
Я, бедолага, в том кругу,
На том открытом берегу
За все, что не было и было,
Ответить дважды не смогу.
Ты в глубину мою взгляни,
В мои загадочные дни.
Там ныне светят всем, запомни,
Оставленные мной огни.
Я рос, и мой упрямый пыл
Костры в седой ночи палил
И путеводною звездою
Проводникам в дороге был.
Я там с собою принял бой
Своею волей и судьбой.
А за беду и униженья,
Потомок, сжался надо мной.
Нутро мое – огонь и яд,
В нем все терзанья догорят.
А песня – сплетница-чертовка –
Все миру выложит подряд.

Перевод *М. Дудина*

Когда умру, в сырую землю погребен,
Не полетит ли вдруг злословие вдогон?
О сердце, сердце, где любовь сплелась с враждой,
Ты беззащитно будешь в тверди ледяной!
Всему на свете, свой черед и свой исход –
Кто опоздает, а кому не повезет.
Но не равно ли – прозябать иль умирать,
Чтобы потомкам все такой же притчей стать?
Молва слепая разнесет пустую ложь,
Наветам этим не ответишь, не уймешь!
И справедливо ли вот так, душе одной,
Вдвойне терзаться этой мукою двойной?
Проникни в душу, разберись в моей судьбе,
Я жил не понят, в бездорожье и борьбе,
Всю свою жизнь тропил в неведомое путь,
Сражался с тысячами, – о, не обессудь!
Не обессудь за буйной молодости пыл,
Не обессудь, что был горяч и зло творил,
И что, прозрев, я рассмотрел вокруг себя
Лишь тех, кому была важней своя судьба.
Блуждал в бесчестье, скован темною враждой –
Не воспоследуй мне, потомок дорогой!
И если даже и поймешь мой скорбный путь,
Не трогай памяти моей, не обессудь!
Я внешне сдержан, но внутри пожар и яд,
Иду туда, откуда нет пути назад.
И если песня меня выдала, тогда
Пускай она со мной умолкнет навсегда.

Перевод *Е. Курдакова*

Когда я умру, то с землей смешается прах.
Умолкнет мой острый язык, словно дева в слезах.
И бедное сердце, любя, ненавидя и мучась.
Растает, как льдинка у Господа в теплых руках.

Всех смертных настигнет в пути неминуемый рок.
То рано, то поздно, то ровно в положенный срок.
О, глупое сердце, не раз ты в пути ошибалось!
Быть может, потомки заучат твой путь назубок!

Тогда мне злосчастному нечего будет сказать!
Ты можешь свободно о жизни моей рассуждать.
Но дважды гореть одному – справедливо ли это?
Темна моя кровь, и душа перестала дышать.

Когда ты заглянешь в меня, то заплачешь навзрыд.
Но помни, душа моя много загадок таит.
Я вырос в глухой стороне, на пустом бездорожье,
И тысячи вражеских стрел принимал на свой щит.

От пристальных дум был далек как беспечный юнец.
Но сметка и гнев возжигали во мне свой светец.
Я рано задумался, но ничего не достигнул.
Хватали меня за рукав: погоди, удалец!

Когда поумнел, своей волей владеть перестал.
Не будь ко мне строг, что так долго по свету блуждал.
Людей за собой не увлек, но познал униженья.
Удачи желаю тебе! Но не все я сказал!

Внутри меня тлеет отравя, как жар под золой.
Уйду на тот свет, ничего не свершив под луной.
Стихи мои, сплетники, все разболтают по миру.
Нет, лучше молчать! Пусть останутся тайны со мной.

Перевод Ю. Кузнецова

Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев?
Не станет ли нрав мой скромнее стыдливейших дев?
Мое сердце, в котором боролись любовь и вражда,
Не станет ли льдом, где не властны ни радость, ни гнев?!

Всех однажды судьба призовет, бесполезны мольбы.
Кого-то позднее, кого-то пораньше, увы!
И тогда своевольное гордое сердце мое,
Навек успокоясь, не станет ли жертвой молвы?

Из могилы своей не смогу возразить я в ответ.
О, судьи мои, пусть сойдет к вам прозрения свет!
Справедливо ли дважды гореть мне на том же огне,
Если болен душой я и кровь почернела от бед?!

Постарайтесь во мне разобраться поглубже, всерьез.
Я – некто с загадкой не в этом ли, друг мой, вопрос?
Не корите меня, я боролся один против тьмы,
Без троп продираясь, в опасностях всяческих рос.

Дерзким в юности был я, от долгих раздумий далек.
И гнева, и хитрости факел возжечь уже мог.
Пробудился я рано, но мысли глубин не достиг,
Тянули обратно, едва я шагну за порог.

Суетою опутан, не знал я свободы ни в чем.
Не смейте считать, бедолагу, меня, образцом!
Вы за мной не пошли и меня не пустили в мой путь,
Так дайте покоя в приюте последнем моем!

Весь я – горечь и мука, обманчив цветущий мой вид.
Я так и уйду ничего не успевши свершить.
Но поэзия – сплетница, всем она весть разнесет.
Пожалуй, закончу, мне боли своей не избыть.

Перевод А. Кодара

УКАЖДЕП

Вот сын Филиппа Искандер,
Он Македонией владел,
Он был храбрец. Но кто мне скажет:
Где честолюбию предел?!

Филипп почил. И, полный сил,
Себя царем провозгласил
Наш Искандер и на соседей
Он глаз свой алчущий скосил.

Собрал он войско, и тогда
Он без особого труда
Стал опрокидывать престолы,
Жечь села, грабить города.

Он много стран завоевал,
Он кровь людскую проливал.
Оружьем покорив народы,
Он власть на силе основал.

Уже последний пал сосед, –
А все ему покоя нет!
Тогда вдруг Искандер задумал
Завоевать весь белый свет.

Кровавый вепрь и зол, и дик,
Людей он презирать привык.
Придворные недаром звали
Его владыкою владык.

Он стал царем царей, и вот
О нем уже молва идет!
На путь далекий снарядившись,
Он отправляется в поход.

До дальних гор и до долин
Дошел – и, наконец, один,

Сопротивленья не встречая,
Он стал Вселенной властелин.

Он шел и шел. Упрям и строг,
Попал туда, где нет дорог,
В пустыню, мучаясь от жажды...
Вот так испытывает Бог!

Была так жажда велика
Что средь палящего песка,
Уже готовился владыка
Навеки потерять войска.

И вот настал тот миг, когда
С конем, почившим навсегда,
Он, лежа рядом, вдруг заметил,
Что вдалеке блестит вода!

И вот владыка из владык
Пополз и видит, что родник
Журчит, и алчными губами
Он к сладостной воде приник.

И рыбы вяленой кусок
Он сунул в воду и – о Бог! –
Вдруг рыба стала сладкой! Это
Никто понять так и не смог.

Воскликнул царь: «Вот это да!
Напейтесь! Славная вода!
И мы пойдем. И там, в долине,
Мы завоюем города!

Попей и напои коня!
На свете нет сильней меня,
В богатую страну, наверно,
Ручей нас приведет, звеня».

И в край тот, что лежит вдали,
Рядами воины пошли,
Гремя железным снаряжением,
Под музыку, в густой пыли.

Шли долго воины, и вот
Средь гор ущелье предстает.
И встало войско пред ущельем
У странных золотых ворот.

А на воротах был замок,
Царь приналег, да так, что взмок...
Но совещаться начал с войском:
Открыть ворота он не смог!

Кто подхалимством окружен, –
Тот самодур. Им был и он,
Наш Искандер, – все время слышал
Он только лѐсть со всех сторон.

Стал Искандер от гнева ал.
Замок он в испугенье рвал
И бил в ворота кулаками.
«Я требую открыть!» – орал.

И пред владыкою владык
Вдруг старец сгорбленный возник.
«Ведут сии ворота к Богу, –
Входить нельзя», – сказал старик.

«Я – Искандер, я царь царей!
Я царь всех стран и всех людей!
Что за страна лежит пред нами,
А ну-ка отвечай скорей!».

«Хоть всей Вселенною владей,
Ты сам же раб своих затей.

Себя смири! Не задавайся!
Ты честолюбец, ты злодей!».

«Я тот, кто вечно хочет в путь!
На мир хотел бы я взглянуть!..
Чтоб я с людьми мог поделиться,
Ты подари мне что-нибудь».

И в щель открывшейся двери
Просунут сверток был. «Бери!
Но ты понять сумей, однако,
В чем смысл того, что там внутри!».

Царь заглянул: ну и дела!..
И плюнул Искандер со зла,
Пред ним лежал раскрытый сверток,
В нем кость запрятана была.

«Я оскорблен! Наверняка..
То шутка злого старика!».
И кость никчемную брезгливо
Его отбросила нога.

Но Аристотель, друг царя,
Взял кость в ладони, говоря:
«То кость, однако ж, не простая!
Она нам послана не зря».

Был в спорах он непобедим. ...
Тот друг царя. Царь горд был им...
«Взять золото и кость! Давайте,
Что тяжелее, поглядим!».

И вот мудрец весы достал
И взвешивать спокойно стал.
И кость пошла все книзу, книзу;
И вверх и вверх пошел металл.

Владыка, побледнев со зла,
Кольчугу, ту, что тяжела,
Как гиря, скинул с плеч на чашу...
Но кость ее перемогла!

И царь промолвил: «Ну и ну!
Кость перевесит всю казну!
Найдите то, что тяжелее,
Чем кость, – обшарьте всю страну!».

Владыку разбирает злость!..
Мудрец набрал землицы в горсть,
Слегка посыпал кость, и сразу
Вверх стала подыматься кость.

И растерялся тут гордец:
«Так растолкуй же мне, мудрец!
Скажи мне: что это за чудо,
И в чем же дело, наконец?».

«То кость глазничья. Алчен, лют
Взор человека. Адский труд
Глаза насытить! Горсть землицы
Насытит лишь, когда умрут!

В безумье алчущий живет, –
Он вечно давит кровь и пот...
Глаза ж его, когда погибнет, –
Такая кость, как эта вот.

О, мой властитель, не гневись!
Затем ворота заперлись,
Чтоб кое-что тебе напомнить,
Чтоб мысль твою направить ввысь».

И вот владыка из владык
Главою гордою поник.

Он понял всю тщету мирского
И к дому двинул напрямик.

Вот весь – недолгий – мой рассказ,
Я сочинил его для вас,
Чтобы напомнить: нет предела
Для злости ненасытных глаз!

Про бренность помни бытия,
Живи, от ближних не тая
Заветных помыслов. Будь честен!
Да будет чистой жизнь твоя!

К чему тебе успех дрянной
Или фальшивый друг иной,
Когда в лицо тебя он хвалит,
А после хает за спиной?

Лишь губошлеп кричит, сипя,
Свою особу лишь любя.
Честь за себя стоит по праву...
И отвечает за себя.

1889

Перевод *Е. Винокурова*

МАСТЫД

О, Мухаммед, Аллаха друг, открой,
Как описать, что давнею порой
В Багдаде в дни Гаруна аль-Рашида
Жил-был Масгуд – разумник и герой.

...Масгуд собрался за город пойти
Пройтись и вдруг увидел по пути,
Что старика разбойник нагло грабит, –
Старик несчастный при смерти почти!

Старик кричал. Но был разбойник лют!
Прохожие? Да разве те спасут?
На страшного разбойника без страха
Набросился разгневанный Масгуд.

Масгуд к стене разбойника прижал,
Разбойник мигом вытащил кинжал.
Старик с земли поднялся невредимым.
Но, вырвавшись, грабитель убежал.

Старик упал спасителю на грудь...
(Успел разбойник все-таки пырнуть
Масгуда в бок!). Старик сказал: «Запомни!
Добром меня ты вспомнишь как-нибудь!».

Старик твердит спасителю: «Жигит,
Нет, подвиг твой не будет позабыт.
Случилось так: ты спас меня от смерти...
Аллах тебя за это наградит!

Такими вот, как я, полна страна:
Я не батыр, не хан. Да, спасена
Тобою жизнь простому человеку,
И мне известна мужества цена!

Я странник. Да, я беден, да, я стар,
Я странствую с базара на базар

И из села в село. Я здесь случайно.
Но я прошу принять мой скромный дар.

Меня Аллах от смерти нынче спас,
В тяжелый миг послав на помощь вас.
Ради Аллаха я прошу – придите!..»
И он назначил место, день и час.

«Я заступился, – сделал все, что мог.
И то совсем не подвиг – просто долг.
Но я приду туда, куда хотите.
Раз вы решили, что так хочет Бог!».

И за город явился наш Масгуд
В урочный час. Старик уже был тут.
Стоял он у разрушенной гробницы.
А рядом яблоня. На ней плоды растут.

Старик сказал Масгуду: «Видишь, вот
Растут плоды. Сорви же смело плод:
Зеленый, или красный, или белый –
Тот, что милее, тот, что смотрит в рот!».

Съешь белый – станешь сразу всех умней,
А желтый съешь – богаче всех людей.
А красный съешь – все женщины на свете
Тебя возлюбят до скончанья дней».

Стал думать над словами старика
Масгуд – была задача нелегка!..
«Ни белый и ни желтый мне не нужен!».
И потянулась к красному рука.

«Масгуд, ты выбрал плод, который ал.
Потом не кайся, сам его сорвал!
Но объясни мне, почему, однако,
На этот алый плод твой выбор пал?».

«Да, вправду мудрость – свет, а глупость – тьма,
И умным быть хотел бы я весьма!
Но все ж не быть мне властелином мысли.
Боюсь, хлебну я горя от ума!

Найду ль себе я вровень мудрецов?
Я должен буду жить среди глупцов.
И, не найдя ни честных и ни умных,
Я потеряю ум в конце концов.

Себя я на терзанья обреку,
Спать перестану и впаду в тоску.
Себя я доведу до смерти, тщетно
Вдолбить пытаюсь мудрость дураку.

Когда б я стал богаче всех людей,
То скажут про меня, что я злодей.
И обкрадут. И снова станешь нищим,
Каким богатством в мире ни владей.

Богатство бы мне горе принесло.
Оно б меня от злобы не спасло.
Меня б всю жизнь терзали клеветою.
Нет, что ни говори; богатство – зло!

Богатство – зло, одно спасенье – труд.
Спешит к богатству не мудрец, а плут.
Но в наше время это все забыто,
И бескорыстной дружбы не поймут.

Любой сейчас не стоит ни гроша,
А ну не дать попробуй ни шиша,
Псом назовут. Все станут псами!
Будет несчастною вовек твоя душа!

А красный плод вкушу – и я любим!
Мной будут бредить женщины одним!

Полмира женщин! Сколько миллионов?
Я к ним пойду, пойду к друзьям моим.

Такое войско за себя собрать!
У каждого ведь есть жена иль мать.
И если царь иль кто другой обидит,
Есть у кого защиту отыскать!

Вражда на свете – род идет на род!
Все злится этот, все воюет тот.
И если на меня вдруг замахнутся,
То женщина оружие отберет.

Мне нужен этот плод, который ал.
Я сам его рукой своей сорвал,
Его я выбрал, все, как надо, взвесив.
Да, на него мой выбор сразу пал».

«Ты прав, мой друг, ты очень прав, мой брат.
И выбор твой хорош! Я рад, я рад! –
Старик благословил: – Ну, на здоровье!
Ты без того и славен и богат».

Был тот старик на весь известен мир.
То был святой, то был мудрец Кыдыр.
Старик Кыдыр благословлял Масгуда.
Молчал пред ним склонившийся батыр.

И тот, кого благословил старик,
Стал, по преданью, славен и велик,
Прозванье получил Шамси-Жихана¹,
Он стал как солнца лучезарный лик.

В те дни, кто в злобе уходил во тьму,
Кто вечно шел в крови, в огне, в дыму.

¹ Шамси-Жихан (искаж. араб.) – дословно: солнце Вселенной

Тот обращался к женщинам нередко
За помощью – к их сердцу и уму.

Да, это было в старые года.
Сейчас же нет ни чести, ни стыда!..
...Когда бы не могилы дорогие,
Я бы ушел отсюда навсегда!

А как Масгуд? Известно стало мне,
Визирем был Масгуд в одной стране...
И как-то ночью тот спасенный старец
К Масгуду вдруг является во сне.

«Предупреждаю, скоро будет тьма.
И будет дождь. Зловредный дождь весьма!
Лишь будет он неделю. Кто напьется
Водицы дождевой, сойдет с ума.

Неделю будет черным небосклон.
Дождь все зальет. Все опоганит он.
И только тот, кто чистою водою
Сумеет запастись, лишь тот спасен!».

И вот Масгуд с утра, нетерпелив,
Идет к халифу. И велит халиф
Водою запастись. Двор ждет несчастья,
Водою бочки до краев налив.

И вот беда явилась на порог:
День наступил тот, что мудрец предрек!
Все плакали, стонали и галдели.
Никто в стране ни спать, ни есть не мог.

И вдруг толпа, орущая не в лад,
Ворвалась дико во дворец и в сад.
Хан и правитель видят пред собою:
Безумные и скачут и кричат.

И вышел хан, решителен и прям,
И речь сказал, как бы сказал сынам:
«О, бедный мой народ, ты обезумел!
Одумайтесь! Ступайте по домам!».

Толпа же все ломилась напролом.
Вопила и стояла на своем:
«Хан и правитель потеряли разум!
Давайте-ка скорее их уьем!».

И так правитель молвил: «Рад не рад,
А видно, с ними нам придется в лад
Кричать. Другого я пути не вижу!
Иначе нас задушат, как котят».

И, выпив той воды по полглотка,
Перед толпою оба старика
Предстали вдруг, кривляясь и беснуясь...
Толпа молчит, покорна и кротка.

Спокойно, не крича, в свои дома
Толпа людская разошлась сама.
Случилось, что безумие людское
Двух мудрецов смогло свести с ума.

Мораль нужна легенде этой? Вот:
Толпа безумна. Ну а умник тот,
Кто мраку попустительствовать будет?
Тот собственную участь проклянет!

1887
Перевод *Е. Винокурова*

Хорошо я жил или плохо, а пройдено немало: в борьбе и ссорах, судах и спорах, страданиях и тревогах дошел до преклонных лет, выбившись из сил, пресытившись всем, обнаружил брэнность и бесплодность своих деяний, убедился в униженности своего бытия. Чем теперь заняться, как прожить оставшуюся жизнь? Озадачивает то, что не нахожу ответа на свой вопрос.

Править народом? Нет, народ неуправляем. Пусть этот груз взвалит на себя тот, кто пожелает обрести неисцелимый недуг, или пылкий юноша с неостывшим сердцем. А меня сохрани, Аллах, от непосильного бремени.

Умножать ли стада? Нет, не стоит заниматься этим. Пусть дети растят скот, коль им надобно. Не стану омрачать остатки дней своих, ухаживая за скотом на радость проходимцам, вора́м и попрошайкам.

Заняться наукой? Как постичь науку, когда не с кем словом умным перемолвиться? Кому передать накопленные знания, у кого спросить то, чего не знаешь? Какая польза от того, что будешь сидеть в безлюдной степи, разложив холсты, с аршином в руке? Знания оборачиваются горечью, приносящей преждевременную старость, когда нет рядом человека, с кем можно поделиться радостью и печалью.

А может, посвятить себя богослужению? Боюсь, не получится. Это занятие требует полного покоя и умиротворения. Ни в душе, ни в жизни не ведаю покоя, уж какое благочестие среди этих людей, в этом краю!

Воспитывать детей? И это мне не под силу. Воспитывал бы, да не ведаю, как и чему учить. Какому делу, с какой целью учить, для какого народа воспитывать их? Как наставить, куда направить, когда сам не вижу, где бы дети могли приложить свои знания? И здесь не нашел я себе применения.

Наконец решил: бумага и чернила станут отныне моим утешением, буду записывать свои мысли. Если кто найдет в них нужное для себя слово, пусть перепишет или запомнит. Окажутся ненужными мои слова людям – останутся при мне. И нет у меня теперь иных забот.

1890

СЛОВО ВТОРОЕ

В детстве мне приходилось слышать, как казахи смеялись над узбеками: «Ах вы, сарты широкополые, камыш издаюлка носите, чтобы крыши покрыть, при встрече лебезите, а за спиной друг друга браните, каждого куста пугаетесь, трещите без умолку, за что и прозвали-то вас сарт-сурт¹».

При встрече с ногаями тоже смеялись и ругали их: «Ногай² верблюда боится, верхом на коне устает, пешком идет – отдыхает; и беглые, и солдаты, и торговцы – из ногаев. Не ногаем, а нокаем³ бы следовало вас называть».

«Рыжеголовый урус, этому стоит завидеть аул, как скачет к нему сломя голову, позволяет себе все, что на ум взбредет, требует «узун-кулака»⁴ показать, верит всему, что ни скажут», – говорили они о русских.

«Бог мой! – думал я тогда с гордостью. – Оказывается, не найти на свете народа достойнее и благороднее казаха!». Радовали и веселили меня эти разговоры.

Теперь вижу – нет такого растения, которое бы не вырастил сарт, нет такого края, где бы не побывал торговец сарт, нет такой вещи, которую бы он не смастерил. Живут миряне в ладу, вражды не ищут. Пока не было русских купцов, сарты доставляли казахам

¹ *Сарт-сурт* – треск, трещотка.

² *Ногаями* казахи называли татар.

³ *Нокай* – бестолковый, тупой.

⁴ *Узун-кулак* – длинное ухо, т.е. быстрое распространение слухов.

одежду для живых и саван для умерших, скупали гуртами скот, который отец с сыном между собой поделить не могли. Теперь, при русских, сарты раньше других переняли новшества. И знатные баи, и грамотные муллы, и мастерство, и роскошь, и учтивость – все есть у сартов.

Смотрю на ногаев, они могут быть хорошими солдатами, стойко переносят нужду, смиренно встречают смерть, берегут школы, чтут религию, умеют трудиться и наживать богатства, наряжаться и веселиться.

Мы же, казахи, батрачим на их баев за жалкое пропитание. Нашего бая они гонят из своего дома: «Эй, казах, не для того настлан пол, чтобы ты его грязными сапогами топтал».

Сила их в том, что неустанно учатся они ремеслу, трудятся, а не проводят время в унижительных раздорах между собой.

О просвещенных и знатных русских и речи нет. Мы – не ровня и их прислуге.

Куда сгинули наши бывлые восторги? Где наш радостный смех?

1890

СЛОВО ТРЕТЬЕ

В чем кроется причина разрозненности казахов, их неприязни и недоброжелательности друг к другу? Отчего слова их неискренни, а сами они ленивы и одержимы властолюбием?

Мудрые мира давно заметили: человек ленивый, как правило, труслив и безволен; безвольный – труслив и хвастлив; хвастливый – труслив, глуп и невежествен; глупый – невежествен и не имеет понятия о чести, а бесчестный побирается у лентяя, ненасытен, необуздан, бездарен, не желает добра окружающим.

Пороки эти от того, что люди озабочены только одним – как можно больше завести скота и стяжать тем самым почет у окружающих. Когда бы они занялись земледелием, торговлей, стремились к науке и искусству, не произошло бы этого.

Родители, умножив свои стада, хлопочут о том, как бы стада у их детей стали еще тучнее, чтобы передать заботу о стадах пастухам, а самим вести праздную жизнь – досыта есть мясо, пить кумыс, наслаждаться красавицами да любоваться скакунами.

В конце концов их зимовья и пастбища становятся тесными, тогда они, употребив силу своего влияния или занимаемого положения, всеми доступными для них средствами выкупают, выманивают или отнимают угоды соседа. Этот, обобранный, притесняет другого соседа или вынужденно покидает родные места.

Могут ли эти люди желать друг другу добра? Чем больше бедноты, тем дешевле их труд. Чем больше обездоленных, тем больше свободных зимовий. Ожидает моего разорения, я жду, когда он обнищает. Постепенно наша скрытая неприязнь друг к другу перерастает в открытую, непримиримую вражду, мы злобствуем, судимся, делимся на партии, подкупаем влиятельных сторонников, чтобы иметь преимущество перед противниками, деремся за чины.

Потерпевший не будет трудиться – добывает достаток иным способом. Ни торговля, ни земледелие не интересуют его, он будет примыкать то к одной, то к другой партии, продавая себя, прозябая в нищете и бесчестии.

Воровство в степи не прекращается. Будь в народе единство, не стали бы люди мирволить вору, который ловко пользуясь поддержкой той или иной группировки, только усиливает свой разбой.

Над честными сынами степи чинятся уголовные дела по ложным доносам, проводятся унижительные дознания, загодя находятся свидетели, готовые

подвердить то, чего не видели и не слышали. И все ради того, чтобы опорочить честного человека, не допустить его к выборам на высокие должности. Если кому-нибудь ради своего спасения приходится обращаться за помощью к тем же негодям, он поступается своей честью; если не идет к ним на поклон – значит, быть ему несправедливо судимому, терпеть лишения и невзгоды, не находя в жизни достойного места и дела.

Достигнув власти хитростью и обманом, волостные замечают тихих и скромных, а стараются наладить отношения с людьми, подобными себе – увертливыми и ухажистыми, рассчитывая на их поддержку, а пуще всего – опасаясь их вражды.

Сейчас в обиходе новая пословица: «Не суть дела, суть личности важна». Значит, добиться намеченного можно не правотою предпринятого дела, а ловкостью и хитроумием исполнителя его.

Волостные избираются сроком на три года. Первый год их правления проходит в выслушивании обид и упреков: «Не мы ли тебя выдвигали?». Второй год уходит на борьбу с будущими соперниками. И третий – в предвыборных хлопотах, чтобы снова быть избранным. Что остается?

Наблюдая, как народ чем дальше, тем больше раздражает в распрях, я пришел к выводу: в волостные нужно избирать людей, которые получили пусть небольшое, но русское образование. Если таковых нет, или сеть, но их не хотят выдвигать, пусть волостные назначаются уездным начальством и военным губернатором. Это было бы полезно во многих отношениях. В первых, тщеславные казахи стали бы отдавать детей на обучение; во вторых, волостные не зависели бы от прихоти местной знати, а подчинялись бы только высшему начальству. Дабы не плодить неизбежные доносы и клеветы и не давать им ходу, следовало бы ограждать назначаемого от всяческих проверок и инквизиций.

Мы имели возможность убедиться в бесполезности выборов биев-судей в каждой волости. Не всякому под силу вершить правосудие. Чтобы держать совет, как говорится, на «вершине Культобе», необходимо знать своды законов, доставшиеся нам от предков, – «Светлый путь» Касым хана, «Ветхий путь» Есим хана, «Семь канонов» Аз Тауке хана. Но и они устарели со временем, требуют изменений и непогрешимых вершителей, коих в народе мало, а то и вовсе нет.

Люди, хорошо знающие казахов, говорили: «Если биев двое, то споров – четыре». Отсутствие верховного судьи и четное число биев только усложняют решение споров. Зачем наращивать количество биев? Не лучше ли выбрать из каждой волости по три образованных и толковых человека, не определяя срока их пребывания на посту, и смещать только тех, кто обнаружит себя в неблаговидных делах.

Пусть бы споры решались двумя судьями и посредником, выбранным истцами. И только не сыскав истины у этих людей, не придя к мировой, спорящие обращались бы к одному из трех постоянных судей. Тогда бы суды не затягивались.

1891

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Люди внимательные давно заметили – глупый смех равносителен опьянению. Опьянение ведет к проступкам, разговор с хмельным причиняет головную боль. Предаваясь пустому смеху, человек теряет совесть, отстраняется от дел, совершает непростительные ошибки, за что ожидает его возмездие, если не на этом, так на том свете.

Человек, склонный к размышлениям, всегда вдумчив, собран, будь то в делах мирских или перед судом смерти. Собранность в делах и мыслях – основа благополучия. Значит ли это, что мы должны пос-

тоянно предаваться унынию? Разве может душа лишь печалиться, не зная веселья и смеха? Нет, я вовсе не за то, чтобы мы только и знали что горевать беспричинно. Но стоит задуматься о своей беспечности, опечалиться этим и постараться избавиться от беспечности, заняв себя полезным делом. Не пустое веселье, а полезный и разумный труд исцелит душу.

Только слабые духом могут затвориться в себе, предаваясь горьким раздумьям, не находя утешения.

Если смеешься над глупостью человека дурного, смейся, не радуясь чужой глупости, а гневно. Такому смеху не будешь предаваться часто. Смех с досады – горький смех.

Смейся восторженно, искренне радуясь, когда видишь человека, обретшего благо, свершившего дела добрые, достойные подражания. Хороший пример учит сдержанности, вовремя остановит, не допустит опьянения.

Не всякий смех заслуживает одобрения. Существует же среди прочего смеха такой, что не идет из груди Богом данным путем, а рядится да пустым звоном рассыпается единственно ради того, чтобы прожурчать красиво.

Человек рождается на свет с плачем и уходит скорбя. В промежутке между этими двумя событиями, так и не изведав истинного счастья, не распознав до конца ценности и неповторимости дарованной ему жизни, он бездумно прожигает ее в унижительных ссорах и недостойных спорах. Спыхватывается, когда жизнь уже на исходе. И только тогда начинает понимать, что ни за какие сокровища мира невозможно продлить ее хотя бы на один день.

Жить хитростью, обманом, попрошайничеством – удел бездарных проходимцев. Веруй в Бога, надейся на свое умение и силы. На честный и самоотверженный труд даже твердь земная ответит всходами.

1891

СЛОВО ПЯТОЕ

Печаль омрачает нам душу, леденит тело, сковывает волю и, наконец, изливается словами из уст или слезами из глаз. Я видел, как люди молились: «О, Аллах, сделай нас беспечными, как младенцев». Мнят себя страдальцами, обремененными тяжкими заботами и несчастьями, будто они разумнее детей. О заботах же их можно судить по пословицам: «Если жить осталось до полудня, делай запасы на день», «Нищему и отец становится чужим», «Скот для казаха – плоть от плоти его», «У богатого лик светел, а у бедного – все равно, что точило», «Жигит и волк добудут пищу в пути», «Стада почитаемых мужей находятся в людях, заботятся они о своем добре от безделья», «Рука, умеющая брать, умеет и давать», «Кто сумел нажить, тот и прав», «Приносящий дары срывает завесу отчуждения», «Если на бая надежда плоха, то и на Бога не надейся», «Если голоден, скачи к дому, где поминки», «Берегись озера глубокого да народа немилосердного». Подобных пословиц множество.

О чем они говорят? Не о науке и знаниях, не о мире и справедливости радуется казах, ему бы разбогатеть, да не знает – как? Вот и ловчит, хитрит, чтоб хоть лестью выманить богатство у других, не удастся – будет люто враждовать со всем светом. Отца родного не прочь обобрать и не сочтет это позором для себя. Не принято у людей осуждать тех, кто добывает себе скот обманом, подлостью, попрошайничеством, разбоем или другими ухищрениями...

Чем же отличается их ум от детского? Дети боятся раскаленного очага, взрослых не утрашить и адовым огнем. Дети, стыдясь, готовы сквозь землю провалиться, а взрослые не ведают стыда. В этом их превосходство над детьми? Не раздай мы им того, что имеем, не позволь мы им разорить себя, не опустишь мы до их уровня – они готовы отвернуться от нас.

И это народ, к которому мы тянемся душой?

1891

СЛОВО ШЕСТОЕ

Одна из казахских пословиц гласит: «Начало успеха – единство, основа достатка – жизнь».

Но у каких людей бывает единство, и как они добиваются согласия между собой, казахи не знают. Полагают, что это – общность скота, имущества, еды. Если так, то какой прок от богатства и какой вред от нищеты? Стоит ли трудиться ради богатства, не избавившись прежде от родственников? Нет, единство должно быть в умах, а не в общности добра. Объединить можно людей различных по происхождению, религии и духу, щедро раздаривая им скот. Добиваться единства ценой скота – вот начало нравственного падения. Братья должны жить в согласии не потому, что находятся в зависимости один от другого, а надеясь на свои умения и силу, уповая каждый на собственную судьбу. Иначе они и Бога забудут, и делом не займутся, а станут искать напасти друг на друга. Погрязнут во взаимных обидах, будут клеветать, хитрить и обманывать друг друга. Как тут добиться единства?

«Жизнь – основа достатка». О какой жизни идет речь? О бытии ради того, чтобы душа тела не покинула? Но такое существование и собаке дано. Тот, кто дорожит такой жизнью, трепещет перед страхом смерти, становится врагом жизни небесной. Спасаясь, бежит от врага и слывет трусом, уклоняется от работы и слывет лодырем, превращается в противника истинного благополучия.

Нет, речь тут о другой жизни. О той, когда жива душа и ясен ум. Если ты жив, но душа твоя мертва, слова разума не достигнут твоего сознания, ты не сумеешь зарабатывать на жизнь честным трудом.

Бездельник, лживый зубоскал,
Нахлебник и нахал.

В душе холуй, на вид удал,
Не ведает стыда.

Будучи таким, не сочти себя за живого. Праведная смерть предпочтительнее такой жизни.

1891

СЛОВО СЕДЬМОЕ

Ребенок рождается на свет, наследуя два начала. Первое из них требует еды, питья и сна. Это – потребность плоти, без этого тело не может служить пристанищем для души, не будет расти и крепнуть. Другое – тяга к познаниям. Младенец тянется к ярким вещам, берет их в рот, пробует на вкус, прикладывает к щеке. Встрепенется, услышав звуки дудки или свирели. Подросши, бежит на лай собаки, на голоса животных, на смех и плач людей, теряет покой, спрашивая обо всем, что видят глаза и слышат уши: «Что это? Зачем это? Почему он так делает?». Это уже потребность души, желание все видеть, все слышать, всему учиться.

Не раскрыв для себя видимых и невидимых тайн Вселенной, не объяснив всего себе, человеку не стать человеком. И бытие души такого человека тогда ничем не отличается от бытия иной твари.

Изначально Бог отличил человека от животного тем, что наделил его душой. Почему мы, повзрослев и поумнев, не ищем и не находим удовлетворения тому любопытству, что в детстве заставляло нас забывать о еде и сне? Почему мы не избираем путь тех, кто ищет знаний?

Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению души. Но нет, не стали мы делать этого. Кликушествуя и каркая,

не продвинулись мы дальше навозной кучи у аула. Душа правила нами только в детстве. Повзрослев и окрепнув, мы не позволили ей повелевать собой, подчинили душу телу, на все окружающее смотрим глазами, но не разумом, не доверяемся порывам души. Довольствуясь внешним видом того, что охватывает взор, не пытаемся проникнуть во внутренние тайны, полагая, что ничего не теряем от этого незнания. На замечания и советы людей умных отвечаем: «Ты живи своим умом, а я своим проживу», «Чем быть богатым чужим умом, лучше быть бедным, да по-своему». Мы не способны оценить их превосходства над нами, не понимаем смысла сказанного ими.

Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если видим только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми – стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты, отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания.

1891

СЛОВО ВОСЬМОЕ

Станет ли кто прислушиваться к нашим советам или внимать наставлениям? Кто-то волостной, а кто-то бий. Имея намерение учиться уму-разуму, разве стали бы они избираться на такие должности? Эти люди считают себя достаточно умными и стремятся к власти, чтобы учить и воспитывать других, будто бы достигли полного совершенства, и единственное, что им осталось – это других наставлять. Им ли слушать нас, да и захотели бы слушать, найдется ли у них на это время? Юловы их заняты заботами: как бы ненароком не провиниться перед начальством, не обозлить вора, не смутить народ,

не остаться внакладе, а найти выгоду. Кому-то надо пособить, кого-то вызволить. Все недосуг..

Богачи? Те ни в чем нужды не знают. Пусть на день, но им дано богатство, им кажется, что они владеют сокровищами чуть ли не половины мира, а чего им не хватает, то купят за скот. Взоры их высоко, а помыслы еще выше. Честь, совесть, искренность для них не дороже скота. Был бы скот, уверены, можно подкупить самого Бога. Скот заменяет им все – родину, народ, религию, родных, знания. Где им прислушиваться к чужим советам? Прислушался бы, да времени нет. Надо скотину напоить-накормить, выгодно продать, от вора и волка уберечь, от холода укрыть да найти человека, который бы занялся всем этим. Пока все уладится, до похвальбы доведет. Недосуг и ему!

А вор-злодей да мошенник лукавый так или иначе никого слушать не станут.

Бедняки, что смиреннее овцы, озабочены своим пропитанием. Что им советы, знания, учение, когда все это не нужно богатым. «Не трогайте нас, беседуйте с теми, кто больше нашего понимает», – говорят они, будто, если беден, так и знания не нужны. Им ни до кого нет дела. Имея то, что имеют другие, они и горя бы никакого не знали.

1891

СЛОВО ДЕВЯТОЕ

Я сам казах. Люблю я казахов или не люблю? Когда б любил, одобрил бы их нравы, нашел бы в их поведении какую-нибудь малость, что принесла бы мне радость или утешение, позволила бы довольствоваться не теми, так иными их качествами, и не померкла бы надежда моя. Но нет этого. Когда б не любил, не стал бы говорить с ними, делиться сокровенными мыслями, советоваться, входить в их круг, интересоваться их делами, спрашивая, что там делают, что происходит,

полеживал бы себе спокойно, нет – так вовсе откочевал бы от них. Надежды такой, что они изменятся или я образумлю, исправлю их, тоже не питаю. Не испытываю ни одного из этих чувств. Как же так? Должен бы склониться к чему-то одному.

Я хоть и живу, живым себя не считаю. Не знаю, от досады ли на людей, от недовольства ли собой, а может, и по какой иной причине. Внешне жив, внутри все мертво. Сержусь, но не испытываю гнева. Смеюсь, но не могу радоваться. Слова, произносимые мной, и смех кажутся мне не моими. Все чужое.

В молодые годы и не помышлял о том, что можно оставить свой народ, любил казахов всей душой, верил в них. Когда же довелось узнать людей, когда постепенно угасла моя надежда, обнаружил: нет уже той силы, которая позволила бы покинуть родные края, породниться с чужими. Поэтому в груди у меня сейчас пустота. А вообще думаю: может, оно и к лучшему? Умирая, не буду страдать: «Увы, не привелось изведать еще такой-то радости!..». Не терзаясь сожалениями о земном, утешусь надеждой на предстоящее.

1892

СЛОВО ДЕСЯТОЕ

Люди молят Бога о ребенке. Зачем человеку ребенок? Говорят, надо наследника оставить, чтобы сын кормил родителей на старости лет, молился за них после их смерти. Только и всего?

Что значит оставить наследника? Боишься, после смерти твое имущество окажется без хозяина? Тебе ли печалиться о вещах, которые останутся после тебя? Или тебе жаль оставить их людям? Какие сокровища ты нажил, чтобы жалеть о них?

Хороший ребенок – в радость, плохой – в тягость. Как знать, какого ребенка даст тебе Бог? Или тебе

недостаточно унижений, которые ты вынес за свою жизнь? Или мало гнусностей сотворил ты своими руками? Почему тебе хочется еще породить ребенка, вырастить его таким же негодяем, обречь его на те же унижения?

Хочешь, чтобы сын молился за тебя после твоей смерти? Если в жизни ты делал людям добро, кто не помолится за упокой твоей души? Но если ты чинил только зло, что тебе молитвы сына? Разве он совершит за тебя те благодеяния, которых ты сам не совершил?

Если просишь ребенка для радостей потусторонней жизни, значит, заведомо желаешь ему ранней смерти. Если просишь для радостей этой жизни, разве родится у казаха такой сын, который бы, возмужав, окружил родителей заботой, ограждал их от мук? Твоему ли народу, такому ли отцу, как ты, воспитать подобного сына?

Ты хочешь, чтобы он кормил тебя, когда ты одряхлеешь? И это пустое. Во-первых, доживешь ли ты до немощной старости? Во-вторых, вырастет ли твой сын настолько милосердным, чтобы заботиться о твоей старости? Если у тебя есть скот, кто не возьмет на себя заботы о тебе? Не будет скота, еще неизвестно, кто и как будет кормить тебя. Также неизвестно, будет твой сын множить добро или примется транжирить нажитое тобой.

Хорошо. Скажем, Бог услышал твои молитвы, дал тебе сына. Сумеешь ты дать ему хорошее воспитание? Нет. Не сумеешь. Мало тебе своих грехов, погрязнешь еще и в грехах сына.

С самого начала жизни будешь обманывать ребенка, суля ему то одно, то другое. И будешь радоваться, что удалось обмануть. Кого будешь винить, когда он вырастет лгуном? Учишь его сквернословить, поносить других, чуть что – защищаешь: «Не троньте этого упряма». Потакаешь его озорству. Отдавая в учение, выбираешь муллу за малую плату, лишь бы научить

ребенка читать и писать, учишь хитрости и подлости, вселяешь в его душу недоверие к сверстникам, прививаешь дурные наклонности. Это и есть твое воспитание? И от этого ребенка ты ждешь милосердия?

Люди так же молят Бога и о богатстве. Зачем человеку богатство? Ты молил Бога? Молил. Бог тебе дает, а ты не берешь! Дал он тебе силы, чтобы ты мог трудиться и наживаться. Разве ты тратишь эту силу на праведный труд? Нет. Бог дал тебе силы, чтобы ты мог учиться, дал разум, способный усвоить науки, но неизвестно, на что ты потратил их. Кто не сумеет разбогатеть, если будет трудиться без лени, добиваться без усталости, творить с умом?! Но тебе ведь не это нужно, тебе хочется получить богатство, запугивая, выпрашивая, обманывая других. Разве это мольба? Это попрошайничество, разбой, чинимый утратившим совесть и честь.

Ну, скажем, выбрал ты этот путь, добыл себе скот. Так используй его на то, чтобы получить образование. Не для себя, так для сына. Без просвещения нет ни веры, ни блага. Без знаний ни намаз, ни посты, ни паломничества не достигнут цели. Я еще не встречал человека, который бы, добыв богатство разбойным путем, использовал его на благое дело. То, что добыто собачьим путем, и тратится по-собачьи. И не остается от такого богатства ничего, кроме горечи разочарования, злобы, душевных мук.

Пока богатство в его руках, он кичится им. Растрачив, хвалится тем, что и он когда-то был богат. Обеднев, опускается до попрошайничества.

1892

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ

Чем промышляет, как живет народ? Есть два средства. Одно из них – воровство. Вор надеется разжиться краденым; бай думает умножить свои стада, вернув похищенное с лихвой; власть имущий, обещая баю

сыскать и возвратить пропажу, а вору – избежать правосудия, обирает обоих. Обыватель плутует, донося на вора властям, в то же время, оказывая ему мелкие услуги и скупая у него ворованное по дешевке. И другое – мошенники надоумливают людей на хитрости, о которых они и не помышляют; подстрекают: сделай так – и станешь знатным, сделай эдак – добудешь несметные богатства, обретешь славу неуязвимого, устроишь недругов. Разжигая нездоровые страсти, натравливая людей друг на друга, надеются сгодиться кому-нибудь из них, на том и греют руки.

Так и живут: вельможный – помогая баю и пособляя вору, бедняк – подыгрывая власть имущим, подерживая их в спорах, примыкая то к одной, то к другой партии, за здорово живешь поступаясь собственной честью, продавая жену, детей, сородичей.

Не будь вора и мошенника, задумался бы народ. Он бы и рад трудиться честно, тянуться к добру и знаниям, когда бы бай довольствовался тем, что имеет, а бедняк, не теряя надежды и веры, добивался бы того, чего ему не хватает.

Простой люд невольно посредничает в грязных делах. Кому под силу искоренить сие зло? Неужели канут в забвение понятия чести и совести, клятвы и верности?

Нашлась бы сила, способная укротить вора, но кто и каким путем образумит бая, из алчности потакающего лукавым наущениям мошенника?

1892

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ

Когда кто-то учит других Слову Божьему, хорошо ли, плохо ли делает он свое дело, у нас язык не повернется запретить ему проповедь, ибо нет ничего предосудительного в делах благонамеренных. Пусть наставляет, если даже сам недостаточно просвещен. Но ему следует помнить два непреложных условия.

Прежде всего он должен утвердиться в своей вере, во-вторых, пусть слишком не довольствуется тем, что знает, а постоянно совершенствуется. Если кто оставляет учебу, не завершив ее, тот лишает себя Божьего благословения, от его наставлений прока не жди. Что толку, если, обернув голову чалмой, строго соблюдая посты, совершая моления, он напускает на себя благообразие, но не знает, в каких местах требуется повторение или в каком месте может прерваться тот или иной намаз?

Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим. Без бережливости и внимания не удержать в душе иман – веру.

1892

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ

Иман – есть незыблемая вера в Единого и Всемогущего Создателя, о бытии и существовании которого дано нам знать из посланий через его Пророка, да благословит Аллах его имя!

Существует двойкий путь верования.

Одни принимают веру, убедившись в ее необходимости и справедливости, укрепляют ее в себе разумными доводами. Эту веру мы называем «якини иман»¹.

Другие веруют, черпая познания из книг и со слов муллы. Этим людям требуется особая приверженность к предмету своей веры, твердость духа, дабы выстоять перед соблазнами тысячи искустителей и не дрогнуть даже перед лицом смерти. Это есть «таклиди иман»².

Чтобы сохранить в себе иман, необходимо иметь отважное сердце, твердую волю, уверенность в своих

¹ *Якини иман* (араб.) – истинная вера.

² *Таклиди иман* (араб.) – традиционная вера.

силах. Но как нам быть с тем, кто не имеет знаний, позволяющих отнести его к приверженцам «якини имана», или не имеет твердых убеждений, легко поддается соблазнам и уговорам, из корысти называет черное белым, белое – черным, клянется, выдавая ложь за правду. Как назвать его сторонником «таклиди имана»? Сохрани нас, Аллах, от таких людей. Каждый должен помнить – не существует имана помимо упомянутых.

И пусть вероотступники не рассчитывают на беспредельность Божьей милости, они не заслуживают ни прощения Аллаха, ни защиты Пророка. Будет проклят тот, кто принимает за истину ложные пословицы: «Острие меча сильнее клятвы», «Нет греха, которого не простил бы Аллах».

1892

СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Есть ли у человека что-либо драгоценнее его сердца? Называя кого-то человеком с сердцем, люди почитают его за батыра. Другие качества сердца они себе ясно не представляют. Милосердие, доброта, умение принять чужого за родного брата, желая ему благ, которые бы пожелал себе, – все это веление сердца. И любовь – желание сердца. Язык, повинувшись сердцу, не солжет. Только лицемеры о сердце забывают. Те же, кого молва кличет «человеком с сердцем», часто оказываются людьми не стоящими похвалы. Если у них не в чести учтивость, верность данному обету, отвращение от зла, способность вести за собой заблудших, а не плестись за толпой жалким псом, умение смело постоять за правое дело, когда это трудно, не отступить от истины, когда это сделать легче легкого, то в груди тех, кого люди почитают за батыров, бьется не обыкновенное, а волчье сердце.

Казахи ведь тоже дети человеческие. Многие из них сходят с пути истины не от недостатка разума, а от того, что не имеют в сердце мужества и стойкости, чтобы принять советы умного и следовать им. Многим, из тех, кто уверяет, будто совершил зло по незнанию, я не верю. Есть у них знания, но постыдное безволие и лень заставляют их пренебрегать этими знаниями. Отступившись раз, редко кто находит в себе силы для исправления.

Те, кого люди называют крепкими, храбрыми и ловкими жигитами, чаще всего подбивают друг друга на темные, скверные дела. Их слепое подражание друг другу, бездумная удаль приводят к несчастьям.

Если человек, предавшись дурным поступкам, безудержному бахвальству, не в силах остановиться и взыскать с себя, не пытается очиститься перед Богом или собственной совестью, как назвать такого жигитом?

Вопору задаться вопросом – человек ли он?

1893

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ

Между умными и глупыми людьми, по-моему, есть существенная разница.

Родившись на свет, человек не может жить, не увлекаясь интересными вещами. Дни увлечений и поисков остаются в памяти самыми светлыми днями его жизни.

Разумный человек интересуется достойными, серьезными делами, упорно добивается своей цели, и даже воспоминания о перенесенных невзгодах на пути к ней ласкают слух и радуют сердце. В нем не найдешь и тени сожаления о прожитых годах.

Легкомысленный человек тратит время на ничего не стоящие, пустые, бессмысленные затеи. Хватившись, обнаруживает, что лучшие годы пролетели

напрасно и позднее раскаяние не приносит ему утешения. В молодые годы он ведет себя так, будто молодость бесконечна, не сомневается, что впереди его ждут еще более заманчивые утехи и радости. Но очень скоро, утратив былую силу и гибкость, он оказывается не годным ни на что.

И еще одно искушение подстерегает людей, страстно увлекающихся. Достижение успеха или приближение к нему дурманит им головы, пьянит. Хмель застилает разум, заставляет совершать оплошности, человек невольно привлекает к себе внимание окружающих, становится объектом людских пересудов и насмешек.

Разумные в такие критические моменты не теряют рассудка, сдержанны и не выставляют своих чувств на всеобщее обозрение.

Глупый же скачет на неоседланном коне, воздев глаза к небу, словно обезумев, потеряв в пылу шапку и не обращая внимания на то, что полы его чапана покрывают зад лошади...

Вот что я видел.

Желаешь быть в числе умных людей, спрашивай себя раз в день, раз в неделю или хотя бы раз в месяц: как ты живешь? Сделал ли ты что-нибудь полезное для своего образования, для земной или потусторонней жизни, не придется ли тебе потом испытать горечь сожаления?

Или же ты сам не заметил, не помнишь, как и чем жил?

1893

СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Казах не беспокоится о том, угодны ли Богу его моления. Он делает только то, что делают другие – встает и падает, молясь. С Богом обходится примерно как с купцом, явившимся за долгом: «Это все, что имею, хочешь – бери, не хочешь – не из-под земли же я достану тебе скот». Не будет утруждать себя, думая,

ломаю язык, обучаясь, заботясь об очищении веры. «Это все, что знаю, не братья же за учебу на старости лет. Главное – не попрекнули бы, что не молюсь, а что язык коряв – не беда».

Разве у него язык устроен не так, как у других?

1893

СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ

Воля, Разум и Сердце обратились однажды к Науке, чтоб разрешить спор: кто из них важнее.

Воля сказала: «Эй, Наука, ты ведь знаешь, без меня ничто не достигает совершенства: чтобы познать себя, надо упорно учиться, а без меня этого не сделать; служить Всевышнему, поклоняясь ему, не ведая покоя, можно только с моей помощью. Нельзя, если меня нет, добиться в жизни богатства, мастерства, уважения, карьеры. Разве не я оберегаю людей от мелких страстей и держу их в узде, не я ли предостерегаю их от греха, зависти, соблазнов, не я ли помогаю им собрать свои силы и в последнюю минуту удержаться на грани пропасти? Как могут спорить со мной эти двое?».

Разум сказал: «Только я способен распознать, какое из твоих слов полезно, а какое – пагубно, будь то в земной или загробной жизни. Только мне дано постигнуть твой язык. Без меня не избежать зла, не найти выгоды, не постичь знаний. Почему эти двое спорят со мной? На что они годятся без меня?».

Сердце сказал: «Я – владыка человеческого тела. Кровь идет из меня, душа обитает во мне, без меня жизнь немислима. Я лишаю сна, заставляю ворочаться тех, кто лежит в мягкой постели, вынуждаю их думать о бедных, не имеющих крова, мерзнущих и голодающих. По моей воле младшие почитают взрослых и снисходительны к меньшим. Но люди не стараются сберечь меня в чистоте и от этого страдают сами. Будь я чистым, не стал бы я делать различий между людьми.

Я восторгаюсь добродетелью, я восстаю против зла и насилия. Человеколюбие, совесть, милосердие, доброта – все исходит от меня. На что годятся эти двое без меня? Как они смеют спорить со мной?».

Выслушав их, Наука ответила:

«Воля, ты все верно сказала. В тебе еще много достоинств, о которых ты не упомянула. Ничего нельзя достигнуть без твоего участия. Но ведь в тебе таится и жестокость, равная твоей силе. Ты тверда в служении добру, но не меньшую твердость проявляешь и в служении злу. Вот что плохо в тебе.

Разум! И ты прав. Без тебя невозможно добиться в жизни чего-либо. Благодаря тебе мы узнаем о Создателе, посвящены в тайны двух миров. Но это не предел твоих возможностей. Лукавство и коварство – тоже творения твоих рук. И добрый, и злой опираются на тебя, ты верно служишь и тому, и другому. Вот в чем твой изъян.

Моя задача – помирить вас. Хорошо бы, повелителем и вершителем в этом споре явилось Сердце.

Разум! У тебя множество путей-тропинок. Сердце не может следовать по каждой из них. Оно не только радуется твоим добрым замыслам, но и сопутствует тебе в них с охотой. Но оно не последует за тобой, если ты замыслил недоброе, и даже отстранится от тебя с брезгливостью.

Воля! В тебе много силы и мужества, но и тебя Сердце способно удержать. Оно не станет препятствовать в деле благоразумном, но в деле ненужном повяжет тебя по рукам.

Вам следует объединиться и во всем повиноваться Сердцу. Если вы все трое мирно уживетесь в одном человеке, то прахом с его ног можно будет исцелять незрячих. Не найдете согласия, я отдам предпочтение Сердцу. Берегите в себе человечность. Всевышний судит о нас по этому признаку. Так сказано и в Писании», – сказала Наука.

СЛОВО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Человек должен одеваться скромно, содержать одежду в чистоте, быть опрятным. Тратить на одежду больше, чем позволяют средства, обременять себя излишней заботой о внешности могут только щеголи.

Щеголи проявляют себя по-разному. Один холит лицо, лелеет усы и бороду, нежит тело, ступает с важностью – то брови вскинет томно, то пальцами стучит, то локоть в сторону отставит. Другой же подчеркнуто небрежен в своем щегольстве и старается прослыть к тому же простецким парнем – как будто нечаянно, вскользь обронит про лучшего скакуна и свои богатые наряды, мол, ничего особенного; усердствует, привлекая к себе внимание тех, кто стоит выше; вызывает зависть в равных себе, а среди низших слывет примером недостижимой изысканности и роскоши. О нем говорят: «О чем можно тужить, имея такого коня и одеваясь как он?».

Все это и нелепо, и стыдно.

Пусть никто не увлечется этой блажью, иначе трудно будет ему вернуть истинно человеческий облик.

В слове «кербез»¹ вижу родство со словами «кер»² и «керден»³, предостерегающее людей от этих пороков.

Человек должен отличаться от других умом, знаниями, волей, совестью, хорошим нравом. Думать, что можно возвыситься иначе, может только глупец.

1893

¹ Кербез – франт, щеголь.

² Кер – чванливый.

³ Керден – спесивый.

СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Дитя человеческое не рождается на свет разумным. Только слушая, созерцая, пробуя все на ощупь и на вкус, оно начинает познавать разницу между хорошим и плохим. Чем больше видит и слышит дитя, тем больше узнает. Много можно усвоить, внимая словам разумных людей. Недостаточно обладать разумом. Только слушая и запоминая наставления знающих, избегая пороков, можно стать полноценным человеком.

Но если человек в постижении мудрых речей неуместно восторгается или, наоборот, вял, рассеян, не переспрашивает непонятого, не старается вникнуть в суть сказанного или же не делает для себя никаких выводов, хотя чувствует их справедливость и пользу, что толку от того, слушает он или не слушает?

О чем говорить с человеком, который не знает цену слову? Как сказал один мудрец, лучше пасти свинью, которая признает тебя...

1893

СЛОВО ДВАДЦАТОЕ

Все мы знаем – ничто не властно над судьбой. Человеку свойственно чувство пресыщения, оно не возникает по желанию, а определяется судьбой. Изведав однажды пресыщение, уже не освободиться от него. Если даже собравшись с силами, отбросишь его, оно будет наступать и одолевать тебя.

Чем только человек не пресыщается! В большей или меньшей мере ему надоедает все – еда, развлечения, шегольство, пиры, компании, стремление превзойти других, женщины. Рано или поздно обнаружив порочность, бессмысленность всего, он разочаровывается и охладевает.

Жизнь человека, его судьба, так же, как и все, что существует на свете, переменчивы. Ничему живому на

земле не дано состояние покоя. Откуда же взяться постоянству чувств?

Испытать пресыщение дано людям умным, которые в жизни стремятся к совершенству, многому знают цену, разборчивы, способны постичь никчемность и суетность земного бытия. Постигшим скоротечность и тленность земной радости сама жизнь кажется постылой.

Я подумал: блажен тот, кто глуп и беспечен.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Трудно удержаться от самодовольства, будь оно в большей или меньшей степени. Я отметил два вида его: это гордыня и бахвальство.

Горделивый человек сам себе дает высокую оценку. Прилагает все усилия, чтоб не прослыть в народе невеждой, легкомысленным, не сдерживающим своих обещаний, невоспитанным, чванливым, бессовестным лгуном, злопыхателем, мошенником. Понимает всю унижительность этих пороков, стремится быть выше их. Это свойство человека разумного, совестливого, возвышенного. Он согласен с тем, чтоб о нем не говорили ничего хвалебного, и сделает все возможное, чтоб его имя не поносили.

Другой же, бахвал, усердствует, чтоб о нем говорили как можно больше. Пусть все знают, что он – батыр, богат, родовит... Он упускает из виду, что люди непременно скажут и то, чего человеку не очень хотелось бы слышать о себе. Не то чтобы он забыл об этой стороне известности, просто даже не обращает внимания на эту непременно изнанку славы. Такие хвастуны обычно бывают трех видов.

Первый из них одержим желанием прославиться в чужих краях, среди незнакомых ему людей. Он невеж-

да, но в нем еще теплятся некоторые человеческие качества.

Другой хочет стать известным и быть хваленым в своем роду. Невежество этого – полное, человечности явно недостает.

Третий ищет, чем бы похвастаться перед своими домочадцами или в своем ауле, ни один человек со стороны не одобрил бы его похвальбы. Вот этот – невежда из невежд, и он уже не человек.

Тот, кто желает заслужить похвалу среди чужих, будет стараться отличиться в своем роду. Тот, кто желает быть хваленым в своем роду, будет добиваться похвалы у своих близких. Тот, кто ищет похвалы у близких, уверен, добьется ее, расхваливая и вознося до небес самого себя.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Думаю, кого среди казахов сегодня я бы мог любить или уважать? Уважал бы б а я, да нет нынче такого; если и есть, он не хозяин своей воли и своего богатства. Враждует с одними, из осторожности раздает скот другим, оказываясь в итоге обязанным доброй сотне людей. Думает, оказал милость, откликнувшись на их покорные просьбы. По глупости своей так думает. Он сам находится в зависимости от них. Ни щедрым, ни милосердным его не назвать. На родной земле со своим народом бьется, добром сорит, распинаясь перед недостойными. Там, где баи не находят между собой согласия, плодятся всякого рода проходимцы, стращают их и живут за их счет.

Стал бы уважать мырзу. Но не встретить в наши дни истинно щедрых, а тех, кто без толку раздает скот направо и налево, больше, чем собак. Одни раздают скот добровольно, желая сыскать выгоду, другие – поневоле, иной так суетится, стараясь мырзой про-

слыть, будто приложили ему к одному месту просоленную кошму, да только чаще всего тоже оказывается жертвою лиходеев.

Уважал бы волостного и бия. Однако нет в степи божеской управы и суда. Власть, заслуженная низкоклонством или купленная за деньги, дорогого не стоит.

Хотел бы уважать сильного, но вижу – все у нас крепки на худое дело, готовых на добрые дела – не сыскать.

Найти бы человека умного и ему оказать почести. Но нет человека, чей бы ум был скор в служении делу совести и справедливости, а на хитрость и вероломство всяк горазд.

Уважал бы убогого и нищего, но ведь и его не сочтешь безгрешным. Не смотри, что на лежащего верблюда не может сесть. Будь у него сила, найдется и сноровка прихватить для себя что-нибудь тишком.

Остался кто? Хитрец да хват. Этих нам не унять! Они других и разорят, и по миру пустят...

И что же, кого нам любить, за кого молиться? Смердящие волостные и бии – не в счет. Остается тот тихий бай, живущий по причине своей кротости согласно пословице «Коль ищешь достатка, избегай раздоров». Этот у всех в немилости, хотя и раздает одну половину своего богатства, а другую половину тщится уберечь от вора и насильника.

Делать нечего, – его нам жалеть, за него молиться.

Никого другого я не нашел.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Есть одна радость и одно утешение, которые проклятием висят над казахом.

Радуется он, встречая скверного человека или чьему-то дурному поступку, которого он сам не совершил, радуется и говорит: «Сохрани нас, Аллах, от

такого-то! Ведь и он считает себя человеком, рядом с ним мы – люди совсем чистые, совсем светлые». Разве Аллах сказал, что ему достаточно быть лучше такого-то? Или, может, умные люди пообещали, что он не будет зачислен в плохие, коли разыщет человека, превосходящего его в невежестве и порочности? Разве станешь лучше, равняясь на мерзавца? Добру учатся у добрых людей. Можно понять того, кто на скачках приходит одним из первых и интересуется, сколько лошадей впереди него. Но какой смысл спрашивать, сколько скакунов осталось позади? Какая радость знать проигравшему, пять или десять скакунов он обогнал?

В чем казах находит утешение? Он говорит: «Не мы одни такие, все так поступают, не следует выделяться, лучше быть с большинством. Той, который празднуешь со всеми, самый большой той». Разве Аллах велел ему существовать только в толпе? Или Аллах уже не властен над толпой? Или у Всевышнего не хватит оков на толпу? Разве высокой наукой овладевает любой человек? Или она под силу лишь единицам? Может, люди все до единого одарены гением? Или гениальность осеняет только одного из тысячи? Разве толпу нельзя унижить? Разве будет легче от того, что половину людей поразит недуг, а другая половина останется здоровой? Разве не нужен один человек, хорошо знающий местность, когда тысячи блуждают, не зная ее? Что лучше для путников, если разом оголодают все лошади или будет сытой хотя бы половина их? Что лучше, когда пострадает от джута весь народ или уцелеет хотя бы половина его? В чем утешение одному дураку от того, что рядом находятся тысячи других безмозглых? Покорит ли невесту негодный жених, заявив, что у всего его рода дурно пахнет изо рта? Утешится ли невеста, узнав, что не только ее суженый обладает этим изъяном?

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Говорят, нынче на земле живет более двух миллиардов человек. Из них нас, казахов, более двух миллионов¹.

Казахи отличаются от всех других народов своим стремлением к богатству, поиском знаний, постижением искусства, проявлением чувства доброжелательности, силы, хвастовства или враждебности.

Мы враждуем, разоряем друг друга, следим друг за другом, не давая ближнему своему и глазом моргнуть.

Есть на свете города с численностью жителей более трех миллионов. Есть на свете люди, которые трижды обошли шар земной.

Неужели нам так и жить, подстерегая друг друга, оставаясь ничтожнейшими из всех народов на земле? Или все-таки наступят светлые дни, когда люди забудут воровство, обман, злословие, вражду и устремятся к знаниям, обучатся ремеслу, начнут добывать богатства честным, достойным путем.

Вряд ли наступят такие дни. Сейчас на каждые сто голов скота зарятся двести человек. Разве они утихнут, пока не уничтожат друг друга?

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Хорошо бы дать казахским детям образование и вполне было бы достаточно научить их сначала хоть тюркской грамоте. Но наша земля – Дар-аль-Харб², к тому же, чтобы отдать детей учиться, надобно скопить богатство, необходимо знать персидский и арабский

¹ Абай приводит здесь неточные цифры. По итогам переписи населения 1897 года, казахов, проживавших в областях, сопредельных с Российской империей, насчитывалось 4 млн. 84 тыс. (Володарский Я.Е. Население России за 400 лет. XVI-XX вв. М., 1973. С. 111).

² *Дар-аль-Харб* (араб.) – территория, где не господствует мусульманский религиозный закон.

языки. Голодному ли сохранить ясность ума, радеть о чести, питать прилежание к учению? Скудость достатка, межродовые раздоры способствуют развитию в людях таких дурных наклонностей, как воровство, насилие, стяжательство. Будет скот – значит, брюхо будет сыто. А там появится и тяга к знаниям, ремеслу. Начнут люди подумывать, как бы получить образование или хотя бы детей чему-нибудь научить.

Нужно учиться русской грамоте. Духовные богатства, знания, искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык. Чтобы избежать пороков русских, перенять их достижения, надо изучить их язык, постичь их науку. Потому что русские стали такими, какие они есть, узнавая иные языки, общаясь к мировой культуре. Русский язык откроет нам глаза на мир. Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них, не унижается никчемными просьбами. Просвещение полезно и для религии.

Тот, кто живет раболепствуя, готов продать мать с отцом, родных и близких, веру и совесть ради милостивого похлопывания по плечу. Иной не смотрит на то, что зад оголился, ему лишь бы заслужить одобрительную улыбку чиновника.

Русская наука, культура – ключ к мировым сокровищницам. Владеющему этим ключом все другое достанется без особых усилий.

Казахи, обучающие детей в русских школах, пытаются использовать их грамотность как знак превосходства в распрях с сородичами. Избегай этих намерений. Стремись научить детей честным и разумным трудом добывать свой хлеб, пусть другие последуют доброму примеру, тогда мы не будем терпеть произвол вельможничавших русских, коль у них нет единого для всех закона. Нужно учиться, чтобы узнать то, что знают другие народы, чтобы стать равными среди них, чтобы стать защитой и опорой для своего

народа. Пока из той молодежи, что получила русское образование, не вышло выдающихся личностей. Потому что родители и родственники портят их, сбивают с праведного пути. И тем не менее они намного лучше тех, кто не получил никакого образования. Жаль только, что всей их образованности хватает лишь на то, чтобы растолковывать чужие слова. Состоятельные люди редко отдают своих детей в учение, они скорее всего отдадут детей бедняков на поругание и унижение русским учителям. Чему они могут научиться, эти несчастные?

Ссорясь с родственниками, некоторые восклицают: «Чем терпеть ваши обиды, отдам сына в солдаты, а сам отращу волосы и бороду!». Не боятся такие люди ни божьей кары, ни людского позора. Чего может достичь отпрыск такого человека, если даже и получит образование? Да и многое ли даст ему это образование? Далеко ли уйдет он от других? Учится абы как: пришел, посидел, ушел. Никакого стремления, никакого усердия. Отец с трудом соглашается отдать ребенка в учение даже тогда, когда кто-то другой берет на себя все расходы. А если платить самому, разве он согласится расстаться с добром ради обучения ребенка?

Мой тебе совет – можешь не женить сына, не оставлять ему богатых сокровищ, но обязательно дай ему русское образование, если даже придется расстаться тебе со всем нажитым добром. Это стоит любых жертв.

Бога почитай, людей стыдись! Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, отдай его в учение! Не жалея добра!

Останется он необразованным негодяем, кому от этого польза? Станет ли он утешением для тебя? Будет ли счастлив сам? Облагодетельствует ли свой народ?

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Казах бывает рад до безумия, когда его скакун на состязаниях приходит первым, борец, выставленный им, побеждает в поединке, борзая или ловчий сокол отличаются на охоте. Не знаю, бывает ли в его жизни большая радость? Пожалуй, нет!

Но что за удовольствие находит он в том, что одно животное превосходит другое в ловкости и быстроте, или в том, как один человек повергает наземь другого? Ведь не он опередил и даже не сын его поборол кого-то. А оттого все, что у казаха нет большего врага, чем другой казах. Бурно восторгаясь по ничтожнейшему поводу, один старается своей радостью досадить другому, породить в нем зависть.

Известно, вызывать в людях зависть намеренно – значит, нарушать шариат, вредить своим делам, противиться здравому рассудку. Что за утешение приносит им чужая злоба? Почему это доставляет им удовольствие? И почему те, другие, огорчаются их успехам, чувствуют себя чуть ли не униженными?

Кровных скакунов заводят то в одном, то в другом ауле, ловчая птица, хорошая собака оказываются в руках то одного, то другого. И силачи не все родом из одного аула. Все эти достижения не являются плодом творения человеческих рук. Однажды опередивший, однажды осиливший не остаются быстрее и сильнее навсегда. Так почему люди, зная об этом, досадуют так, как если бы обнаружили их собственные черные замыслы или постыдные дела? Огорчаются, словно их с землей сровняли?

Нетрудно догадаться: невежественный человек радуется всякому пустяку, не стоящему внимания. Радуюсь, он теряет рассудок, хмелеет, не помнит, что говорит и творит. Стыдится не того, чего надобно стыдиться, и, совершив дело неприглядное, не покраснеет.

Вот они, признаки невежества и безрассудства. Скажи ему об этом, будет слушать и поддакивать: «Да-да, все верно». Но не вздумай поверить его словам, он – один из тех, многих. Видя глазами, понимая умом, он, словно безвольное животное, не в силах отказаться от порочного. И никому не под силу обуздать, переубедить, образумить его. Взяв за правило дурные поступки, уже никогда не отречется он от них. Только великий страх или смерть способны разлучить его с вредной привычкой.

Не встретить человека, который, признав свою неправоту, пытался бы обуздать себя.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Это слова Сократа, сказанные им ученому, одному из своих последователей, Аристодиму, о служении всемогущему Создателю. Аристодим часто подсмеивался над верующими.

– Эй, Аристодим, как ты думаешь, есть на свете люди, творения которых были бы достойны восхищения?

– Их множество, учитель, – ответил тот.

– Назови хотя бы одного из них.

– Меня восхищают поэзия Гомера, трагедии Софокла, умение иных перевоплощаться в чужие образы, также я восхищаюсь живописью Зевксиса, – Аристодим назвал еще несколько известных имен.

– Кто, по-твоему, достоин большего восхищения: тот, кто создает безжизненное изображение человека, или Всевышний, сотворивший человека с его разумом и живой душой?

– Достоин последний. Но только в том случае, если его творения созданы силой разума, а не волей случая.

– В мире много полезных вещей. Польза одних очевидна, о назначении других нельзя судить по

внешнему виду. Как ты думаешь, какие из них сотворены силой разума, какие – случайно?

– Разумеется, вещи, польза которых очевидна, – творения разума.*

– Хорошо. Создавая человека, Всевышний наделил его пятью органами чувств, зная об их необходимости человеку. Он дал глаза, чтоб видеть, без них мы не могли бы наслаждаться красотами мира. Чтоб можно было открывать и закрывать глаза, даны веки, чтоб уберечь их от ветра и сора, даны ресницы, чтоб отвести от глаз пот, стекающий со лба, даны брови. Не будь у нас ушей, мы не могли бы слышать ни грохота, ни нежных звуков, не смогли бы наслаждаться пением и музыкой. Не имей мы носа, не могли бы различить запахов, нас не тянуло бы к ароматам, не отвращало бы от зловония. Не имея языка и неба, не отличали бы сладкое от горького, мягкое – от жесткого.

Разве все это не на пользу сотворено?

Наши глаза и нос расположены близко ко рту, чтобы мы могли видеть и обонять запах того, что едим. Другие необходимые нам, но вызывающие брезгливость, отверстия находятся далеко от благородных органов, расположенных на голове.

Разве это не свидетельствует о том, что Бог создавал нас обдуманно?

Подумав, Аристодим признал, что Создатель поистине всемогущ и создавал свои творения с огромной любовью.

– Тогда скажи мне, все живое, что создано, питает нежную любовь к своему детенышу, все живое ненавидит смерть, старается прожить как можно дольше, заботится о продлении рода. Все создано для жизни и продолжения ее. Разве не из любви Бог создал их любящими, созидающими жизнь?

– Эй, Аристодим, – продолжал Сократ, – как ты можешь думать, что кроме тебя, человека, никто не обладает разумом? Разве не напоминает человеческое

тело крупицу земли, по которой он ходит? Разве влага твоего тела – не капля всей земной влаги? Откуда у тебя разум? Откуда бы он ни был, только благодаря душе, данной тебе, ты стал вместилищем столь высокого разума. Ты только видишь совершенство, цельность и гармонию закона, по которому создана природа, видишь, поражаешься, но не охватить тебе сознанием того, что видишь.

Как ты думаешь после этого, природа – бесцельное порождение случая или создание Творца – обладателя неизмеримого разума? Если не волей разума, то силой нерушимой закономерности, соизмерившей благо-разумие и назначение всего созданного, объясняется тайна, которая не подвластна человеческому сознанию.

– Верно все, что ты говорил, – ответил ученик, – ясно, что Создатель обладает поистине великим разумом. Я не оспариваю его всемогущества. Но не перестаю удивляться тому, что всемогущий Создатель нуждается в моих молитвах.

– Аристократ! Ты ошибаешься. Если существует кто-то, кто печется о твоём благополучии, – ты в долгу перед ним. Неужели ты нуждаешься в объяснении такой простой истины?

– Откуда мне знать, заботится он обо мне или нет?

– Тогда посмотри на всех животных и посмотри на себя. Разве мы одинаково воспринимаем действительность? Человек способен думать о своём прошлом, настоящем и будущем. Животное же смутно помнит своё прошлое и настоящее, а о будущем и не помышляет. Сравни внешний облик человека и животного. Человек стоит прямо, на двух ногах, чтобы зреть окружающее. Он способен подчинить своей воле любое животное. Животные же надеются только на свои ноги, на свои крылья, не умеют подчинить себе своих собратьев. Создай Бог человека таким же беспомощным, как животное, тот бы ни на что не

годился. Человек сотворен владыкой всего живого на земле. Будь у животных человеческий разум, вряд ли их внешний облик соответствовал бы ему, способствовал в труде, обучении других, красноречию и добродетели. Подумай, разве бык способен построить город, изготовить инструменты, оказаться искусным мастером? То, что Бог наделил человека высоким разумом и поместил этот разум в столь совершенное, гармонически сочетающееся в себе духовную мощь и нравственную красоту тело, – доказательство того, что Бог создал человека, заботясь о нем. Разве после этого человечество не обязано поклоняться Богу?

Так закончил учитель беседу.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мусульмане! Существуют на свете богатые и бедные, здоровые и хворые, разумные и глупые, добрые и злые. Если кто спросит, отчего это так, вы ответите – такова воля Аллаха.

Но случается, Аллах вознаграждает богатством всеми презираемого лодыря, а другой, поклоняясь Богу, честно трудится и все-таки живет в нужде, кое-как питает жену и детей. Безобидный, тихий человек часто болен и немощен, а какой-нибудь мошенник и вор наделен дюжим здоровьем. У одних и тех же родителей один из детей рождается умным, другой – глупым. Аллах призывает всех быть добродетельными, жить честно. Готовя праведным место в раю, грешникам – муки ада, одних он направляет по верному пути, других – по ложному. Разве это не противоречит божьему милосердию, его справедливости? И люди, и все их имущество принадлежат Аллаху. Он обращается со своей собственностью так, как ему заблагорассудится.

Как нам понять его деяния?

Твердить, что Создатель безгрешен, – значит, признав его несовершенства и погрешности, продолжать молчать об этом из страха? В таком случае чего может добиться смертный своими стараниями и усилиями? Все творится по воле Создателя. Людям не в чем винить друг друга. Разве творя добро и зло, они не исполняют волю Господа?

Разумный человек должен знать, долг верующего – творить добро. Правое дело не может бояться испытания разумом. Если не дать свободу разуму, то как быть с истиной: «Да познает меня обладающий разумом?». Если существует в нашей религии изъян, то как запретить разумному думать о нем? На чем бы основывалась религия, не будь разума? Чего стоит добро, творимое без веры? Нет, ты должен понять и поверить в то, что добро и зло созданы Богом, но не он творит их; Бог создал богатство и бедность, но не он сделал людей богатыми и бедными; Бог создал болезни, но не он заставляет людей страдать от них. Иначе все – тлен.

1895

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Есть среди казахских пословиц заслуживающие внимания, но есть и такие, которые не несут в себе ничего божеского либо человеческого.

Говорят: «Если живешь в нужде, забудь о стыде». Да будет проклята жизнь, не ведающая стыда! Если же это добрый совет не брезговать любой тяжкой работой, будучи в услужении, то в таком труде нет ничего постыдного. Заработать свой хлеб честно, вместо того чтобы перебиваться милостыней или прозябать в безделии, – удел совестливого человека.

«Ловкий может и снег зажечь», «Умелой просьбой можно все выпросить» – вот они, Богом проклятые слова! Чем жить, уповая на ловкость и вымаливая

крохи с чужого стола, не лучше ли брать богатства у земли, трудясь в поте лица?

«Если безвестно имя твое, подожги поле». Какая необходимость в дурной славе?

«Лучше один день быть бурой¹, чем сто – выхолощенным верблюдом». На что нужна жизнь одного дня, проведенная в безумствах, приносящих только опустошение?

«При виде золота и ангел сходит с праведного пути». Да быть им жертвой на пути ангела! Зачем ангелу золото? Сказав это, люди оправдывают свою же алчность.

«Богатая казна милее отца с матерью, собственная жизнь дороже золотого дворца». Какую цену можно дать за жизнь того негодяя, которому казна кажется милее отца с матерью? Только лишенный ума и чести человек может променять отца с матерью на золото. Родители наживают добро, заботясь о благе детей, и тот, кто равняет родителей с казной, совершает богопротивное дело.

Нужно быть осторожными, повторяя пословицы, порожденные ханжеством и недомыслием.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТОЕ

Бытуют у нас так называемые болтливые хвастуны – на сорока из них не уедешь дальше аула. На что они годятся? Кому какая польза от них? Нет у них ни здравого ума, ни самолюбия, ни широты взглядов, ни глубокого мышления, не отличаются они ни силой, ни доблестью, ни человечностью, ни совестью.

Бросит иной из них небрежно через плечо: «Ах, оставьте! Кто кого лучше? Чья голова, думаете, приторочена к чужому седлу? Разве он кладет мясо в мой котел или дает мне дойный скот?».

¹ Буря – верблюд-производитель

Или вскинется с отчаянной решимостью: «Мне ли жизнь свою щадить? Да чего она стоит? Ради благородного дела готов хоть под пули, хоть в ссылку. Все одно, смерти не миновать!».

Встречался вам когда-нибудь казах, действующий в соответствии с подобными словами? Я не видел среди них смирившихся перед властью смерти, но ведь они никогда не выкажут и страха перед ней. При случае любой из них с жертвенной готовностью рассечет себе горло ладонью: «Да быть мне зарезанным на месте!».

Когда б эти слова были искренни, их хозяин мог бы сразить нас если не умом, так неслыханной храбростью. Но как нам назвать того, чья угроза рассчитана на трусов, от страха готовых забраться в любую щель при серьезных стычках? Если это всего-навсего напускная отвага, с помощью которой он добивается признания малодушных: «Уж больно страшен гнев этого кафира!».

Бог мой! Будь он прекрасен душой, щедр и бескорыстен, смел и верен слову, разве не угадывались бы эти достоинства по одному его виду?!

А этот – один из тех нечестивцев, о которых говорят: «Бесстыжему лицу и челюсти неумные даны».

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Существуют четыре правила, способствующие восприятию и запоминанию услышанного:

во-первых, нужно утвердиться духовно и быть непреклонным;

во-вторых, слушать советы умных людей внимательно и с открытым сердцем, с готовностью и желанием уяснить смысл сказанного;

в-третьих, вдумчиво, неоднократно повторять про себя эти слова и закреплять их в памяти;

в-четвертых, следует избегать вредных свойств ума; если даже придется подвергнуться искушению этими силами, не поддаваться ему.

Вредные свойства ума: беспечность, равнодушие, склонность к беспричинному веселью, тяга к мрачным раздумьям и губительным страстям. Вот эти четыре порока способны разрушить и ум, и талант.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Тем, кто стремится усвоить науку, необходимо знать условия, без которых невозможно достичь цели.

Во-первых, обретая знания, не ставь себе задачи получить через них какую-нибудь выгоду. Чтобы заняться наукой, прежде всего нужно полюбить ее, иметь стремление к ней. Если ты ценишь знания как высшее благо, каждое открытие новых истин принесет твоей душе покой и удовлетворение. Крепко запоминай то, что ново для тебя, тогда появятся стремление к поиску, любовь к науке, память хорошо усвоит и запечатлеет в себе то, что видел и слышал.

Если же мысли твои заняты другим, а науку ты постигаешь из жажды накопительства, твое отношение к знаниям будет таким же, как отношение мачехи к пасынку. Когда душа и мысли поистине склонны к науке, она становится благосклонной – легко дается. С половинчатой склонностью она и воспринимается половинчато.

Во-вторых, изучая науки, ставь перед собой ясные и благородные цели, не стремись приобрести знания для того, чтобы иметь возможность спорить с другими. В разумных пределах споры помогают обрести твердость в убеждениях, но чрезмерное увлечение ими только портит человека. Охотники до словесной перебранки чаще всего затевают споры не для выяс-

нения истины, а чтоб блеснуть своими знаниями, одержать верх над другими. Такие споры рождают зависть, они не прибавляют человечности, не служат науке, напротив, сбивают людей с толку. Это – занятие смутьянов. Тот, кто сбивает с праведного пути сотни людей, не стоит мизинца того, кто возвратил на путь истины хотя бы одного человека!

Да, споры – один из путей науки, но тот, кто втягивается в них, рискует стать самодовольным спесивцем, завистливым сплетником. Такому человеку в спорах не чужды и ложь, и злословие, и брань, унижающие человеческое достоинство.

В-третьих, если ты добился истины, не отступай от нее даже под страхом смерти. Если твои знания не способны убедить тебя, не думай, что кто-то другой оценит их. Если ты сам не ценишь своих знаний, как ждешь признания других?

В-четвертых, существуют два метода, способствующие приумножению знаний. Одно из них – мулахаза¹, другое – мухафаза². Способности должны находиться в непрестанном совершенствовании. Не усилив их в себе – не умножить знаний.

В-пятых, в девятнадцатом Слове сказано о четырех губительных недостатках ума, среди них тот, что называется беспечностью, праздностью ума. Душа моя, заклинаю, остерегайся этого зла! Оно губительно и для Бога, и для человека, и для разума, и для чести. Оно – враг всему! Но там, где жива совесть, этому недостатку нет места.

В-шестых, сосуд, хранящий ум и знания, – характер человека. Воспитывай свой характер! Предавшись зависти, легкомудрию, то и дело попадая под влияние чужих речей и сиюминутных увлечений, можешь утратить твердость характера. Не будет пользы от учения, если нет надежного хранилища для знаний.

¹ *Мухаза* (араб.) – искусство ведения полемики.

² *Мухафаза* (араб.) – твердость в отстаивании своих позиций.

Чтобы достигнуть намеченной цели и быть верным своему долгу, в характере человека должны быть постоянство, решимость, сильная воля, способные сберечь трезвость рассудка и чистоту совести.

Все должно служить делу разума и чести.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Хочешь быть богатым – учись ремеслу. Богатство со временем иссякает, а умение – нет. Тот, кто продает плоды своего ремесла без обмана, в народе считается святым. Но тех, кому Бог даровал хоть какое-нибудь ремесло, не минуют и пороки.

Во-первых, они не ищут на стороне лучших мастеров, чтобы перенять их опыт и не стремятся достичь большего мастерства. Довольствуясь тем малым, что имеют, считают, что этого вполне достаточно, и предаются лени.

Во-вторых, нужно трудиться неустанно. А им стоит приобрести две-три головы скота, как они начинают воображать себя утопающими в благополучии, начинают бездельничать, чваниться, дело свое делают спустя рукава.

В-третьих, стоит кому-нибудь обратиться к ним с просьбой: «Ты, братец, – умелец, ты щедр» или «Что тебе стоит сделать для меня то-то и то-то», как они начинают думать с самодовольством, что дожили до дней, когда люди начали обращаться к ним с просьбами. Возгордясь, поддавшись лести, они теряют свое драгоценное время, дают повод торжествовать лукавому льстецу.

В-четвертых, такие люди домогаются приятельских отношений с кем бы то ни было. Достаточно пройдохе подарить им какую-нибудь мелочь, пообещать помочь, назвать другом, они и рады, что оказались нужны кому-то, что годятся в друзья. Тут-то

и сказываются их наивность, незнание жизни. Доведшись лживому языку, безумно радуясь приветствию мнимого друга, они стараются сделать для него все. Если ему чего-то не хватает, делятся с ним собственным добром, забывают о еде, одежде, о своих заботах и обязанностях, когда поджигает нужда, бегают, выпрашивая займы. Угождая другим, тратят без пользы время, остаются без доходов, втягиваются в раздоры из-за долгов, теряют свой человеческий облик, живут в нищете и беславии.

Почему так происходит? Порой люди, способные провести кого угодно, сами легко оказываются обманутыми.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Все знают, что люди смертны, что смерть приходит не только за старыми, и, взяв кого-то, она никогда не возвращает его. Казах верит в это поневоле, а не потому, что доходит до этой истины путем глубокого размышления.

Казахи твердят, что верят тому, что есть Бог, который спросит после смерти за все, за добро оплатит добром и накажет за зло, что наказание и награда его отличаются от мирских, воздаяния его бесконечно щедры, а кара неизмеримо жестока. А мне не верится в их слова. Потому что они не веруют искренне и осознанно. Поверь они в это, творили бы добро соответственно своей вере и не знали бы печали. Разве возможно убедить их в чем-то другом, когда даже в эти истины они веруют смутно? Каким путем исправить их? Можно ли назвать их истинными мусульманами?

Тот, кто хочет избежать мучений на этом и на том свете, должен помнить: не бывает в душе одновременно двух радостей, двух страстей, двух противо-

речий и двух горестей. Это невозможно. Тот, для кого земные радости и земные печали выше забот и радостей потустороннего мира, – не мусульманин.

Насколько казах – мусульманин, судите теперь сами. Если бы встретились ему две вещи, одна из которых предназначена для потусторонней жизни, вторая – для земной, и предстояло бы ему выбрать что-то одно, казах не упустил бы случая выбрать вторую, полагая, что приобретет первую в другой раз, а если не будет случая, Аллах великодушно простит его за выбор. Перед судом смерти этот человек будет клясться, что не променял благо потустороннего мира на земные радости. Как ему верить после этого?

Человек человеку друг. Потому что все в жизни – рождение, воспитание, чувство сытости, голода, печаль, горе, форма человеческого тела, путь, которым являешься на свет и которым уходишь из него, – все у всех одинаково; и в другом мире – смерть, погребение, тление, допрос на Страшном суде – все общее. Как знать, проживешь ты еще пять дней или нет? Все люди гостят друг у друга, сам человек – гость в этой жизни, так стоит ли злословить, враждовать из-за богатства, завидовать чужому счастью, коситься друг на друга из-за пустяков?

Преклоняться не перед Богом, а перед человеком, молить не о благословении своего труда, а о том, чтобы добро для тебя было отнято у других, – разве с подобной просьбой следует обращаться к Аллаху? Разве Создатель может ради одного унижать и обездоливать другого?

Не имея ни здравого ума, ни образования, не умея связать двух слов, упрямо настаивать на своем, тягаться с мудрыми, – разве это достойно звания человека?

И что это за человек?..

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Призвав к Суду хаджей¹, суфи², мулл³, жомартов⁴ и шахидов⁵, Всевышний строго спросит с них. Поставит отдельно тех, кто был хаджой, суфием, муллой, жомартом и шахидом, но совершал благие дела при жизни лишь ради того, чтобы жить в почете. И поставит отдельно тех, кто служил ради Аллаха, старался быть угодным ему.

И скажет тем, кто возносил ему хвалу из корысти: «Вы при жизни служили ради того, чтобы к вам обращались уважительно – хаджеке, молдеке, софеке, мырзеке, батыреке. Здесь этого не будет. Ваша счастливая жизнь кончилась, кончилась ваша власть над людьми. Здесь вы не то что почитаемы будете, а наоборот, спросится с вас за все. За все придется отвечать! Я дал вам жизнь, наделил богатством. Вы же использовали это для наживы, обманывали людей, прикрываясь заботой о потустороннем мире».

Тем же, кто старался честно служить, он скажет: «Вы жизнью своей и всеми делами старались угодить мне. Я доволен вами. Для вас мной уготовано место почетное, проходите же! Возможно, здесь вы встретите друзей и тех, кому делали добро, или тех, кто содействовал вашим добрым намерениям. Радуйтесь же!».

1896

¹ *Хаджа* – совершивший паломничество – хадж в Мекку.

² *Суфи* – представитель мистического течения в исламе.

³ *Мулла* – служитель религиозного культа у мусульман.

⁴ *Жомарт* – щедрый, занимающийся благотворительностью.

⁵ *Шахид* – пожертвовавший собой за веру.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

В хадисе¹ нашим Пророком, да благословит Аллах его имя, сказано: «У кого нет стыда, у того нет и веры». В народной пословице говорится то же самое: «У кого есть стыд, у того есть иман». Становится очевидным: стыд – есть неотъемлемая часть имана. Но что такое стыд?

Существует стыд, порожденный невежеством. Это то же, что застенчивость ребенка, который стыдится вымолвить слово или подойти к незнакомому человеку, хотя никакой вины его ни перед кем нет. Не имея вины перед шариатом, перед собственной совестью, стыдиться того, чего не следует стыдиться, – верный признак глупости и низкородности.

Истинный стыд тот, который испытывают, совершив поступок, противный законам шариата, совести, человеческому достоинству. Такой стыд бывает двух видов.

Один из них – когда стыдишься не за себя, а за провинность другого. Стыдишься, потому что сострадаешь человеку, и думаешь: «Япырай, что стало с этим человеком? Почему он вдруг поступил так недостойно?» – краснеешь за него.

Другой стыд вызван своей совестью, собственной провинностью перед шариатом, перед своей совестью и человечностью, допущенной по ошибке или случайно. Может, никто кроме тебя и не знает о твоей провинности, но твой разум и естество терзаются, наказывают себя. Ты не находишь себе места, не можешь смотреть людям в глаза, мучаешься.

Люди, способные чувствовать такой стыд, отказываются от еды, теряют сон, случается, что в отчаянии они кончают жизнь самоубийством. Стыд – это человеческое достоинство, заставляющее изнутри признать свою вину и вынести себе наказание. В такие часы и

¹ Хадис – предание о поступках и изречениях Мухаммеда.

мысли в голову не идут, и слова как будто теряются. Не утереть слезы из глаз и влагу из носа. Человек уподобляется жалкому псу. Он не только не может смотреть людям в глаза, но и вообще ничего не видит. Тот, кто знает о таких терзаниях, но вместо того, чтобы великодушно простить виновного, усиливает его страдания, лишен человечности и милосердия.

Люди, которых я вижу сейчас, не стыдятся ничего и не умеют краснеть. «Я же признал свою вину, чего еще?» – говорят они. Или оправдываются: «Ладно, я опозорился, но ведь и ты так поступаешь». Или говорят: «Вот такой-то и такой-то сделали то-то и то-то, но ходят по земле как ни в чем не бывало. Я же по сравнению с ними, можно сказать, ничего плохого не совершил. К тому же у меня была причина так поступить». Вместо того, чтобы устыдиться содеянного, они обеляют себя.

Как нам назвать такого – человеком стыдливым или не ведающим стыда? Назвать стыдливым не позволяют хадис и слова, сказанные мудрыми...

Как нам понять, есть у этих людей иман или нет его?!

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

1. О достоинствах человека суди по тому, каким путем он идет, а не по тому, как ему удалось завершить его.

2. Как ни прекрасна мысль, пройдя через человеческие уста, она тускнеет.

3. Сказав мудрые слова самонадеянному невежде, порой обретаешь утешение, но чаще всего от них не остается и следа.

4. Твори благо разумному, глупого оно только портит.

5. Сын своего отца для других – враг. Сын человеческий – твой брат.

6. Достойный, попросив многого, довольствуется малым, ничтожный просит малого, но останется недовольным, даже если получит больше, чем просит.

7. Тот, кто трудится для своего блага, уподобляется животному, которое пасется только для себя; того, кто трудится, выполняя человеческий долг, Всевышний метит своей любовью.

8. Кто отравил Сократа, кто сжег Жанну д'Арк, кто казнил Гайсу, кто закопал нашего Пророка в останках верблюда? – Толпа. Толпа безрассудна. Сумей направить ее на путь истины.

9. Человек – дитя своего времени. Если он плох, в том виноваты и его современники.

10. Будь в моих руках власть, я бы отрезал язык тому, кто твердит, будто человек неисправим.

11. Остаться одиноким – все равно что умереть. Все беды падут на голову одинокого. В мире много порочного, но и утешение, и веселье существуют в нем же. Кто с достоинством выдержит первое? Кто устоит перед вторым?

12. Кому из нас не приходилось бывать в беде? Теряет надежду только слабый. Верно, что в мире нет ничего неизменного, но ведь и зло не вечно. Разве после суровой зимы не приходит полноводная цветущая весна?

13. Если некто молчит в гневе – значит, всю силу гнева он затаил в себе. Извергающий черную брань – обычно хвастун или трус.

14. Успех и счастье опьяняют человека. И только один из тысячи умеет сохранить хладнокровие и разум.

15. Если хочешь, чтоб дела твои ладилась, берись за них разумно.

16. Высокая должность – все равно что высокая скала. На нее и неторопливая змея вползет и быстрокрылый сокол взмоет. Недоброжелатели начинают хвалить тех, кто еще не достиг вершины, а эти, легковверные, радуются их словам.

17. Мир – океан, время – веяние ветра, ранние волны – старшие братья, поздние волны – младшие братья. Поколения сменяются чередой, а кажется – незбылем их покой.

18. Простолюдин, прославившийся умом, – выше царя, вознесенного удачливой судьбой. Юноша, продающий свой труд, – достойнее старца, торгующего своей бородой.

19. Сытый попрошайка – дьявол во плоти, ленивый суфи – лицемер.

20. Плохой друг – все равно что тень: когда солнце над головой, от нее не избавиться, когда тучи сгущаются, ее не сыщешь.

21. Будь откровенен с тем, кто одинок, поддерживай хорошие отношения с теми, у кого много друзей. Будь осторожен с беспечным, стань опорой обездоленному.

22. Бесплезны и бесплодны: бессильный гнев, любовь без верности, учитель без ученика.

23. Пока ты добиваешься цели, добра тебе желают все, но как только ты достигаешь ее, твой доброжелатель – лишь ты сам.

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Дети мои, утешение сердца моего! Вот написал несколько слов о человеческих деяниях и завещаю написанное вам как память. Прочтите внимательно, вникните в суть этих слов – и ваши сердца преисполнятся любовью. Любовь человека неотделима от его разума, человечности, знаний. Исходной, изначальной причиной этих свойств являются те совершенства, которые даются человеку от рождения – крепкое здоровье, прекрасная внешность, все остальное зависит от благородства отца и матери, от мудрых наставников и добрых друзей. Устремленность

и понятливость порождаются любовью. А разум, человечность и знания будят в человеке интерес к науке.

Ребенок по доброй воле не тянется с ранних лет к учебе. Приходится его принуждать или привлекать до тех пор, пока у него не возникнет жажда знаний. Ребенка, имеющего стремление к знаниям, можно считать человеком, можно питать надежду на то, что он будет стремиться познать Бога, понять себя и окружающий мир, что он научится приобретать добро, не поступаясь честью, и будет избегать зла. Иначе ему суждено пребывать в невежестве, в лучшем случае получит он весьма поверхностные знания. Скверно, что многие родители, дурно воспитавшие своих детей, затем отдают их на попечение мулл, ибо пользы от этой учебы нет. Развращенные сизмалства дети не могут иметь интереса к знаниям, религии, почтения к своим наставникам. Не получится из них полноценных людей, добросовестных мулл, истинных мусульман. Самое сложное – воспитать в них человечность. Потому что Аллах – это путь истины, а искренность и правдивость – враги зла. Разве друг явится на приглашение, посланное через врага? Не добиться истины, если в душе нет любви к ней. Человеческие знания добываются любовью к истине, жаждой открытия для себя природы и сути вещей. Это не Божие всезнание. Любознательность и стремление к наукам дают человеку знания, лишь соразмерные его рассудку.

Но прежде всего надобно возлюбить Аллаха. Известно, что Наука – один из ликов Всевышнего, потому и любовь к Науке – признак человечности и искренности. Не достигнуть вершин Науки, занимаясь ею для стяжательства, ради корыстных, низменных целей. Пусть богатство, всеобщее уважение и слава сами найдут человека, только тогда они смогут стать достойным украшением его. А преклонение перед

ними принижает человека независимо от того, добьется он успеха или нет.

Если ты обрел любовь к истине, желание учиться, – найди в себе внимательный слух и искреннее прилежание. Исповедующие ислам прежде всего должны знать, в чем заключается истина имана, ибо иман – это не слепое поклонение. Скажем, поверили мы в Бога, в то, что слова Корана – изъяснение его воли, что Мухаммед Мустафа, да будет благословенно его имя, является посланником его. Что нам дает такая вера? Ты веруешь в Бога ради него или ради своего спасения? Аллах велик, и он не пострадает от твоего неверия. Если ты утверждаешь, что вера твоя необходима тебе самому – хорошо, значит, ты веруешь. Но если это – вера ради веры, пользы от нее тебе не будет. Твоя вера окажется поистине праведной, принесет пользу, когда ты сам этого жаждешь. Нужно знать, какими усилиями достигается осознанная, разумная вера...

Ты сказал, что веришь в Бога, в его лики и имена. Тогда ты должен знать его имена, понять величие сущности каждого из восьми его ликов, назвавшись мусульманином, почитать себя рабом Всевышнего и стараться подчинить свои помыслы его воле. Не тверди невежественно, что невозможно уподобиться Богу. Действительно, нельзя в точности воспроизвести творения Всевышнего. Но подражай во всем делам его, следуй указанным им путем. Вот светлейшие лики Аллаха: Жизнь, Наука, Могущество, Провидение, Чуткость, Желание, Слово, Созидание.

Создатель наделил человека этими качествами, но не в таком абсолютном совершенстве, каковым он сам ими обладает.

Можем ли мы называться мусульманами, направляя данные нам, пускай мизерные, но все же способности не по назначению, не употребляя их в угоду Всевышнему? Нужно знать, каким образом уподобить свои действия восьми величайшим качествам Аллаха,

сердии. Милосердие не упоминается в числе восьми его ликов, оно поясняется смыслом следующих его имен: В с е м л о с т и в ы й , Милосердный, Всепрощающий, Любящий, Оберегающий, Отпускающий грехи, Благодетельный, Дарующий, Покровительствующий, Доброжелательный. Эти имена Аллаха подтверждают мои доводы. Логику моих слов также подтверждает удивительная гармония сотворенного мироздания. Ведь все на свете создано так, что одно служит интересам другого. Неживые тела не чувствуют боли и служат пищей одушевленной твари; животные поддерживают жизнь разумных существ – людей; животные освобождены от ответа перед Страшным судом, а человек наделен разумом и властвует над всем. В том, что Бог создал человека способным держать ответ на Страшном суде, проявились его справедливость и любовь к человеку. Он создал образ человеческий отличным от форм червей, птиц, прочей живности, наделил человека лучшим сложением, поставил на две ноги, высоко расположил голову, чтобы он мог обозревать окружающий мир; чтобы он не пригибался и не брал пищу, как животное, дал ему две руки, которые служат голове; чтобы он мог наслаждаться ароматами, дал ему нос; чтобы он мог видеть употребляемую пищу, дал ему глаза; чтобы защитить их от опасности, дал веки; ресницы даны, чтоб уберечь веки от трения; брови – чтобы отвести от глаз стекающий со лба пот; язык дан для того, чтобы люди могли общаться, понимать друг друга и трудиться сообща. Разве это не свидетельство любви к человеку? Если кто-то любит тебя, разве ты не обязан отвечать ему тем же?

Вдумайся. Солнце испаряет влагу, превращает ее в тучи, проливаясь на землю животворным дождем, они дают жизнь семенам, травам и цветам, радующим человеческий глаз и сердце; созревают всевозможные плоды, сахарные тростники, поддерживающие жизнь

на земле; реки стекаются в моря и озера, утоляют жажду животных и птиц, служат обиталищем для рыб. Земля одаривает человека хлебом, хлопком, коноплей, плодами и ягодами, хранит в себе ископаемые богатства; птицы дают человеку пух, мясо, яйца; животные – молоко и шкуру; вода – рыб, рыбы – икру, пчелы – мед и воск, черви – свой шелк. Производя эти богатства, никто и ничто на свете не скажет: «Это мое!». Все предназначено для блага человека. Фабрики и машины, созданные невероятным трудом, служат на радость и пользу человеку.

Разве это не проявление любви Всевышнего к человеку? Разве не долг человека отвечать любовью на любовь?

Чтобы человечество из-за своей ненасытности не истребило виды животных и не причинило ущерба последующим поколениям, Аллах заставил ту же человеческую жадность оберегать животных; звери и птицы надеются на свою силу, крепкие ноги и быстрые крылья, находят убежище в глубине вод, обитают в высоких скалах, хоронятся в лесах; все живое стремится к размножению и наделено инстинктом самосохранения и заботы о потомстве. Все создано не в расчете на то, чтобы животное, развиваясь, совершенствовалось до уровня человека, а чтобы обеспечить человека неиссякаемым источником питания. Во всем мы находим проявление доброты и справедливости.

Мы не задумываемся над тем, что доброта и справедливость – есть условия шариата. Считаясь мусульманами, мы должны быть верными последователями Аллаха, но разве мы следуем ему неукоснительно? Разве для нас недостаточно этих ярких, подобных небесным светилам, доказательств заботы Аллаха о человеке?

Нам нравится видеть благодеяния других. Но себя мы не обременяем лишней заботой о ближних. Разве это не грешно?

Кто допускает зло, не препятствуя ему, тот не может считаться истинным мусульманином. Или же он мусульманин наполовину.

Где тот праведный путь, указанный Всевышним? Этого многие не знают. Я не встречал мусульманина, который бы внял словам Пророка: «Задумайся о деяниях Аллаха», или следовал бы молитве:

«Люби Аллаха, и он возлюбит тебя»;

«Твори людям добро, ибо Аллах любит творящих добро»;

«Верующие в Бога творят благие дела, им уготовано место в раю».

Коран изобилует подобными аятами, но никто из нас не пытается вникнуть в их суть, нет у нас ни желания, ни достаточных знаний для постижения этих истин.

«Есть люди, которые веруют в Аллаха, считают своим святым долгом творить людям добро, ибо знают, Аллах не любит злонамеренных». Об этом свидетельствуют следующие слова Пророка, да благословит его Аллах: «Кто несправедлив, тот не имеет совести. Не имеющий совести, не имеет веры».

Отсюда мы уясняем, что вера не может возникнуть сама по себе, она рождается справедливостью и благонравием. Но справедливости и добродетели не добиться одними молитвами и слепым поклонением. Доказательства тут не требуются. Ты видишь мусульман, усердно молящихся и соблюдающих строгий пост, однако этого недостаточно.

Справедливость – мать всех благодеяний. Понятия совести и чести исходят от справедливости. Справедливый человек непременно задумается и спросит себя: «Почему я одобряю добрые дела других, а сам не спешу принять в них участие?». Разве это не свидетельство его справедливости и честности? Разве это не начало благих дел? Но почему, заботясь о людях, он не проявляет такой же заботы о Создателе?

Стремление к благотворительности порождается умением довольствоваться малым. Не теряйте чувства справедливости, не уставайте творить добро. Без справедливости нет ни веры, ни человечности. Как учит Аллаяр суфи, один порок рождает сто других.

Понятие о Всевышнем сложилось в нашем сознании как о Знающем, Милосердном, Справедливом. Если признаки Знания, Милосердия, Справедливости присутствуют в тебе, это означает, что ты имеешь стремление к познанию, ты – истинный мусульманин и обладаешь высокой человечностью. Известно, что жауанмарт¹ воплощает в себе три таких качества, как правдивость, благонамеренность, разум. Правдивость олицетворяет Справедливость, благонамеренность – Милосердие, а Разум, как мы знаем, – одно из имен Науки. Этими свойствами, но в малой мере, наделен человек; долг его – довести их до совершенства, использовать на благо, помнить о них, беречь их в себе. Достичь этого можно, имея искреннее желание и неустанно трудясь. Этими тремя качествами обладает Пророк, за ним – святые, ученые и истинные мусульмане; эти качества направлены на служение Всевышнему, проповедуются Пророком и приняты святыми с любовью. Но их любви хватило только на то, чтобы проявить заботу о загробной жизни. О мирских радостях они забыли или не брали их во внимание.

Ученые же думают и заботятся о земной жизни. Суждения святых и ученых противоречивы, хотя они недалеко ушли друг от друга в своих убеждениях, хотя обе стороны рассуждают в пользу учения Аллаха. Но ведь любой спор должен закончиться удовлетворением!

Наука и Разум, как и человеческая природа, не терпят насилия над собой, им противны неискрен-

¹ Жауанмарт – благородство.

ность, они учат нас быть добрыми, искренними, благодетельными, что и есть Милосердие.

Но я думаю, что и святые, и ученые ищут удовлетворения в спорах ради своего тщеславия.

Если бы человечество для своего совершенствования избрало тарикат¹, путь, указанный святыми, мир бы пришел в запустение. Кто бы тогда пас скот, кто бы остановил врага, кто бы шил одежду, кто бы сеял хлеб, добывал богатства земных недр?

Отказавшись от благ, дарованных Всевышним, разве мы не рискуем оказаться недоброжелательными, неблагодарными и неблагообразными, впадая тем самым в тяжкий грех?!

Избравшим этот путь грозит полное исчезновение или они окажутся жертвами кафиров, самые невыдержанные из них бесславно сойдут с избранного ими пути.

Если этот путь предначертан лишь для половины мусульман, то напрашивается вопрос: разве существует половинчатая истина? Истина должна быть единой для всех. Разве может быть выборочная истина? Выборочная справедливость? В таком случае у народа не может быть и самой жизни. Ибо жизнь есть высшая истина. Без жизни не может быть совершенства.

Не все святые презрели земные блага. Известно, что трое приближенных Пророка – Хазрет Гусман, Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абудкас – славились своими богатствами.

Строгую воздержанность святых можно объяснить их неуверенностью в своей силе, опасением соблазниться мирскими радостями, что, несомненно, ослабило бы их веру. Или же это вызвано желанием отвлечь внимание людей от накопительства примером своей воздержанности, в расчете на то, что

¹ *Тарикат* – здесь направление в религии, исповедующее духовное самосовершенствование путем строгой воздержанности и полного смирения.

люди, видя их смирение, откажутся от пагубных влечений, корыстных целей и изберут к благим свершениям путь любви. Если это предпринято из самоотверженной любви к людям, то их жертвы неоправданны, путь их опасен и неверен. Добиться истины подобным путем могут только люди, преданные своей вере, достигшие вершин науки, обладающие могуществом власти, редким мужеством, духовной непреклонностью. Собрать в одном человеке эти качества почти невозможно, их обладатель может оказаться и непревзойденным мошенником.

Стремление отличиться, возвыситься над другими портит человеческую натуру. Невежда, объявивший о своем вступлении на путь тариката, тем самым признается в безнравственности.

Мыслитель и ученый – суть одно, но в познании обнаруживается их отличие. Признанная в миру внешняя наука преподносится нам в виде наставлений. Достижение наибольшего успеха в своих наставлениях называются учеными.

Ничто не создано без причины, возможно, служители подобного учения одержимы жаждой постижения тайн могущества Аллаха, что никому не возбраняется, или они занялись наукой такого склада из безграничной любви ко Всевышнему? Но уместно ли говорить именно о такой любви, коль человеку не дано познать самого Аллаха?

Только любовь, порожденную ясным пониманием, безмерной верой, чувством благодарности и признательности ко Всевышнему за тех существ, что сотворены им с любовью, наделены способностью любить и сострадать, можно назвать любовью ко Всевышнему.

И только те достойны звания ученого, кто стремится постичь Аллаха соразмерно своему рассудку, кто ищет первопричину всех явлений и предметов. Они добиваются истины, справедливости, блага в инте-

ресах человечества, для них не существует в жизни радости и удовольствия помимо их труда. Не будь этих мыслителей, идущих верным путем, наступило бы всеземное крушение. Эти истинные ученые являются костяком всех человеческих творений, их умами приводится в порядок все, что есть на земле. Их деятельность направлена на земное благоденствие, как говорится, земная жизнь – есть возделанная нива для жизни загробной.

Не всякий ученый – мудрец, но всякий мудрец – ученый.

Традиционная вера приобретает с помощью наставлений ученых, но благодаря просвещению мудрых она перерождается в истинную веру. Добиваются этого мудрецы, постигшие высший смысл мусульманства. Познавшие мирские науки, не знают основ религии, хотя они добиваются истины и сумели раскрыть для себя тайны Вселенной и человеческого бытия. Из семи условий шариата они способны признать лишь Аллаха, не могут отличить сторонников Аллаха от его противников. Пусть они не являются нашими духовными пастырями, но они заслуживают нашу признательность, ибо, как сказано Пророком в хадисе, лучшими из людей считаются те, кто приносит пользу окружающим.

Эти люди не знают ни сна, ни покоя, ни развлечений, они находятся в неустанном поиске полезных для человечества открытий, они добыли электричество, подчинив человеку энергию молнии, научились держать связь друг с другом на огромных расстояниях, заставили огонь и воду выполнять колоссальную работу, непосильную тысячам людей, они совершенствуют человеческий разум, учат нас отличать добро от зла. Несомненно, мы во многом обязаны им.

Теперешние муллы – противники ученых, что свидетельствует о невежестве священнослужителей

или о превратности их помыслов, ибо по природе своей человек тяготеет ко злу. Многие из их учеников, заучив несколько молитв на арабском или персидском языках, считают, что могут участвовать в спорах, гордятся этим и вместо пользы причиняют людям вред, сбивая их с пути громкими призывами и пустым бахвальством. Иные из них вредят не из злого умысла, а подчиняясь природному инстинкту. Отрадно видеть, когда кто-то из них вняв правдивому слову, возвращается к совести. Разве назовешь совестливым того, кто препятствует правде? Самодовольство, тем более необоснованное, портит человека. Если правда именуется еще истиной, а истина – есть Аллах, нужно не противиться ей, а постараться понять и рассудить справедливо. Подобное заблуждение чревато опасностью отчуждения от религии.

Когда великий Пророк, да благословенно будет его имя, сказал, что «грядет день, равный по своей продолжительности году», богословы спросили его: «Сколько же будет молитв в тот день?». И получили ответ: «Об этом будут знать ученые того времени». Не хотел ли Пророк этими словами дать понять, что вместе со временем будут меняться, обновляться и каноны религии?

В наши дни методы обучения в медресе безнадежно устарели, оказались не только бесполезными, но и вредными. В соответствии с этим в Турции уже открылись новые учебные заведения, где помимо богословия преподаются военная дисциплина и другие науки. Наша молодежь многие годы отдает пустой зубрежке в медресе, и оттуда выходят невежественные, неразумные, не приспособленные к труду люди, которые и в дальнейшем живут обманом да ложью. Учение мулл не приносит ничего, кроме вреда.

Красота мироздания облагораживает человеческий разум. Случается, что из-за нужды и нехватки человек теряет свой человеческий облик, звереет. Не

иметь стремления к постижению мировой науки – признак невежества, что осуждается и Кораном.

Между богатством, накопленным для того чтобы возвыситься, и богатством, которое копят для того, чтобы иметь возможность помочь страждущим и не быть в зависимости от других, есть большая разница.

Мы не стремимся овладеть знаниями в целях наживы. Напротив, используем богатства на пути к овладению знаниями. Искусство – вот подлинное, неиссякаемое богатство, учиться ему – самое благородное дело. Знания должны служить справедливости и отвечать требованиям Закона Божьего. Человек обязан быть благодетельным и не только восхищаться благотворительностью других, но и самому неустанно творить добро.

Говоря о муллах, хочется особенно предостеречь вас от ишанов. Их учение ложно, пагубно. Многие из них невежды, не знают подлинных законов шариата, а избирают путь богослужения, пытаются учить других при всей убогости собственных знаний, учение этих искуссителей человечества вредно даже для псевдорелигий. Они находят себе опору среди глупцов, слова их – ложь, свидетельство их учености – четки, чалма и больше ничего!

Так знайте же, дети мои! Путь Всевышнего беспределен. И никому не дано преодолеть его. Тот, кто решился пойти по этому пути, считается истинным мусульманином. Если конечная твоя цель – обогащение, это уже не Божий путь, это свидетельство твоей ограниченности. Что за непостижимая уму алчность, алкать богатства всего мира?! Если ты намерен делиться с другими своими деньгами, скотом, знаниями, другими благами – это и есть путь Всевышнего, единственный путь, не знающий предела. Избравшие его считаются истинными рабами Бога, они могут питать надежду приблизиться к Богу. Какая надежда может быть у иного пути? Способности и намерения некоторых людей

направлены на улучшение внешнего вида, они заботятся о своей одежде, следят за походкой, считая сие занятие высоким достижением. Стараются выставить себя напоказ, как на торгах, вызывают зависть у глупцов, чей ум только в глазах. Глядя на них, одни изводятся, снедаемые завистью, другие выбиваются из сил, подражая им. Кому какая выгода от этого? Сколько усилий потрачено только на то, чтобы понравиться окружающим своей внешностью! Достоинства человека содержатся не в наружности, а в чистоте его помыслов, неприукрашенной внутренней сущности, по которым и распознает нас Аллах. Разве прибавится ума у этих поклонников зеркал? Разум человека совершенствуется безграничной, неиссякаемой любовью к добру.

Совершенным мастерством своим Аллах создал мироздание и человека, чтобы тот мог расти и продолжать род людской. Святой долг каждого из нас – множить число своих друзей. Это зависит от сердечности, благорасположенности к окружающим, что вызовет ответное чувство, или хотя бы не желайте зла другим, не пытайтесь возвыситься над другими словами или делами.

Возвыситься духовно можно иными путями.

Во-первых, умение сохранить достоинство даже во время великих испытаний облагораживает человека.

Во-вторых, самовосхваление, выпячивание собственных достоинств могут только навредить.

В-третьих, злонамеренность, принижение, оскорбление самолюбия других порождают ответную враждебность.

Причина желания отличиться перед другими – хвастовство, оно порождает зависть, одна зависть влечет за собой другую.

Отсутствие же этих пороков приносит человеку умиротворение, а в умиротворенной душе рождается стремление.

Существуют три порока, способные унижить весь человеческий род, которых следует избегать. Это: невежество, леность, злодеяние.

Невежество – есть отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться; отсутствие знаний равняет человека со скотом.

Леность – злейший враг; бесталанность, безволие, бесстыдство, бедность – порождение лени.

Злодеяние – враг человечества; причиняя зло другим, человек отдаляется от людей, уподобляясь дикому зверю.

Противоядие от этих пороков – человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твердость духа, справедливость, глубокие всесторонние знания. Направь свои знания на путь, указанный Аллахом, ибо Аллах, не ленись, огромными усилиями и старанием создал гармоничный совершенный мир. Твое дело тоже должно быть сделано с усердием и добрыми намерениями. Все, что создано Аллахом, имеет свое назначение. Плоды твоего труда тоже должны быть обращены на пользу людям. Иначе – любой труд бесполезен. И вера твоя – тщетна.

Известно, творения Аллаха не создавались без трудностей, и ни один предмет не создан без назначения. Все имеет свою цель, свою причину. Человек, имеющий тягу к знаниям, обязан помнить – любое дело должно вершиться целенаправленно.

Пророк, да благословит Аллах его имя, оставил нам такие слова: «Прежде чем взяться за дело, надобно иметь цель и стремление».

Но вот вы решили совершать отныне омовения, читать молитвы, соблюдать посты. Но не грешно ли заботиться только о внешнем соблюдении обрядов? Если ваша душа чиста, соблюдение обрядов богослужения отражает вашу духовную жизнь, внешняя упорядоченность лишь украшает и облагораживает вашу веру. Не поэтому ли мудрецы утверждали, что вера

одна, что она освящена многотерпением, без сдержанности она тускнеет, а возможно, даже обречена на гибель. Сказано это к тому, чтобы невежды, думающие лишь о соблюдении обрядов, не забывали о главной задаче – вере.

У меня есть основание думать, что они убеждены: достаточно им совершить обязательные элементы обрядов, чтобы считаться мусульманами. Это не так, обряды являются всего лишь стражами веры. Но что проку от стража, который только бдит, не заботясь о сохранности и благополучии охраняемого предмета? Что станет с верой без бдительности? Разве подлинная цель – не сохранность и чистота охраняемого предмета?

Не способные разобраться в смысле обрядовых знаков, прислушайтесь! Самое главное в них – намаз. Но прежде чем приступить к нему, вы должны совершить омовение. Омывание совершается после очищения от скверны. Помните об этом! Эта процедура должна закончиться проведением влажными руками по ногам – некоторые из знаков носят символический характер.

Избавившись от скверны, вы совершаете омовение, очищая невидимые стороннему глазу части тела, что, разумеется, совершенно неинтересно знать посторонним, но этими действиями вы показываете людям, что ваша душа безгрешна и вы приводите свой внешний облик в соответствие с внутренним состоянием. При полном очищении и спокойствии вы приступаете к намазу.

Намаз – это молитвы, заклинания.

Легкое прикосновение мокрыми пальцами к шее и ногам означает, что они уже омыты и чисты.

Приступая к молитве, вы касаетесь пальцами ушей – это означает, что вы не смеете перед Аллахом воздеть руки выше. Это движение выражает ваше признание – Аллах превыше всего, и вашу мольбу к нему: не дай потонуть в мирской суете, протяни руку помощи.

Склоненная голова и сложенные на груди руки – знак того, что вы стоите не просто как раб перед вельможей, не как простолюдин перед падишахом, а как более слабое, ничтожное создание, и выказываете этим свое признание справедливости и непомерному могуществу всемудрого Аллаха.

Обращение лицом к кубле¹ – поклонение предполагаемому месту посещения Всевышнего, хотя мы знаем, что не может быть на земле места, достойного его пребывания. Это надежда на то, что ваши молитвы достигнут слуха Всевышнего.

Чтение намаза начинается с суры Фатиха. Это продолжительная и содержательная молитва.

Поклоны, совершаемые положив руки на колени, – знак того, что мусульманин предстал перед ликом Аллаха.

Первое прикосновение лбом к земле означает, что человек вышел из земли, второе – что он вернется в землю же. Обращение лицом к небу – знак надежды и мольбы на воскрешение после смерти.

Вы заканчиваете молитву еще одним поклоном и словами приветствия ко Всевышнему и его Пророку, да благословит Аллах его имя, а также пожеланием всем мусульманам мира, единства и благополучия.

Так что же мы уяснили для себя из этого Слова?

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Да, безусловно, наши предки уступали теперешним людям в образованности, учтивости, ухоженности и опрятности. Но обладали они двумя достоинствами, которых у нас теперь нет.

Изживая в себе недостатки, доставшиеся нам от предков, мы растеряли эти достоинства. Если бы мы

¹ Кубла – мусульманская святыня, куда мусульмане обращают лицо во время молитвы.

имели в характере своем решимость и усилия, направленные на приобретение новых качеств, приложили к тому, чтобы сохранить старые, возможно, мы встали бы в ряд с другими народами. Поскольку нет решимости характера, вновь приобретенное более благоприятствует развитию в нас свойств демонических, нежели человеческих. Это есть одна из серьезных причин утраты нами национальных достоинств.

О каких качествах мы говорим? В стародавние времена были люди, которые звались «ел басы»¹, «топ басы»². Они решали споры, управляли жизнью общества. Простой народ, худо-бедно, занимался своими делами. Не принято было оспаривать решения «ел басы» и «топ басы» или бегать от одного к другому. Говорят: «Возьми альчик, если он удобен для твоей руки, сделай из него биту», «Когда каждый сам себе бий – не ужиться и на бескрайних просторах, когда есть глава общины – не сгореть и в огне». Люди, признав эту истину, приносили жертву святым духам и, помолясь, отдавали бразды правления всеобщему избраннику, которого старались поддерживать во всем, скрывая его недостатки и славя достоинства. Относились к нему с должным почтением, слушались и неукоснительно повиновались, тогда и влиятельные лица не переступали пределов благоразумия. Как им было не заботиться о людях, когда все были братьями и достояние у них было общее?

И второе – люди свято берегли и дорожили единством. Стоило кому-то призвать на помощь, упомянув при этом имена предков, как все бросались на выручку, забыв об обидах и раздорах, охотно шли на уступки и жертвы. Говорили тогда в народе:

«Кто не умеет простить вину ближнего, того чужой обидит»;

«Братья ссорятся, но не отрекаются друг от друга»;

¹ *Ел басы* – глава народа.

² *Топ басы* – глава общины.

«Если шестеро погрязли в раздорах – потеряют то, что в руках, если четверо пребывают в согласии – на них небесная благодать нисходит»;

«Кто ищет верного пути – находит казну, кто ищет раздоров – находит беду».

Где теперь этот благородный дух общности и радение о чести?

Они были обеспечены людской стойкостью, совестливостью, доблестью. Мы лишились их.

У теперешних дружба – не дружелюбие, а вероломное коварство.

Вражда – отстаивание истины, а просто неумение жить в согласии.

1897

СЛОВО СОРОКОВОЕ

Почтенные, вот о чем я хочу спросить вас. Как это получается, что о покойниках мы не говорим дурного, а среди живых не видим достойных?

Отчего старики живут в согласии с молодыми, а между собой враждуют, хотя число их сверстников с каждым днем становится все меньше?

Стоит кому-то уехать на чужбину, как все тут же начинают любить его как родного. Но как только он возвращается, мы вынуждаем его бежать от нас. Почему?

Почему, увидев хорошего человека из чужого рода, люди распинаются перед ним, восторгаясь его достоинствами, а в своем роду не замечают тех, кто превосходит чужаков в мудрости и благородстве?

В чужом краю расхваливают свой аул, вернувшись, превозносят достоинства чужого аула. Как это так?

Почему родители ласковы, заботятся о детях, пока они маленькие, но охладевают к ним, как только они взрослеют?

Почему родичей трудно собрать, когда радость, горе или другое достойное собрание, а как запахнет воровством или разбоем, они тут как тут?

Почему родичи досаждают и обижаются на тебя, когда твоя лошадь приходит первой на скачках?

В старину люди помнили, если кто-то хотя бы раз помог им добраться до места, они вспоминали об этом с благодарностью до последних дней своих. Нынче люди быстро забывают о добрых делах. Почему?

Почему байский сын, обеднев, не стыдится воровства, а идти в услужение к другому баю считает для себя зазорным?

Почему двое хороших людей не могут ужиться в одном роду? А двое подлецов почему-то всегда становятся друзьями?

Почему тот, кого ты считаешь другом, кому ты даришь коня, отворачивается от тебя, получив стригунка от твоего недруга?

Почему иной не ценит друга, с которым живет в согласии, а за врага, который в кои-то веки исполнил единственную его просьбу, готов отдать жизнь?

Почему многие не желают добра друзьям, а если кому-то из двух друзей повезет, они становятся заклятыми врагами?

Почему одни ищут человека, который бы дал им разумный совет, но избегают тех, кто знает их дело до тонкостей?

Почему иные в гостях ведут себя так, будто пригнали с собой весь свой скот, а принимая гостей в своем доме, делают вид, будто далеко отогнали все свои стада?

Люди ищут покоя, но стоит ему воцариться, как им тут же становится скучно. Почему?

Почему народом всегда правят ловкие дельцы? И почему, как правило, они бедны?

Почему младшие жены бывают строптивыми? Почему злодеи бывают смелыми? Почему иные бедняки бывают спесивыми?

Почему людей сдержанных, живущих мирно, называют безвольными, а тех, кто распушен, хвастлив, драчлив, считают удальцами?

Почему казахи не слушают праведных слов, не находят для этого времени, но будут охотно внимать сплетням и грязным наветам и не уйдут, не выслушав их до конца, хоть все дела их пойдут прахом?

1897

СЛОВО СОРОК ПЕРВОЕ

Тому, кто вознамерился учить, исправлять казаха, нужно обладать двумя преимуществами.

Первое – иметь большую власть, пользоваться огромным влиянием, чтобы, запугивая взрослых, забирать у них детей и отдавать в учение, направляя одних по одному пути знаний, других – по другому, а родителей заставлять оплачивать расходы. Девочек достаточно было бы обучать религиозным наукам, чтобы они были сильны хотя бы в этом. В таком случае можно было бы надеяться: когда состарившиеся родители отойдут от дел, молодое поколение пойдет по правильному пути.

Второе – нужно владеть несметными богатствами, чтобы подкупом брать детей у родителей и отдавать их в учение, как было сказано выше.

Никто не обладает властью, способной запугать нынешних людей. Никому не дано богатство, которого хватило бы на то, чтобы задобрить всех родителей.

Не запугав или не подкупив казаха, невозможно уговорить или убедить его в чем-либо. Невежество, доставшееся от отцов, впитавшееся с молоком матери, пройдя сквозь мясо, достигло костей и убило в нем человечность. Между собой у них какие-то ужимки и кривляния, шепотки да двусмысленные намеки, ничего более увлекательного на ум им не приходит. Они пытаются думать, но им некогда

сосредоточиться на своей мысли. Говоришь с ними – они и слушать со вниманием не могут; глаза их бегают, мысли разбредаются.

Как жить?

Как нам быть дальше?

1897

СЛОВО СОРОК ВТОРОЕ

Одна из причин пристрастия человека к порочному – безделье. Когда б он возделывал землю, занимался торговлей, разве мог бы он вести праздную жизнь? Ездит из аула в аул на выпрошенной у кого-то лошади, живет на дармовщину, разносит сплетни и слухи, хитростью и коварством подстрекает других или сам идет на поводу у подстрекателей, скитаясь без дела и без пользы. Тот, кто стремится к благополучию, кто привык жить своим трудом, сочтет такую жизнь унижительной. Разве он оставит свое дело, чтобы бродяжничать бесцельно?

Тот, у кого заводится хоть мало-мальский скот, не довольствуется этим, не бережет то, что имеет, а отправляется на поиски радостей, оставив пастухам и детям заботу о стаде, которое становится добычей воров, хищников, гибнет в непогоду. Он стерпит эту утрату, но будет не в силах отказаться от участия в тайных заговорах, сплетнях, мелких дрызгах. Желая обрести значимость и вес в обществе, он считает обязательным для себя быть причастным к мерзким и злым козням, грязным нашептываниям, ничтожному пакостничеству. Достигшие кое-какого достатка бросают свое добро на попечение других – ты, мол, присмотри, пригляди, сами же предаются суесловию, дармоедству, праздному шатанию.

Нынче люди не дорожат высоким умом, всеобщим уважением или богатством; умение писать жалобы, умение ловко обвести кого-то вокруг пальца – вот что

в почете. Кому удастся это, будь он беден и сир, всюду уготованы почетное место, жирный кус мяса и упитанный конь. Такому мошеннику легко улестить простоватого бая, заявив лицемерно: «Вы только велите, ради вас я хоть в огонь готов пойти». И этого достаточно, чтобы, не ударив пальцем о палец, быть сытым, одетым, ездить на хорошем коне и пользоваться всеобщим уважением.

Бай не думает об утерянном покое, не считает своих расходов. Прежде чем говорить с кем-то, он будет держать совет с проходимцем, который стелется перед ним мелкой иноходью, страшась потерять доверие бая, тревожась, как бы не завелись у владыки другие советчики. «Аллах с вами, – говорит он угодливо, – неужто вы сами не додумались до такой простой вещи?». И начнет подсказывать хитрости одну гнуснее другой, внушает баю подозрительность к другим. В конце концов бай теряет доверие к себе окружающих. Если умный человек не соглашается с баем и отворачивается от него, прохвост тут как тут: «Вот видите? Не я ли говорил вам, что это его козни?». И вовсе подчинит своей воле наивного бая.

Вот на что теперешние люди тратят свой ум и свои желания.

Вот чем они живут.

1898

СЛОВО СОРОК ТРЕТЬЕ

Человек наделен от природы телом и душой. Нужно знать, какие из свойств тела и души даны от рождения и какие приобретаются в результате труда.

Необходимость есть, пить, а также спать – произвольные потребности. Желание что-то увидеть и узнать – задатки произвольного инстинкта, но разум и знания являются приобретением человеческого труда. Слушая ушами, видя глазами, прикасаясь руками,

пробуя на язык, вдыхая носом, человек получает представление о внешнем мире.

Полученные ощущения, приятные они или неприятные, воспринятые пятью указанными органами чувств, располагаясь в памяти в заданной закономерности, создают определенную образность.

Получить приятное впечатление от хорошего и отвращаться от плохого – естественная способность человека. Сначала эти задатки очень слабы. Человек развивает и усиливает эти способности. Без внимания и развития они притупляются, исчезают или остаются в зачаточной стадии, оказываются ни для чего не пригодными.

Тот, кто много слушает и видит, черпая знания извне, имеет многое: он способен трезво рассуждать и отличать полезное от вредного. Человека, способного анализировать события и факты, относят к людям умным.

Невежда, не способный мыслить, не приученный трудиться, пытается свалить свою нерадивость на Бога. «Что делать, если Бог не наделил умом?» или «Нас с тобой Бог создал неодинаковыми», – говорят они.

Разве Бог велел ему не вслушиваться, не всматриваться, не запоминать слышанное и виденное? Разве сказал ему: «Ешь, пей, развлекайся, довольствуйся похвалой и превращайся в животное, растеряв душевные сокровища?».

Другие говорят: «Может, ум и взаправду дело кажливное, но способностями наделяет природа. Наделенный способностями, приобретает и ум. Неспособные остаются неразумными» И это неверно.

Способности есть и у детей, это бесспорно. Мы уже говорили, что сначала способности человека очень слабы и нуждаются в дальнейшем развитии и совершенствовании. Даже ремесло, которым человек занимается с желанием, изо дня в день становится более совершенным. Если не возвращаться к приобре-

тенным навыкам, ты можешь утратить их, ты и сам не заметишь, что стал другим человеком. Разве умение и мастерство, покидая тебя, предупреждают об этом заранее? Попытка вернуть их потребует еще больших усилий, чем прежде.

Душевные способности настолько разнообразны и многогранны, что описать здесь все их невозможно. Сила души способна удерживать долгое время навыки приобретенного мастерства, но без усердия они теряют свою ценность, и со временем может иссякнуть и сама сила, удерживающая их. Приобрести ее заново невозможно.

Сила души обладает тремя особенными свойствами, которые нужно ценить и беречь в себе, потому что без них человек превращается в животное.

Первое из них называется «подвижным элементом». Что это такое? Это свойство помогает не только осознать увиденное и услышанное, но побуждает живо осмыслить, что из чего проистекает и куда ведет. Без этого свойства бесполезно много чтение, оно ничего не даст. Не сделав вовремя, не подумав вовремя, не сказав вовремя, опаздывая всюду, будешь всю жизнь жалеть и огорчаться: «Какая жалость! Там-то, тогда-то надо было поступить так-то!».

Другое свойство называется «притягательной силой однородного». Узнав что-то новое для себя, начинаешь думать и сравнивать с подобными вещами. Во всем ли у них есть сходство? Или только в отдельных элементах? И пока не уяснишь себе причины сходства, не расспросишь, не проверишь свои предположения, не найдешь успокоения.

И третье. Называется оно «впечатлительностью сердца». Если сумеешь сберечь сердце от превратностей четырех пороков – самодовольства, корыстолюбия, легкомыслия и беспечности, полученные извне ощущения четко отразятся в зеркальной непорочности сердца. Эти впечатления будут питать ум и

запомнятся надолго. Если не убережешь чистоту сердца, потускнеет зеркало души, все в нем будет видеться смутно или в искаженном виде. И понятия твои обо всем на свете сложатся неверно.

Все, что добывается трудом и находится вне тебя, называется богатством. Не зная всех перипетий и тонкостей ведения хозяйства, трудно удержать в руках свое добро. Так же трудно уберечь нажитое духовное богатство – ум и знания, от которых может быть и немалый вред. Не зная этого, потеряв бдительность, можно легко лишиться приобретенного.

Все на свете имеет свою меру. В том числе и хорошее. Великое дело – знать меру всему. Умение думать – похвально, но некоторые люди, чрезмерно увлекшись, запутываются в мыслях, теряют здравый рассудок.

В желании есть, пить, одеваться, развлекаться, любить, наслаждаться, обогащаться, добиваться власти и даже в проявлении осторожности и хитрости, направленной на то, чтобы не быть обманутым, нужно знать меру. Все, что сверх меры, – есть зло.

Древние мудрецы говорили: «В том, чего упорно добиваемся, мы находим зло». Да будет известно тебе – в двух свойствах духовной силы, называемых «притягательной силой однородного» и «подвижным элементом», кроется все то добро и все то зло, что существует на свете. Властолюбие, эгоизм, гнев, ложь – все, что порочит человека, берет начало в этих истинах. Такую силу нужно уметь направлять на совершенствование хороших и полезных качеств, нужно подавлять порочное в его зародыше.

Разум отличает полезное от вредного, но даже силой разума не одолеть этого зла. Одолеть его может только тот, кто соединит в себе силу разума и силу воли. Сумевший сосредоточить в себе разум и волю подобен быстроногому скакуну – ему подвластно все.

Если же эти качества не развиты или одно из них присутствует, а другого нет, то духовная мощь понесет

тебя, как необъезженный, неуправляемый скакун, бросаю и на скалы, и в воду, и в пропасть. Ты безволен. Несешься не разбирая дороги, полы твоего халата распушены, глаза устремлены к небу... И до скончания дней твоих не избавиться тебе от бесчестья.

1898

СЛОВО СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ

Ничтожнейший из людей тот, кто не имеет стремления. Но стремления бывают различные. И те, кто стремится к чему-либо, отличаются друг от друга по способностям и силе воли. Талантливые или бездарные, все они не прочь услышать похвалу в свой адрес. Они ждут ее, заслуженную или нет, все равно.

Люди общаются с людьми своего круга, делятся с ними сокровенными мыслями. И скорее всего ждут похвалы от тех, кто живет рядом с ними и знает их, а не от незнакомых и далеких людей.

Одни стремятся к почестям. Другие алчут богатства. Неважно каким образом – скарედностью или хитростью. «Кто добыл богатство, тот безгрешен» или «У имущего лик светел», – говорят они и знают, что никто их за это не осудит. Видят в богатстве свое главное достоинство и честь. Судя по их извращенным нравам, так оно и есть, но если смотреть с позиций человечности – это один из отвратительных пороков.

Одни хотят прослыть храбрецами, святыми, баями, другие – не чураются славы хитрых, ловких, всезнающих. Чванятся худой славой, пытаясь даже из нее извлечь выгоду.

Все стремятся к чему-то, стремятся читать, но не по книгам, а по лицам людей. Смотрят, точно прощупывают биение пульса, и определяют: «А... сегодня в цене то-то и то-то, а вот на этом деле можно недурно заработать».

Чтобы постичь науку по книгам, нужно, говорят, прежде всего очистить от скверны душу, помыслы, и только потом приступать к чтению.

Если предпочитаешь учиться по лицам, продолжай начатое, не старайся очиститься – ведь никому не видно, что там у тебя за душой. Говорят, чем больше складок и зазубрин в ней, тем неуязвимее и прочнее благоденствие.

Вот и суди теперь, кто чему учится и к чему стремится.

1898

СЛОВО СОРОК ПЯТОЕ

Доказательством существования Единого и Всемогущего Бога является то, что многие тысячелетия на различных языках люди говорят о существовании Бога, и сколько бы ни было религии, все считают, что Богу присущи любовь и справедливость.

Мы не создатели, а смертные, познающие мир по созданным вещам. Мы – служители любви и справедливости. И отличаемся тем, насколько лучше один другого осознаем творения Всевышнего.

Веруя и поклоняясь сами, мы не вправе сказать, что можем заставить верить и поклоняться других.

Начало человечности – любовь и справедливость. Они присутствуют во всем и решают все. Это – венец творения Всевышнего. Даже в том, как овладевает жеребец кобылицей, проявляется любовь.

В ком господствуют чувства любви и справедливости, тот – мудр, тот – учен. Мы не способны придумать науку, мы можем только видеть, осязать созданный мир и постигать его гармонию разумом.

1898

Перевод

К. Серикбаевой, Р. Сейсенбаева

СЛОВА ЗНАНИЯ

СЛОВО ПЕРВОЕ

Хорошо ли я прожил до нынешнего дня, плохо ли, но пройдено немало. Всего было вдоволь в этой жизни: и споров, и тягостных пересудов, и борьбы, и недостойных ссор... Но вот, когда уже виден конец пути, когда обессилел и устал душой, я убеждаюсь в бесплодности своих благих стремлений, в суетности и бренности человеческой жизни.

И терзает мысль: чему же посвятить остаток дней своих? Чем заняться?

Попытаться облегчить страдания народа? Невозможно. Народ неуправляем. На это идет только тот, кому судьбой уготованы людская неблагодарность и проклятия, или молодежь, чье сердце горячо и не изведало еще горечи поражений. Меня же, знающего эту истину, сохрани аллах от искушения.

Может быть, умножать стада? Не хочу. Пусть дети, если им надобно, разводят скот сами. Было бы грешно тратить последние силы на то, чтобы облегчить существование воров, лиходеев и попрошаек.

Постигать науки и дальше? Не получается. Некому передавать свои знания, как не у кого и взять их. Что толку сидеть в пустыне, разложив дорогую ткань и держа в руках аршин? Когда не с кем поделиться своим горем или радостью, то и сама наука оборачивается тягостью: быстрее старит человека.

А может, посвятить себя богу? Не выходит. Для веры прежде всего нужен покой. Откуда взяться благодетелию, когда ни в чувствах моих, ни в повседневной жизни нет успокоения и в помине? Эта земля не терпит богомольцев.

Заняться воспитанием детей? Не могу. Воспитывал бы, если б знал, как и чему их учить, и нужно ли это вообще народу, который я вижу сегодня. Не представляю будущего детей, достойного применения их

образованию и силам, потому не мыслю и пути воспитания.

Наконец решил: возьму в спутники бумагу и чернила и стану записывать все свои мысли. Может быть, кому-то придется по душе какое-нибудь мое Слово и он перепишет его для себя или просто запомнит; и если нет — мои слова, как говорится, останутся при мне.

На этом я остановился, и нет у меня иного занятия, чем письмо.

1890

СЛОВО ВТОРОЕ

В детстве я не раз слышал о том, как казахи, увидев узбеков, смеялись над ними: «Ах вы, широкополые, с непонятной трескотней вместо человеческой речи! Вы не оставите на дороге даже охапки перегнившего камыша! Вы, принимающие ночью куст за врага, на глазах лебезите, а за глаза поносите людей. Потому и имя вам «сарт», что означает громкий стук или треск».

Смеялись казахи и над ногаями — татарами. «Эй, татары, боитесь вы верблюда, верхом на скакуне устаете, отдыхаете, когда идете пешком. Ловкость у вас медвежья, и не ногаи вам имя, а нокаи — несуразные. Потому, наверное, только и видишь вокруг: солдат — татарин, беглец — татарин, бакалейщик — татарин».

Смеялись и над русскими. «Рыжие делают все, что им взбредет на ум. Увидев в бескрайней степи юрты, спешат к ним сломя голову и верят всему, что им скажут. Просили даже показать «узун-кулак», а попробуй увидеть глазами, как о тебе узнали на другом конце степи...»

Я радостно и гордо смеялся, слушая эти рассказы. «О аллах,— думал я в восторге,— никто, оказывается, не сравнится с моим великим народом».

Теперь я вижу, что нет растения, какое не выращивал бы сарт, нет вкуснее плода, чем в саду у сарга. Не найти

страны, где бы не побывал сарт, торгуя, просто нет вещи, которую бы он не мог смастерить. В городе недосуг следить за делами друг друга, поэтому они и дружнее нас. Раньше ведь они и одевали казахов. Даже саваны для покойников мы брали у них, отдавая взамен скот, ради которого глупо убивали друг друга. Когда же пришли русские, сарты опять опередили нас, переняв у русских их мастерство. И богатство, и набожность, и споровка, и учтивость — все теперь у сартов.

Смотрю на татар. Они и солдатчину переносят, и бедность выдерживают, и горе терпят, и бога любят. Умеют татары трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши. Даже самых избранных наших богачей они выгоняют из дома: «Наш пол сверкает не для того, чтобы ты, казах, наследил на нем грязными сапогами!»

О русских же и говорить нечего. Мы не можем сравниться даже с их прислужгой.

Куда исчезло наше хвастовство, гордость за свой род, чувство превосходства над нашими соседями? Где мой радостный смех?

1890

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Почему казахи смотрят друг на друга волками? Почему у них нет сопереживания за родичей, нет правдивости? Откуда, когда вошли в кровь гордого степняка праздность и леность?

Великие мудрецы давно заметили: каждый лентяй труслив и безволен; безвольный же человек всегда хвастлив; хвастливый кроме трусливости еще и глуп; а глупый всегда невежествен и бесчестен. Из бесчестных выходят жадные, неуживчивые и бездарные существа, никому не нужные на свете.

Вот так получилось и с нами. И причиной этому — отстранение от земледелия, торговли, ремесла и науки.

Мы только и думаем, как бы увеличить свои стада и табуны, обеспечить скотом не только самих себя, но и детей. Когда же это удастся, стада передаются пастухам, а мы, новоявленные богачи, лишь едим до отвала мясо, досыта пьем хмельной кумыс, забавляемся красавицами, наслаждаемся бегом скакунов. Если зимовки становятся тесными, начинаем торги с соседями или борьбу: в ход идут кляузы, взятки, кровная месть. Пострадавший же теснит другого соседа.

И однажды черной песнью родилась мысль: пусть народ беднеет все больше, ибо чем больше бедняков, тем дешевле их труд, тем просторней пастбища и беззащитней зимовки. Мы мечтаем об обнищании соперников, те хотят, чтобы разорились мы. Так, скажите мне, разве возможно нам желать добра друг другу?

Мы стали враждовать, драться, разделились на группы и, чтобы отстоять свои богатства и пастбища, начали грызться за власть. Никто не остался в стороне от этой круговерти. Люди не покидали родные края, чтобы научиться незнакомому ремеслу, не возделывали полей, не стремились извлечь пользы из торговли. Торговали лишь собой, примыкая то к одной, то к другой партии. Воры не переводились — они были нужны для ссор. Зато на лучших людей возводились наветы, против них возбуждались уголовные дела, подбирались лжесвидетели. И все это делалось для того, чтобы преградить путь к власти честным. Оклеветанный и униженный, кто-то из них обращался за помощью к сильным мира сего, и тогда степь теряла еще одного честного сына. Более гордому выпадал один путь — коротать свои дни в темнице.

Волостные правители добивались своего положения хитростью и коварством и поддерживали неправых, ибо с подобными себе лучше дружить, чем враждовать. Хитрость беспредельна — не определить, кто кого обманет завтра.

Сейчас в ходу пословица: «Не по поступкам суди о человеке, а по его намерениям». Выходит, люди уверовали, что ничего нельзя достигнуть честным трудом, но все можно добыть обманом.

Где первопричина этой беды?

На три года выбирается волостной. Первый год пролетает в легких обидах людей, избравших его, во взаимных упреках и заигрываниях. Второй год проходит в борьбе управителя с кандидатом на его место: нужно попробовать победить его еще на дальних подступах к выборам. Третий год тянется в посулах, ибо каждый надеется остаться на месте правителя и на следующий период.

Я вижу, как в этой сутолоке мой народ мельчает с каждым годом и становится все более безнравственным.

Тяжело смотреть на него.

Почему бы, например, не избрать волостного из людей, получивших образование на русском языке? Если же таковых нет, то пусть волостной будет назначен уездным начальником или даже самим военным губернатором. Меньше станет брожений. Хорошо бы и судей не избирать, а назначать, чтобы они не оглядывались на каждом шагу на степных воротил. Меньше бы стало наветов.

Бии — степные судьи — уже потому несут вред, что ими начисто утеряны добрые дедовские традиции. Не каждый бий помнит сейчас «старые истины», завещанные Есим ханом, или «светлый путь», проторенный Касым ханом, или «семь сводов законов», оставленных мудрым Тауке. А ведь еще нужно знать, что в их законах и правилах устарело, не отвечает духу времени, мешает новой жизни. Где нам найти мудрых биев? Их почти нет.

Деды наши не зря говорили: «Там, где сходятся два бия, рождаются четыре спора». Смысл этих слов заключается в том, что четное количество биев

никогда не придет к единому мнению. Думается, лучше из каждой волости избирать по три бия. Избирать самых достойных и на постоянный срок. Тогда замена любого из них будет событием и напоминанием о справедливости для остальных. Но бии не должны непосредственно сами решать тяжбы. Я мыслю так. Ссорящиеся стороны выбирают себе по одному защитнику, к ним присоединяется посредник, и эти трое ведут конкретное дело. В случае, если дело не будет решено, на помощь им приходит один из биев, которого, скажем, можно выбрать по жребью.

Не решались ли таким бы способом многие споры нашей жизни?..

1891

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Давно замечено, что смех подобен опьянению. Глупый смех – признак беспечности, и от него так же болит голова, как и от болтовни захмелевшего. Беспечность приводит к разорению, оскудению ума и неблагоприятным поступкам. Думаю, что люди, которые предаются глупому смеху, бывают одинаково несчастны и на этом и на том свете.

К достатку ведут разум и собранность, а люди, обладающие этими качествами, как правило, иного склада. Это, конечно, совсем не означает, что нужно всегда быть печальным, предаваться горьким мыслям или остро переживать каждую неудачу. Такой груз непосилен для человека. Просто необходимо забываться в разумном труде, а не в пустом смехе. Разные есть люди, и для тех, кто замыкается в своем горе, бьется в печали, словно в плену, – труд тоже является единственным спасением.

Не радуйтесь дурным поступкам людей. Вы увидели несчастье, и пусть ваш смех будет горьким. Горький смех всегда короток.

Радуйтесь, когда человек совершает хорошее дело, ибо вы увидели добрый пример. Смысл содеянного этим человеком сам определит, сколько вы будете смеяться.

Но есть смех, от которого я хочу предостеречь всех. Он рождается не в груди, идет не от сердца, а изменяет лишь лицо. Он бывает красив и звучен, этот деланный смех, и многолик. Гоните его от себя, люди!

Человек приходит в жизнь с плачем, умирает сердясь. Не зная, в чем счастье, люди унижают жизнь пустыми делами. Они преследуют друг друга, кичатся друг перед другом, копят богатство, а когда наступает последний час, готовы отдать все нажитое ими за день жизни. Почему же прозрение приходит к людям так поздно?

Почему бы с самого начала не поверить в свою судьбу и не заняться трудом. Тогда самая скудная земля одарила бы нас своими плодами. Ведь в этом ее назначение.

1891

СЛОВО ПЯТОЕ

Когда грудь полна печали, человек не владеет собой. Языком — тем более.

Я видел казахов, которые умоляли: «О аллах! Сделай нас беззаботными, как младенцев». Почему взрослость обернулась для казахов тяжестью? Какая забота согнула их?

Горе их можно узнать по нескольким пословицам. Вот они: «Если жить тебе полдня, запасись едой на день», «Бедному и родной отец — обуза», «Человеку скот дороже жизни», «У имущего лик светел, темен он у нищего», «Храбрец и волк сыты в пути», «У щедрого нет врагов», «Берущая рука привыкает и отдавать», «Прав тот, кто владеет добычей», «Кто не почитает богача, тот отвернется и от бога», «Если голоден, скачи

в дом, где идут поминки», «Не живи у озера, где нет рыбы, не живи в ауле, где не знают милосердия».

Разве говорится в этих пословицах о мире, науке, знаниях и справедливости?

Кто уверен, что из-за скота подобные люди не обворуют даже родного отца?

Так чем же взрослый мудрее младенца?

Ребенок боится огня, а взрослому, выходит, не страшна и божья кара. Дети, когда им стыдно, готовы провалиться сквозь землю, а взрослые, насколько я знаю, в такие минуты даже глаз не прячут. Они готовы отречься от тебя, если ты будешь отличаться от них. И это мой народ, который я люблю и к сердцу которого ищу тропу...

1891

СЛОВО ШЕСТОЕ

У казахов бытует пословица: «Начало искусства — в единении, начало достатка — в жизни».

Но что такое единение и когда рождается согласие?

Казахи полагают, что единство — это общность имени, пищи, одежды, достояния. Но если так, то какая польза от богатства и какой вред от бедности? Если у тебя достаток, с тобой охотно объединятся не только родичи, но и чужаки, иноверцы. Люди перестанут искать хлеба на стороне. Зато начнут соперничать, когда запахнет первой неудачей, выпячивать свои заслуги и права, а потом и обманывать друг друга. Какое же это единство? Нет, возможно единство разума, но не достояния.

«Начало достатка в жизни»... Уточним, какая это жизнь? Плотская? Та, что называется жизнью в теле и обусловлена едой и усвоением пищи? Но она превращает человека в животолюбца, заставляя пуще всего бояться смерти. Спасая свою жизнь, он готов бежать от врага и получить славу предателя, избегая труда, — стать лентяем.

Есть стихи:

Лишь туняедец и нахал
Готовой пище рад всегда.
Хоть с виду ловок, мразь душой —
Ведь жить привык он без стыда.

Лучше умереть, чем влачить такое существование!
Качества духовные — вот что главное в человеческой жизни. Живая душа и отзывчивое сердце должны вести человека, тогда и труд его и достаток обретают смысл.

1891

СЛОВО СЕДЬМОЕ

С самого рождения жизнь ребенка складывается из двух различных влечений.

Одно — это потребность есть, пить и спать, без чего тело ребенка не сможет стать приютом души, не будет расти и крепнуть.

Второе — желание знать. Дитя стремится ко всему, что видят глаза и слышат уши: тянется к блестящему предмету, пробует его на ощупь и на вкус, ищет сближения с домброй или свирелью, услышав их необычные звуки. Подросши, он интересуется уже абсолютно всем: услышит ли лай собаки или звуки вечернего аула, смех или плач людей. Ребенок становится беспокойным. «Что это такое?», «Почему так получается?», «Зачем это делают?» От вопросов ребенка теряют покой взрослые.

Человек утверждается на земле, постигая тайны явлений природы или делая определенные умозаключения. Это отличает его от животного, выдает его душу, говорит о выделении разума и воли.

Но почему, вырастая, мы теряем это высокое стремление познавать мир? Почему мы точно так же, как в детстве, не забываем о еде и сне, когда нас

интересует что-то неизвестное? Почему не идем за теми, кто создает науку и открывает неведомое?

Мы должны были расширять свой кругозор, умножать сокровища, с неимоверным трудом накопленные на первых порах жизни. Жажда знаний владела нами, и надо было все остальное тоже подчинить высоким порывам души. Но мы не смогли этого сделать. Мы шумели и галдели, словно воронье, и не пошли дальше аульных распрей. Мы приземлили наши души, перестали верить своему чувству, довольствовались созерцанием, не вникая в сущность явлений. Оправдывались тем, что с другими, жившими подобно нам, не случилось еще ничего страшного. Со временем на разумные укоры у нас появились готовые доводы: «Твой разум для тебя, а мой — для меня», «Чем быть богатым чужим умом, лучше жить своим скудным умишком», «Каждому свое»...

В груди не стало тепла, а в сердце — веры.

И далекие дни детства представляются сейчас еще более прекрасными. То было утро, и мы стремились познать окружающее. Теперь мы взрослые. Но чем мы лучше животных, которые видят мир и не понимают его? Мы тоже ничего не знаем, однако дорожим своим невежеством и рьяно отстаиваем свое право оставаться в невежестве.

1891

СЛОВО ВОСЬМОЕ

Кто из нас способен последовать мудрому совету? Кто готов прислушаться к наставлению?

Бий и волостной глухи.

Они бы не стремились к власти, если б ценили мудрость и хотели набраться ума-разума. Но нет,— они считают себя верхом совершенства и уверены, что вправе учить людей. И, конечно, бию и волостному тут на руку их власть. Став великими, теперь, как они

полагают, им остается сделать великим свой народ. Разве могут они позволить себе прислушаться к советам других, да и где они выкроют для этого время?

Положение обязывает их не попадать впросак перед начальством, не обострять отношений с аульными смутьянами, не допускать в народе брожения. И всегда надо кому-то покровительствовать, кого-то спасать, а кого-то и брать в ежовые рукавицы. Разве это легко?

Нет, избранники народа слишком заняты.

Богачи считают себя владыками по меньшей мере половины мира. Взгляд их не опускается на землю, помыслы витают еще выше. По их мнению, все можно купить за скот. Даже бога можно соблазнить дарами. Честь, бесчестье, разум, наука, вера, народ для них не дороже скота. Разве прислушаются к добрым советам подобные люди?

Нужно пасти и поить стада, оберегать их от лиходеев, волков и непогоды. Для этого требуются честные и добросовестные пастухи, а таких и днем с огнем не сыщешь.

Нет, богачам тоже некогда.

И, конечно, не прислушаются к твоим советам воры, злодеи и мошенники.

Остаются бедняки, которые еле сводят концы с концами. Как будешь досаждать им необходимостью овладевать знаниями, когда они видят великий пример дурости волостных, биев, богачей? Ведь бедняку и без того хватает печали и горя, с которыми не знакомы эти прохвосты.

1891

СЛОВО ДЕВЯТОЕ

Странно отношусь я к своему народу. Не пойму, питаю к нему неприязнь или люблю?

Если б любил, то без малейшего сомнения одобрял бы его нравы и среди всех черт нашел хоть одну, достойную похвалы. Моя любовь не давала бы погаснуть вере, будто мои соплеменники обладают качествами, присущими великому народу. Но нет у меня этой веры.

А если бы не любил, то не разговаривал бы с сородичами, не советовался, не доверял бы им свои сокровенные мысли. Просто не мог бы общаться с ними, и не было бы мне дела до того, что среди них происходит. Откочевал бы, чтоб с глаз долой. Но не смог я сделать и этого.

Напрасно, видимо, я считаю себя земным жильцом. Здоровый телом, я кажусь себе мертвым и не знаю, какова причина опустошения души: то ли досада на свой народ, то ли неудовлетворенность собой, или еще что-то. Я мертв духом. Сержусь, но в груди не рождается гнев, смеюсь, но сердце не задыхается от радости; разговариваю, а слова кажутся чужими.

В юности у меня и в помыслах не было бросить свой народ и уехать куда-нибудь: я любил его и верил в него. Теперь я в совершенстве узнал казахов и не вижу впереди просвета. Но оказалось, у меня не стало и сил, чтобы уехать на чужбину и начать новую жизнь. Впрочем, к чему эта попытка?

Может, оно и лучше, когда прошлое не вызывает даже печали: последние дни все же удастся прожить, уповая на будущее, надеясь на чудо.

1892

СЛОВО ДЕСЯТОЕ

Люди молят у аллаха детей. Они хотят, чтобы дети кормили их под старость, молились за них, не дали погаснуть очагу. Справедливы ли эти желания?

Не дать погаснуть очагу...

А может быть, люди боятся за судьбу накопленного ими добра? Мысль о том, что он останется без наследника, а его имущество — без хозяина, наверное, мучила не одного человека. Но к чему заботиться об этом? Зачем перед смертью застилать свои глаза туманом жадности? В народе говорят: «Хороший ребенок — радость, плохой — горе». Знает ли человек, какого ребенка пошлет ему Всевышний? А он просит бога переложить на неокрепшие плечи сына свои муки и несбывшиеся мечты. Выдержит ли сын такую нагрузку? И так ли нужны молитвы сына? Если ты при жизни делал людям добро, то и без сына будет достаточно опечаленных твоею смертью, но если тобой содеяно немало зла, то и молитвы сына напрасны. Люди умирают сердясь, значит, они обрекают детей на непосильные дела. На этой земле еще не было случая, чтобы недостойный отец смог воспитать сына великим человеком.

Пустое и то, когда говорят, что сын будет кормить родителей под старость.

Во-первых, надо суметь дожить до старости, а это зависит только от тебя самого. Во-вторых, должна быть уверенность, что сын и вправду будет чтить добрые традиции степняков. В-третьих, кто откажется ухаживать за тобой, если у тебя, дорогой мой человек, полон двор скота?!

И любящий сын не сможет прокормить отца, если он бедствует сам, а ведь есть еще разница между детьми, умеющими добывать хлеб, и детьми, способными делиться с родителями последним куском. Хвала аллаху, если твой сын радеет за неимущих и убогих. А если нет? Возьмешь на себя и грех сына, которого, денно и нощно молясь, выпросил у Всевышнего?

Смешны потуги людей.

Сперва они обманывают свое чадо, суля ему то игрушку, то лакомства, и радуются сами, когда удается этим занять ребенка. Потом заставляют его поносить своих соседей — недругами ведь раньше становятся те, кто ближе, — и снова радуются. Проходит некоторое время, и люди ищут муллу — наставника, недорого берущего за учебу: им кажется достаточным, если сын научится лишь читать и писать. При этом мальчику вдалбливают в голову, что другие дети желают ему только зла и плетут наговоры. Я бы хотел видеть, какое добро сделает этот парень людям. Не забудьте: его выпросили у аллаха.

Люди жаждут богатства.

Правда, они не молят его у создателя, ибо знают: Всевышний наделил их силой, чтобы трудились, и разумом, чтобы овладевали наукой. Но сила не всегда используется для честного труда, а разум часто растрачивается попусту. Достаточно быть благо-разумным, уметь искать и работать без лени, чтобы в доме не иссякал достаток. Но люди хотят богатства и идут на угрозы, хитрость, попрошайничество.

И вот повержены честь и человеческое достоинство, и добыто желанное богатство. Используйте же его для получения знаний. Не способны сами, так пусть это сделают ваши сыновья, ибо без науки нет жизни ни на том, ни на этом свете. Без нее ничего не стоят ни молитвы ваши, ни посты, ни паломничества.

Но я не встречал еще человека, который, подлостью разбогатев, нашел бы потом достойное применение своему состоянию. Непрочен достаток, нажитый бесчестьем, он оставляет за собой лишь муки, горечь и злобу.

Я знавал богачей, хваставших тугой мощной, потом встречал их банкротами. Они не забывали былого довольства, но не стыдились ходить и с протянутой рукой.

1892

Степь заполнили воровство и подстрекательство.

Вор пытается разжиться кражей скота, а богач, как пострадавший, норовит вернуть свое добро с лихвой. Служители правосудия, разумеется, обдирают и истца, обещая восполнить ему убыток, и вора, суля ему свободу. Да и прочим ловкачам тоже не хочется упустить кусок. А выбор у них большой: можно, например, донести на вора, можно помочь ему скрыться, а можно и скупить за бесценок краденое.

Воровство процветает на ниве подстрекательства. Смутьяны ужом заползают в дома и подбивают людей на тяжбы. Одним они нашептывают, как стать властителем, другим — как отомстить своим недругам, третьим — как набить карман. Они не знают стыда и покоя, сбегаются туда, где пахнет произволом.

Под стать баламутам, стоящим у власти. Им уже совсем легко натравливать людей друг на друга и, подобно вампирам, высасывать из них кровь. Они и занимаются этим без зазрения совести.

От всей этой вакханалии томятся простые люди. Они встают стеной за обиженного сородича, сходятся аул на аул, истекают кровью, потом ищут себе союзников, где-то идут против совести, продают честь, жену, сородичей. Со временем и не разобрать, за что они сражались и чем поплатились за это.

Все оказались опутанными липкой паутиной подстрекательства и вовлеченными в воровство и забыли о честном труде. Баи разучились пасти скот, бедняки голодают. Пустыми стали понятия о клятве, дружбе, честности и совести.

Когда же придет конец всему этому? Можно бы пресечь воров, но как укротить богачей, плодящих смутьянов?

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ

У нас не повернется язык осудить человека, который совершает то или иное дело, оставаясь благочестивым. Подкупает его чистое, благое намерение, и мы сожалеем лишь о том, что этот человек не обладает еще и знаниями. Да, мало быть богобоязненным, и хорошо, если бы люди всегда помнили два необходимых условия: первое — это убежденность в могуществе веры, второе — стремление к познанию ее смысла.

Если кто-либо уверовал, что он познал смысл религии и жизни, и перестал учиться, то пусть знает — благочестие его ненастоящее. Люди же, которые надевают чалму и величают себя поборниками поста и молитвы, считая только это главным в богослужении, достойны уже осуждения, ибо они не думают о возвышении души, а ищут удовлетворения и покоя.

Нет истинной веры без усердия и воздержанности ее слуг, без переживаний и борьбы за ее чистоту и возвышенность.

1892

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ

Быть правоверным — значит верить во всемогущество и беспорочность аллаха и принимать иман как учение пророка о всеединстве аллаха и земного бытия.

Есть два вида служения аллаху.

Первый — когда принимают иман, зная, как защитить и укрепить его разумными доводами. Это сознательная вера, и осуществляющих ее можно назвать вероисповедателями.

Второй — когда люди становятся богобоязненными со слов муллы или от чтения священных книг. Это слепая вера, и исповедующих ее основное большинство.

Но истинными верующими, конечно, следует признать тех из них, чьих убеждений не смогут поколебать ни угроза смерти, ни тысячи изощренных доводов тысяч людей. Нетрудно догадаться, что таковые должны обладать бесстрашным сердцем, неукротимым духом, неслабеющими суставами.

А как назвать тех правоверных, которые не посвящены в тайны науки, чтобы проповедовать иман, и не настолько крепки духом, чтобы слепо следовать за верой? Тех, кто выдает черное за белое, а белое за черное и не знает цены клятве? Храни нас аллах от таких! Нет иной веры, кроме сознательной или слепой, и тот, кто извращает иман, пусть знает: его ждет кара. В этом проявится и величие аллаха и доброта пророка.

Пусть же будут прокляты люди, чья правда вмещается в лживую пословицу, которая гласит: «Нет клятвы, которую не разрубил бы булат, нет греха, которого не простил бы аллах».

1892

СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Самое дорогое у человека — это его сердце. У казахов понятия «мужество» и «трусость» родились от слова «сердце». В народе батыра называют «журекти», что означает — джигит с настоящим сердцем, труса кличут «журексиз», то есть человеком, у которого сердце отсутствует.

Все лучшие человеческие качества, такие, как отзывчивость, сострадание человеческому горю и человеколюбие — рождаются сердцем. Даже торопливость идет от сердца. И не бывает лжи, когда язык послушен сердцу, а если язык лжет, значит, сердце просто-напросто обмануто.

Человек с настоящим сердцем послушен совету и верен своему слову; он не сможет, подобно собаке,

плестись за караваном, а, напротив, способен в самых тяжелых условиях вывести на верный путь заблудших; он готов покориться истине, как бы это ни было для него трудно, и сумеет не склонить головы перед несправедливостью. Таким видится батыр — человек мужественный и стойкий, не с волчьим сердцем в груди, а с трепетным, человеческим.

Казах тоже человеческое дитя, и ему, как и другим людям, свойственно ошибаться. Но заблуждается он не потому, что глуп, а потому, что ему не хватает твердости внять голосу рассудка. Сердце виновато.

Я не верю людям, когда они говорят, что совершили зло по неразумению. Скорее это случается от слабости воли и пренебрежения к чести. А познав вкус дурного, человек не сразу освобождается от него. Не каждому дано совершить такой подвиг.

Я заметил еще, что джигитов зачастую ввергают в беду, подогревая их громкими кличками: крепкий джигит, храбрый джигит, ловкий джигит... А ведь яснее ясного, что не только настоящим джигитом, а даже просто человеком трудно назвать того, кто потерял честь и не чувствует стыда, кто потерял над собой власть и совершает подлость.

1893

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ

Разница между умными и глупыми людьми представляется мне своеобразным мериллом для сопоставления противоречивого.

И действительно, умный человек стремится принести пользу людям; уши его открыты советам, а память — кладовая светлой грусти. Он постоянно ищет в мире удивительное, необычное, и дни этих поисков представляются ему потом самым прекрасным временем его жизни. Никогда он не жалеет о своем прошлом.

Глупый же никак не найдет своего места в жизни. Он увлекается чем попало, заполняя дни бесплодными, бессмысленными затеями. Молодость не вечна, но глупец не думает об этом. Предавшись потехам, он становится ненасытным и однажды, слишком поздно, замечает, что время согнуло его. Вот и получается, что лучшие годы прошли в собачьих хлопотах, а старость омрачена горьким раскаянием.

Соблазн губит человека. Он зажигает в крови огонь страсти, а страсть — это уже болезнь, ибо она опьяняет человека. Глупец, предавшийся страсти, подобен дураку, который, задрав нос, несется без шапки на соседнем коне, прикрыв его круп полами своего чалата.

Умный в это время добивается своего без особого шума, не выставляя себя на посмешище и не теряя головы.

Тот, кто хочет быть в стане разумных, должен раз в день, или раз в неделю, или хоть раз в месяц отдавать себе отчет: как он прожил эти дни, сделал ли что-то полезное для народа, не ждет ли его в будущем раскаяние. А может ведь случиться и так, что и вспомнить-то будет нечего.

1893

СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Казаха не очень-то заботит его непогрешимость перед Всевышним.

Он считает достаточным делать то, что делают другие. И вот он падает на колени, творя молитву, встает и снова бьет поклоны. Можете убедиться: он чтит бога.

Интересно сравнить это с его доводами купцу, приехавшему в аул за долгом. «Вот все, что я смог найти,— говорит он,— хочешь — бери, не хочешь — не надо. Не могу же я достать невозможное только из-за того, что задолжал тебе». Подобной хитростью,

конечно, можно отвязаться от купца, бога — и проведешь. Но какова попытка?

Разгадка же тут более чем проста. Не хочет степня обременять себя лишними хлопотами, учиться, развивать язык. «Это все, что я знаю,— отчаянно защищается он.— Не могу же я на старости лет переучиваться!» Или с искренним видом утверждает: «Лишь бы не упрекали, что не учен, а в том, что не могу умно говорить, я не виноват. Такой уж у меня язык...»

И между тем прекрасно понимает, что Всевышний дал ему совсем неплохой язык, точно такой же, как всем людям.

18

СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ

Сила, Разум и Сердце поспорили, кто из них нужен человеку. Убедившись, что не смогут прийти к согласию, они обратились за помощью к Науке.

— Послушай, Наука!— сказала Сила.— Ты ведь знаешь, что без упорного труда нельзя достичь ни мастерства, ни богатства. Только я оберегаю от легкомыслия, от позора мелочных, не достойных человека дел, от стремления к легкой наживе. Лишь я не даю им падать духом и возвращаю их на верный путь, когда они даже среди белого дня умудряются сбиваться с него. Послушай, Наука! Работая без усталости и сна, люди овладевают тобой, выходит, своим взлетом ты тоже обязана мне. Работая без усталости и сна, становятся людьми слугами господними, выходит, своей жизнью человек обязан мне. Так скажи, Наука, почему спорят со мной эти двое?..

И заметил тогда Разум:

— Я определяю, что полезно и что пагубно для человека и в земной и в загробной его жизни. Разве не на этом держится вечная жизнь? Люди поступают по моему велению, следовательно, я знаю цену чело

мической силе и понимаю язык науки. Как же можно спорить со мной, если без меня люди не ведают, где искать выгоду, как уберечься от беды, каким образом постигать науку?..

Не выдержало Сердце:

- Я — царь жизни!— воскликнуло оно.— Я гоню кровь по жилам, во мне обитает душа, потому и нет без меня жизни! Я отравляю сон сытых, нежащихся в мягкой постели в теплом доме, заставляя их страдать за убогих, голодных и бездомных. Мной держится почтение к старшим и снисхождение к младшим. Я — справедливость, удовлетворение, совесть, благодарность и милосердие. Что без меня Сила и Разум? Только люди неспособны сохранить меня таким и потому сами становятся разными. Но я — царь жизни! И мое назначение невозможно оспаривать!

Выслушав всех троих, заговорила Наука:

- Слушай, Сила, все, что ты говорила,— истина. Ты сейчас не упомянула о многих своих достоинствах, в том тоже проявилась твоя сила. Без тебя немыслима жизнь. Но иногда твои возможности оборачиваются для людей жестокостью. Хватка у тебя твердая, и когда ты сторонник неправды — приходит беда. Много от тебя пользы, но немало бывает и зла.

Послушай, Разум, и ты говорил правду. Нет приобретений без разума. Тебе дано открывать людям тайны природы, жизни, души, верно, что даже о своем создателе люди узнают от тебя. Ты владеешь тайнами бытия обоих миров, но это не удовлетворило тебя, и ты стал плодить хитрость и коварство. Тебе ведомы пути к сокровищам обоих миров, и потому на тебя стали опираться и плохие, и хорошие люди. И беда в том, что ты с одинаковой готовностью исполняешь желания и тех, и других.

Вы просили меня определить, кто из вас представляет для человека большую ценность. Но я не хочу противопоставлять вас друг другу.

Пусть повелителем для всех будет Сердце.

Ты, Разум, многогранен и разнолик, а Сердце будет следовать за каждым твоим решением. Хорошее оно одобрит и подчинится ему с великой радостью. Плохое не примет, скорее отречется от тебя.

Ты, Сила, могущественна и крута, а Сердце не будет давать тебе воли. Для добрых дел оно не пожалеет тебя, от недобрых удержит.

Соединитесь же вместе, и, как я уже говорила, пусть вами руководит Сердце! Если это произойдет, и вы сойдетесь в одном человеке, то он станет праведником. Пыль с подошв его ног будет исцелять слепых. В этом – в гармонии и чистоте человеческой жизни – и заключается смысл существования великого мира.

Если же вы не сможете объединиться, то я отдаю предпочтение Сердцу – царю человеческой жизни.

Так решила спор Наука.

18°

СЛОВО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Человеку к лицу справная, чистая и ладная одежда. Плохо, когда он не следит за собой и одежда его грязна и помята, но еще хуже, когда человеком владеет страсть одеваться не по средствам и он кичится своим нарядом.

Есть две категории щеголей.

Одни просто следят за своей внешностью: холят лицо, подрисовывают брови, то и дело поправляют усы и бороду и, подобно кокеткам, играют глазами, перебирают пальцами.

Другие извлекают из щегольства определенную выгоду. Для них красивое платье и хорошая лошадь – источник существования. Поэтому на выездах и пирах эти франты всегда на виду. Они привычны к похвалам старших и огорчениям сверстников и радуются, когда младшие смотрят на них с завистью.

Все это постыдно и глупо.

Человек не должен увлекаться щегольством, ибо, поддавшись соблазну однажды, он не сможет легко побороть его, а значит, потеряет свой облик. Красивым и сильным делает человека его ум, образованность, честь и обаяние. Больше ничто. И глуп тот, кто хочет возвыситься иным путем.

1893

СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Человек не появляется на божий свет разумным. Он становится им, слушая людей, видя их дела, трудясь в поте лица. Он постепенно начинает отличать хорошее от дурного, а если ему суждено немало пережить, то он, конечно, и многое узнает.

Человек набирается ума, запоминая слова мудрых. Но любая беседа, какой бы она ни была поучительной, сама по себе ничего не даст. Из услышанного, подобно тому, как очищают зерно от шелухи, надо выделить истину, которую можно употребить с пользой. Так шлифуется разум человека.

Но есть и другая сторона этого процесса.

Если человек кичлив и не переспросит у мудреца непонятное для себя место, или, если он беспечен и, переступив порог, тут же забудет услышанное, то какой толк от того, что он слушал мудрые слова? Он оказался невнимательным и глупым человеком, не способным оценить ум. О таких, наверное, и сказал мудрец: «Чем поучать людей, не понимающих слова, лучше пасти свиней, которые признают тебя».

1893

СЛОВО ДВАДЦАТОЕ

Судьбу, сами знаете, невозможно изменить. И судьбою, кроме всего прочего, человеку дано пережить и чувство пресыщения. Оно навязчиво, это чувство, и, познавши его раз, уже нелегко от него избавиться. Его можно отбросить, собравшись с силами, но оно обязательно возвратится и, в конце концов, одолеет тебя.

Нет вещи, которая не надоела бы не только умному, но и сколько-нибудь мыслящему человеку. Все придется: и пища, и игры, и смех, и похвала, и наряды, и пиры, и друзья, и даже женщины. Во всем человек находит изъян и беспорядочность, и остывает его былое, казавшееся крепким, чувство привязанности. Мир зыбок, ненадежны силы человека, обманчива жизнь. Ни одному живому существу не дано постоянство. Как же после этого можно упрекать в изменчивости человека?

Чаще всего пресыщение мы встречаем у людей умных, перевидавших на своем веку всякое и переживших не однажды горький стыд за ближних. Я думаю, что люди устают от быстротечности счастья. И в такие минуты мне особенно кажется, что судьба глупых и беспечных людей подобна удаче.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

От похвал невозможно уберечься.

Одних превозносят за то, что они не хвалятся сами. У этих людей, можно сказать, высокое имя. Они считают себя вне всяких похвал и больше всего заботятся о том, чтобы не прослыть глупыми, легкомысленными, бессовестными, мягкотелыми и бесполезными. Они страшатся прослыть обманщиками, вымогателями и сплетниками, считая носителей

подобных качеств низменными людьми, и, конечно, ставят себя выше их. Это свойство умных и совестливых. Для них важно не то, что их не будут хвалить, а то, что не отнесут к разряду ничтожных.

Другие же, наоборот, из кожи лезут, чтобы удостоиться лестных отзывов. Они счастливы, когда их гладят по головке и называют баями, батырами или удалцами. И странно то, что они не желают слушать плохих слов о себе, предпочитая оставаться глухими.

Это и есть настоящая хвастливость, и одержимые ею делятся на три категории.

Первые ищут таких похвал, которые поразили бы и чужаков. Представитель этого рода хвастунов, разумеется, глупец, но при этом все же человек.

Вторые добиваются похвал, чтобы блистать среди своего народа. Мы, безусловно, имеем дело с полным глупцом и далеко не полноценным человеком.

Третьи, подобно крохоборам, наскребают похвалы, которые оценят хотя бы в собственном доме. Эти, несомненно, из породы идиотов.

И вот что еще любопытно. Тот, кто стремится быть заметным в глазах врага, добивается, чтобы его поднял на щит народ. Тот, кто хочет, чтобы его почитал народ, домогается похвал своих соплеменников. А среди близких родственников хвастун сам себе судья и, конечно, возносит себя до небес.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Кто сегодня среди казахов достоин уважения и любви?

Баев невозможно почитать, потому что их, как таковых, нет. Баи должны быть независимыми, а эти, кого мы сегодня видим, не могут свободно распоряжаться даже собственным богатством. Враждуя с соперником, богач набирает себе сотню джигитов для

защиты и платит им за службу скотом. При этом глупо полагает, что поступает так по своей воле. Нет, он не одаривает их по доброте или в благодарность за услугу. Природа богача такова, что он несет в себе смуту и раздоры, плодит проходимцев и рыцарей ночи, и, в конце концов, приходит расплата: богач сам становится их жертвой и униженно раздаривает свое добро налево и направо.

Не осталось и настоящих мурз – потомственных вельмож. Слово «мурза» в народе понимается как «щедрый». Так вот, теперь щедрых не найдешь, а кинешь камень и обязательно попадешь в мурзу, который только и умеет брать и давать взятки. Вот уж поистине: «Берущая рука привыкает и отдавать...»

Нет, и мурзы теперешние не достойны уважения.

Можно бы почитать биев и волостных правителей, но они получили власть не от бога. Они купили ее или выпросили. Как после этого заставишь себя склонить голову перед такими?

Приятно почитать сильных людей, но не стало среди них радеющих за добрые дела. А сильных в дурном хватало во все времена. Разве стоят они человеческой любви?

Хочется уважать умных, но не сыскать в степи благородных и совестливых. А на хитрость и коварство у людей всегда доставало ума. Разве достойны они человеческого внимания?

Уважал бы я невезучих упрямцев, убогих и беспомощных, но не из робости порой не решаются они сесть даже на лежащего верблюда. Если представится им такая возможность, то, пока верблюд будет подниматься, они сумеют что-нибудь урвать.

Остаются хитрецы и мошенники, а они не угомонятся, пока не сведут тебя в могилу. Ты им не нужен.

Так за кого же болеть на этой земле и кого любить?

Выходит, только за кротких, которые следуют пословице: «Жажущий счастья избегает тягб». Они

терпят неслыханные унижения от воров, лиходеев и плутов, но плохи даже тогда, когда уступают свое кровное имущество. Судьба научила их безропотно отдавать одну половину своего достояния, чтобы спасти вторую. Скромнее их не найти на этой земле, и, может, стоит все же пожелать их благополучия!..

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Есть у человека одна особенная радость и одно утешение, не делающие ему чести.

Радость эта такая: отыщет он в народе скверного человека, увидит чей-то дурной поступок, которого он сам никогда не совершил бы, и чувствует себя на седьмом небе. «Упаси аллах уподобиться такому! — замечает он не без удовольствия. — А ведь он считает себя человеком. Разве по сравнению с ним я не чист?.. Не лучезарен?»

Но разве Всевышний сказал ему, что достаточно быть лучше дурного человека? Где та светлая голова, которая убедила его, что он хороший только потому, что на свете есть люди недобрые и глупые?

Когда распределяют призы на байге, в которой участвовало сто лошадей, то какой толк справляться у отставшего, скольких он перегнал? Какая радость от того, что за ним пришли, скажем, еще пять или десять скакунов?

Разве ценность человека определяется сопоставлением его с плохими людьми, а не с лучшими из лучших?

Часто человек находит утешение в том, что будто бы живет как и другие. «Нет ничего зазорного, если я не выделюсь среди людей, — рассуждает он с легким сердцем. — Той, который празднуешь со всеми, — самый великий той. Хвала Всевышнему за успокоение».

Но разве аллах сказал ему, что довольно, если он не отстанет от толпы? Или поведал ему, будто им, Всевышним, толпа не наказуема?

Кто знает: науку движет кто-то один или она достояние всех?

Кто ответит: разум — совокупность знаний многих или духовная сила одного?

И разве не нуждается заблудшая толпа лишь в одном человеке — ясновидце?

Что легче: когда в доме больны все или половина семьи здорова?

Что лучше в дороге: когда изнурены все лошади или когда половина из них не в состоянии продолжать путь?

Лучше, когда от джута разоряется весь народ или какая-то его часть?

Так почему же для глупого должно служить утешением существование безмозглых дураков?

Разве жених убедит невесту, если скажет, что у него дурно пахнет изо рта только потому, что в его роду у всех так пахло?

Вряд ли невеста будет удовлетворена и скажет ему: «Будь как и все в твоём роду, не выделяйся среди них».

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Земной шар населяет свыше двух миллиардов человек, казахи же составляют около двух миллионов¹.

Казахи по-своему стремятся к богатству, овладению ремеслом и знаниями, по-своему дружат и враждуют.

У них свои понятия о хвастовстве и силе.

Всем отличаются казахи от остальных народов: не спуская глаз выслеживают друг друга, не смыкая глаз враждуют друг с другом, обкрадывают самих себя.

¹ Абай, по-видимому, приводит здесь только численность казахов, населявших бывший Степной край, куда входили территории Семипалатинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской областей, а также некоторые районы Омской области. (Прим. переводчика).

А ведь есть на свете города с населением, превышающим три миллиона человек, немало можно найти людей, трижды обошедших всю землю.

Почему нас не интересует жизнь других народов?

Неужели нам суждено вечно быть на ножах друг с другом? Быть посмешищем в глазах всего мира? Или, может быть, настанет день, когда среди казахов исчезнут воровство, ложь, сплетни и вражда, когда казахи научатся приумножать свои стада честным путем и усвоят искусство и ремесла других народов, когда они овладеют знаниями?

Не верится в это, когда видишь, как двести человек зарятся на сто голов скота, и знаешь, что они не успокоятся, пока не уничтожат друг друга.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Обучать детей хорошо, но, чтобы они служили своему народу, надо учить их родному языку. На нашей земле это становится почти невозможным. Сейчас люди стараются сперва разбогатеть, а потом дать образование детям на арабском и персидском языках.

Голодному человеку нелегко сохранить благообразие и честь, еще труднее сохранить постоянное стремление к наукам. Бедность и, как следствие, вражда с родичами часто приводят человека к беде: он втягивается в воровство, прибегает к насилию и коварству, привыкает к плутовству. Только тогда, когда человек свободен от заботы о куске хлеба, он сам чувствует необходимость знаний и культуры и прививает эту жажду своим детям.

Нужно овладеть русским языком. У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учеба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все

лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы, и избежать его пороков. Знать русский язык — значит открыть глаза на мир.

Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом, он чувствует себя вольно, и если заботы и борьба этого народа ему по сердцу, то он никогда не сможет остаться в стороне. Такова природа человека.

Но немало людей, которые пытаются добиться милости сильных и знающих, раболепствуя и пресмыкаясь перед ними. Эти невежды способны продать отца и мать, родных и близких, веру и честь, если их благосклонно похлопают по плечу. Ради того, чтобы вызвать улыбку на лице майора¹, любой из них готов оголить свой зад. Такова природа невежды.

Русская наука и культура — ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно намного облегчить жизнь нашего народа. Например, мы познали бы разные, но в то же время честные способы добывания средств к жизни и наставляли бы на этот путь детей: смогли бы защитить аулы от несправедливых царских законов; успешнее боролись бы за равноправное положение нашего народа среди великих народов земли.

Больно оттого, что казахи, обучившие своих детей по-русски, норовят при помощи их знаний пожить за счет своих же соплеменников. Родители вкупе со своими родственниками и близкими портят детей. И все-таки эти дети намного превосходят неграмотных, ибо возможности их чрезвычайно высоки. Заставить же их трудиться надлежащим образом, так, чтобы они принесли пользу, думается, несложно.

Обеспеченные семьи у нас неохотно отдают детей на учебу, насильно посылаются в русские школы дети бедняков. Вот почему мы не видим сегодня среди образованных ни одного заметного человека.

¹ Подразумевается царский военный чиновник. (Прим. переводчика).

Иногда родители, ссорясь друг с другом, говорят: «Чем терпеть обиду от тебя, лучше отдать сына в солдаты, а самому отрастить волосы и перестать бриться». Из-за обиды они грозятся принять облик и обычай чужого народа. Где уж детям стать большими людьми, если они даже и будут учиться?

Я не видывал еще детей, упорно и основательно овладевающих знаниями: у нас все делается поверхностно, урывками, на ходу. Иные казахи, например, с трудом соглашались отдавать детей в школы даже тогда, когда все расходы за обучение несет община.

Путь, который я предлагаю, исключает любовь к богатству. Не торопись женить и выделить сына в отдельную семью, а обучи его сперва в русской школе. Пожертвуй всем своим имуществом, если это требуется для учебы. Ничего нельзя жалеть ради того, чтобы из сына вышел человек. Не будет успокоения тебе, если сын останется невеждой, не будет счастлив он сам, и не будет от него блага народу. Вечный страх перед создателем и вечный стыд перед людьми тебе за такого сына.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Казах рад до безумия, когда в трудной байге приходит первым его скакун, побеждает борец-земляк, удачно бьет птицу сокол, возвращенный им, красиво берет зверя его гончая. Уверен, что нет для него большей радости в жизни. Но разве может быть такой уж большой радость, вызванная преимуществом одного животного перед другим или превосходством человека над своим соперником? И потом, не тот восторженный сам и не его сын победили в турнире борцов, и не сами они пришли первыми на своих скакунах. Вот и получается, что эта радость скоротечна и гложет внутри своего народа. Это навевает

горькие мысли. Получается, что у казахов нет других соперников и врагов, чем сами казахи, и победой на ничтожных состязаниях они лишь досаждают друг другу. А разве можно возвести в ранг доблести зло, содеянное ближнему? Желать зла другому, значит, противоречить законам шариата, вредить и своему, и чужому хозяйству, идти наперекор рассудку.

Горько и оттого, что кое-кто принимает поражение своего скакуна, как свое собственное, и стыдится этой неудачи.

Резвые скаковые лошади есть не только у казахов. И ловчая птица, и гончий пес могут быть достоянием любого: сегодня они у одного, завтра у другого; и сильные джигиты рождаются в разных аулах. Да и не постоянны победы того или иного борца в турнирах, и не всегда в хорошей форме соколы и гончие. Чего же, казалось бы, тут стыдиться? А я встречал людей, готовых скорее провалиться сквозь землю, чем видеть на состязаниях поражение родного аула.

Отсюда я и заключаю, что невежественный народ радуется тому, чему не стоит радоваться. И радуется он при этом так, что буквально теряет голову и, словно пьяный, говорит и не понимает смысла своих слов. А стыдится он того, чего совершенно не следует стыдиться, и опускает глаза, когда, наоборот, нужно гордо вскинуть голову. Все это плоды невежества и глупости.

И когда таким людям говоришь об этом их несчастье, они соглашаются с твоими доводами. «Ты прав, — подхватывают они, — прав, чего тут толковать».

Я не верю им, потому что знаю: завтра они снова примутся за свое.

Невозможно доказать этим людям всю лживость их нравов. Даже когда их удастся в этом убедить, они не в состоянии измениться. Они подобны животным, не изменяющим своим привычкам.

Только сильный страх или смерть избавляют слабых от позора. Я, например, не встречал людей, которые

вернулись бы к разумной жизни, легко отбросив дурные наклонности, которые искренне признали бы свою вину перед собой и по доброй воле последовали разуму.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ (по Сократу)

Однажды великий мыслитель Сократ завел с ученым Аристодимом, своим учеником, разговор о служении людей всеильному и всемогущему богу. Аристодим не признавал бога и смеялся над теми, кто преклонялся перед волей господней.

— Эй, Аристодим, есть ли люди, вызывающие твое восхищение своими творениями?— спросил Сократ своего ученика.

— Сколько угодно, высокочтимый учитель,— ответил тот.

— Назови мне хоть одного из них.

— Я восхищаюсь величию поэзии Гомера, трагедиями Софокла, вернее, его искусством перевоплощаться и постигать душевное состояние других, живописью Зевксиса.

Он назвал еще несколько одаренных мужей, чьи имена в то время были широко известны в народе.

И снова спросил его Сократ:

— Если так, то кто достоин большего восхищения: Всевышний, который сотворил человека, сделав его венцом всего живого и разумного, или же художник, создающий хоть и с неповторимым мастерством, но все же лишь неживое подобие человека?

— Всевышний,— ответил Аристодим.— Но это верно только тогда, когда мы имеем дело не со случайными его творениями, а с теми из них, которые он создал разумно.

– Но люди знают немало полезных вещей, в жизни возникают различные ситуации, в природе происходят объяснимые и необъяснимые явления, – возразил Сократ. – Что же все-таки удивительнее, Аристодим: те вещи, ситуации и явления, смысл и полезность которых не прикрыты завесой неизвестности, или наоборот?

– Я думаю, разумно только то, что создано для пользы человека, – ответил Аристодим.

– Хорошо. Ты согласишься, конечно, с тем, что вершина творений создателя – это человек. Но разве творец не наделил его пятью органами чувств, будучи совершенно уверенным в их необходимости человеку? Неужели ты находишь в человеке случайные, неразумные органы?

Например, нам даны глаза, чтобы видеть. Если бы их не было, как бы могли мы любоваться красотой мира? Глаза нежны, и для того, чтобы сохранить их, существуют веки: они открывают и, когда нужно, закрывают глаза. Ресницы оберегают глаза от ветра и соринки, а брови отводят пот, стекающий со лба.

Если бы не было ушей, человек не слышал бы ни шума, ни грохота, не настораживался бы от шороха или крика, не наслаждался бы песнями или звуками мелодий.

Если бы нос не чувствовал запахов, человек не тянулся бы к благовониям и не бежал бы от зловония. Ему было бы все равно.

Наконец, если бы у человека отсутствовали небо и язык, то он не смог бы изведать сладость или горечь пищи.

Разве все это не на пользу дано человеку?

Глаза и нос расположены недалеко от рта, чтобы человек видел чистоту и слышал запах принимаемой еды. Однако другие необходимые организму отверстия, извергающие отбросы из тела, расположены подальше от головы, от благородных органов поз-

пания. Разве можно сказать, что все это случайное проявление разума творца?

Задумался Аристодим. И признал он, что создатель мира обладает высшим разумом. Не осталось у Аристодима сомнения и в том, что Всевышний сотворил человека с любовью.

— Подумай, Аристодим,— продолжал Сократ.— Все живое любит своих детенышей, не оставляет их на произвол судьбы, а защищает и растит. Все живое плодится — это основное условие жизни, ибо только так можно противостоять смерти. Разве эти устремления живых существ не говорят о том, что бог создавал их любя? Любовь, как видишь, тоже дана Всевышним.

Эй, Аристодим! Как можно считать, что ум — достояние только твое, человека? Разве человеческое тело не подобно песчинке той земли, по которой он ходит? Разве пот, который выделяется из человеческого тела, отличается от капель земной влаги? Так откуда у тебя взялся особый ум? Я знаю, как ты ответишь: «Сперва,— скажешь ты,— появилась душа, а потом пришел и разум». И вот ты обладаешь душой и разумом. Что из этого? Ты увидел мир, убедился, что все в нем создано целесообразно и все соответствует и подчиняется определенным законам. Но ты оказался не в силах охватить своим разумом безграничность этого мира. Ты поражаешься величию и недоступностью его истины только потому, что разум твой невелик. Потому и стараешься ты познать его. Так как же он возник? Что стоит у его истоков? Атом или некий разум, такой же беспредельный, как и его творение? Можно исключить разум. Но и тогда этот мир, не доступный ни измерению, ни расчету, возникал не стихийно, а как закономерное движение жизни, не сам по себе, а для возможности жизни в нем. И все взаимосвязи в мире, должно быть, подчинены немыслимому закону прекрасного.

– Все, что ты говорил, – истина, – заметил ученый. – Повторяю, я согласен с тем, что создатель является носителем высшего разума. У меня и в мыслях нет сейчас ставить под сомнение его величие, но почему он, всемогущий, нуждается в моем служении ему, в моих молитвах?

– Ты ошибаешься, Аристодим. Он не нуждается в твоих молитвах. Но ты должник, поскольку он проявляет о тебе заботу.

– Откуда я могу знать, что он заботится обо мне?

– А ты посмотри на всех животных и посмотри на себя! – воскликнул Сократ. – Жизнь дана всем. Но всему ли живому даны тепло души, одухотворенность и озарение? Человек предполагает будущее, пытается осмыслить настоящие дни своей жизни, задумывается о пережитом. Животное смутно представляет свое прошлое и настоящее, а будущее оно и вовсе не понимает. Посмотри, как сложен человек и что представляют собой животные? Человек опирается на две ноги и растет прямо вверх: в пору ему видеть весь мир, осмысливать его, повелевать животными, подчинять их себе. Животные же не способны сознательно использовать силу других тварей: одни животные надеются на свои быстрые ноги, другие – на крепкие крылья.

Ничего бы путного не вышло, если бы человек не верил в себя или тело его было подобно телу какого-нибудь животного. И точно такая же была бы несурязица, если бы животное имело человеческий ум, ибо тело животного, его физическая организация не соответствуют духовному проявлению разума, не отвечают таким предназначениям, как осмысление искусства, овладение медициной, занятие наукой. Где, например, вола строить огромный город, готовить инструменты, ковать боевое оружие? Как он добьется этого? Даже если ему будет дан исключительный ум, откуда у вола возьмутся необходимые мастерство и ловкость?

Человек, только он обладает исключительной силой — разумом, изумительно сложенным телом, и это сочетание определяет его многогранность и высокий талант. Разве человек не является царем всего живого на земле? А если он высшее творение бога, то разве не означает это, что человек был удостоен его любви? Как же человеку, будь он даже самым великим ученым на земле, как же человеческому роду не быть благодарным творцу и не считать себя вечным его должником? — заключил разговор Сократ.

1894

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Эй, мусульмане! Почему так устроена жизнь, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни умны, другие глупы, одни предрасположены к добру, другие, наоборот, склонны к злодеяниям?

Когда вас спрашивают об этом, вы смиренно отвечаете, что такова, мол, воля Всевышнего.

Но ведь мы с вами приняли иман и стали правоверными, веря в справедливость, непогрешимость и безупречность аллаха! Как же так?

Какого-то клятвопреступника аллах наделяет скотом, а честного, усердного в молитвах труженика ввергает в бездну нищеты, ни разу не предоставив ему радости увидеть плоды своего труда и возможности прокормить семью.

Какому-то вору или мошеннику он дает крепкое здоровье, а безвинного тихоню изводит тяжелым недугом.

Из двоих детей одних и тех же родителей одного аллах создает умным, а другого — глупым.

Он, казалось бы, предложил единственно верный путь, призвав все человечество быть честным и справедливым: честных он обещал взять в рай, нечест-

ных отправить в ад. Но только аллах повелевает человеческой душой и, значит, он сам настраивает одних на добрые дела, а других толкает на грех.

Разве все это говорит о непогрешимости, милосердии и справедливости Всевышнего?

И народ, и имущество народа — все в руках аллаха. Что же он делает? Он распоряжается своим имуществом, как ему заблагорассудится. Поскольку все от аллаха, то что остается на земле простому смертному? Чего он сможет сам добиться? Значит, нечего людям обижаться друг на друга, ибо и тот, кто совершает зло, и тот, кто творит добро, будут одинаково ссылаться на волю аллаха. И если это нельзя назвать пороком, то не означает ли оно, что у Всевышнего все же есть недостатки, о которых мы не осмеливаемся говорить?

Творец считает необходимым, чтобы каждый разумный был благочестив, и чтобы каждый благочестивый безропотно выполнял требования имана. Попробуем дать волю разуму: ведь ни одно правое дело не должно бояться испытания им. Но что тогда останется от требования аллаха, чтобы каждый разумный был и благочестивым? Куда денутся его слова: «Познать меня удастся лишь разумом». Когда в вере существует призрачность, некий обман, как заставишь себя не думать об этом?

Значит, религия возникла там, где когда-то остановился разум! И, значит, слепое повиновение ни к чему не приведет, пока мы не доведем иман хотя бы до подобия совершенства. Но сейчас до этого немыслимо далеко, и остается верить в то, что ты, аллах, создал плохое и хорошее, но не ты заставляешь людей совершать добро или зло; ты, аллах, создал болезни, но не ты заставляешь людей мучиться ими; ты, аллах, создал роскошь и нищету, но не ты превращаешь людей в богачей или бедняков.

Иначе невозможно тебя понять.

1895

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

У казахов немало толковых, дельных пословиц, но есть и такие, что не выдерживают не только божьей, но и людской оценки. Говорят: «Будь беден, но не теряй чести». Справедливо сказано. Ибо, потеряв честь, человек обрекает себя на жалкое существование. Нет ничего унижительного, если тебя призывают к самому тяжкому, мучительному, но честному труду. Не все мужественны, и не каждый откликнется на зов. Достойные вступают на путь борьбы, недостойные выбирают безделье и попрошайничество.

Говорят еще: «Умением можно и снег разжечь», «Умелой просьбой все возьмешь». Эти пословицы заслуживают божьей кары. Чем жить в унижительных поисках слов, способных разжалобить скрягу, или ломать голову над тем, как «снег разжечь», не лучше ли просить достатка у земли или надеяться на свой труд? Бытует пословица: «Если ты безвестен, то подожги поле». Но какой прок от славы, добытой злодеянием?

Есть и такая пословица: «Чем сто дней слоняться выхолощенным верблюдом, лучше один день безумствовать бурой¹». Но что толку от однодневной безумной страсти, которая сгибает твое тело?

Говорят: «Золото собьет с пути и ангела». Приношу этих людей в жертву ради святого имени ангела. Зная, что золото ангелу ни к чему, они хотят ссылкой на него оправдать свои жульничества, рождаемые завистью. «Богатство слаще отца и матери, но жизнь дороже дома, полного золота». Разве негодяй, для которого богатство дороже его родителей, способен ценить и свою жизнь? Нет, конечно. Но какая подлость — менять отца с матерью на богатство! Мучительным ли трудом или легко, но родители обзаводятся скотом и наживают добро с одной лишь мыслью: оставить его

¹ Верблюд-производитель.

детям. И, продавая родителей за богатство, человек совершает преступление перед самим богом.

Надо быть предельно осторожным в обращении с пословицами, рожденными невежеством людей.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТОЕ

Казахи говорят: «На сорока клячах не одолеешь даже одного холма». Так и на бахвальстве далеко не уедешь. Да и к чему бахвальство людям, на что оно пригодно?

У хвастунов нет совести и чувства собственного достоинства, способности к большим делам и высоких помыслов. Не найдешь у них ни решимости палуана, мужества батыра, ни человечности.

«Ах, оставьте!— отмахиваются они от советов.— Зачем вы говорите мне о других? Еще увидим, кто лучше и чья голова будет приторочена к седлу. Может быть, я кому-то обязан своим успехом? Может, кто-нибудь кладет в мой котел мясо или дает мне дойный скот?»

Или, в исступлении бия себя в грудь, раскачиваются из стороны в сторону: «Что мне, жаль своей жизни? Да будь я проклят, если так! Ради этого дела я готов идти на расстрел или быть сосланным. Смерть ведь одна! Ее не избежишь!»

Но я не видел казаха, идущего после таких слов на смерть, как не видел казаха, который признался бы, что он не способен достойно погибнуть: все только тычут пальцами в свой маленький кадык и грозятся: «Зарежусь — и баста!» Если бы один выполнил эту угрозу, то люди удивились бы решимости глупца. Но что можно сказать о людях, которые не знают, где спрятаться, когда приходит беда? О тех, кто надеется убедить окружающих напускным надрывным криком? Кто рассчитывает на наивных и умеет добиваться таких слов о себе: «Оставьте этого кафыра в покое. Как бы он и вправду не наделал делов».

О аллах! Разве по человеку не видны его душевное богатство, если таковым он обладает, его верность клятве, щедрость и другие добрые качества?

Нечего слушать людей бессовестных и неразборчивых в средствах, о которых в народе говорят: «У бесстыжего — скулы не устают».

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Для того, чтобы запомнить советы и следовать им, нужно соблюдать четыре условия. Первое: надо быть сильным настолько, чтобы подавить в себе самолюбие, когда тебе дают совет. Второе: надо принимать умные слова сердцем, всей душой так, словно бы утоляешь ими жажду. Третье: следует по несколько раз повторять про себя услышанное, чтобы закрепить его в памяти. Четвертое: надо держаться подалеже от вещей, которые изнашивают человеческий ум и заставляют его терять свои ценные свойства.

Таких вещей, кстати, тоже четыре. Это бездумность и беспечность, зубоскальство, меланхолия и пагубное пристрастие к какому-то пороку.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Известно, что наукой овладевает тот, кто испытывает жажду познания. Но одного стремления тут мало. Даже сам процесс приобретения знаний должен быть подчинен определенной системе. В противном случае поиски и весь огромный труд человека, затраченный на овладение наукой, могут оказаться напрасными.

Сначала ты должен точно уяснить, для чего тебе необходима наука. Не для обогащения или приоб-

ретения дорогих вещей, не ради дела, которое принесет тебе выгоду или положение в обществе, стремись к науке. Если ты страстно увлечен ею, то богатством для тебя явится каждое твое открытие, устранение самого незначительного пробела в твоих знаниях. Что может быть ценнее такого приобретения? И бывает ли на свете наслаждение выше того, которое ты испытал при этом? У тебя родилась любовь к науке, а она, как и всякая любовь, ненасытна, — значит, ты идешь на новый труд и поиски. Эта любовь, иными словами — жажда познания, помогает тебе запомнить увиденное и услышанное, усвоить их и закрепить в своей памяти в ясных, образных художественных формах.

Если твоя душа лежит к другим вещам, и ты изучаешь науку ради их достижения, то твое отношение к науке подобно отношению мачехи к пасынку. Науку надо любить, как мать любит родного сына. Тогда и наука ответит тебе взаимностью, будет доступнее.

Просвещение не должно быть самоцелью. Это приводит людей к соперничеству друг с другом, рождает ненужное, глупое бахвальство. Любая из этих вещей приносит вред науке и обществу. Даже если споры содержательны и оттачивают ум, все равно излишняя приверженность к ним губит человека, ибо он начинает спорить не ради выяснения истины, а для того, чтобы победить соперника. Наука уже остается в стороне, главным же для такого «ученого мужа» становится стремление запутать другого и сделать его жертвой ложных истин. Как это похоже на дела степных смутьянов, о которых уже говорилось раньше! Человек, сбивший в споре с верного пути сотню людей, не стоит мизинца того, кто вывел на путь истины хотя бы одного заблудшего.

Спор в науке необходим, но в быту он рождает завистников и спесивцев, способных на ложь, наговоры и рукоприкладство.

Достигнув истины, не отступай от нее даже под угрозой смерти. Та истина настоящая, которая захватила тебя всего, покорила, заставила действительно стоять за нее насмерть. В противном случае ты не убедишь в ней других. Какой прок от твоей истины, если ты сам не предан ей? Люди не примут ее.

Не будь завистлив, легкомыслен и мстителен, иначе твоя учеба не принесет пользы.

В девятнадцатом Слове назидания сказано о равнодушии и беспечности и о том, как эти пороки мешают людям стать разумными. Запомни: там, где они властвуют, нет ни бога, ни народа, ни хозяйства, ни чести — всего того, ради чего существует наука.

И последнее, что я хотел сказать. Для того, чтобы сохранить свои познания и разум, нужно иметь характер. Сильный, крепкий характер. Тут уместно сравнить его с сосудом, хранящим бесценную влагу. Действительно, зачем овладевать знаниями, если их негде хранить? Значит, нужно быть стойким, нужно всегда сохранять твердость духа.

Крепкий характер немислим без воли, помогающей человеку добиваться того, к чему он стремится, и не позволяющей ему даже минутной слабости. Итак, твердость духа и воля — основа настоящего характера. Пусть же они служат разуму и чести человеческой.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Скот гибнет от джута, а ремесло не зависит от стихийных бедствий. Ремесленника, который трудится в поте лица и продает то, что сделал своими руками, можно считать лучшим из казахов. Но и среди них, немногочисленных казахов-ремесленников, подобно неизлечимой болезни, бытуют пороки. Во-первых, эти люди не стремятся овладеть новым ремеслом. Они не ищут

мастеров лучше себя, не сближаются, не работают с ними рука об руку, чтобы перенять их искусство, довольствуются тем, что умеют сами, как будто весь мир держится только на таких мастерах. И по стародавней вредной привычке казахов предаются пустому созерцанию, пролеживают себе бока, преступно убивая на это драгоценное время.

Во-вторых, они не умеют работать не покладая рук. Заработав несколько голов скота, начинают мнить себя богачами и хвастливо думают: «Разве у меня не вдоволь скота?» А ведь достаточно появиться такой мысли, чтобы человек предался праздной лени, беспечности и франтовству.

В-третьих, эти люди не остерегаются льстецов. А те не преминут обратиться к ремесленнику с лукавой просьбой: «Ты ведь волен в своих поступках, свет мой, и ты – мастер, искуснее которого нет во всей округе!» Или же: «Ага¹, что вам стоит выполнить мою просьбу? Вам раз плюнуть, а мне – радость!» Не каждый устоит, услышав такие елейные слова. И если ремесленник поддался соблазну и возомнил о себе как о незаменимом мастере, то отныне он не властен над собой. Он будет тратить все свое время на выполнение бытовых, не требующих особого умения заказов льстецов.

В-четвертых, казах-ремесленник любит заводить приятелей. И чаще всего он оказывается в компании нечестных людей. Обманщики набиваются ему в друзья, дарят какую-нибудь мелочь, обещают золотые горы или свое покровительство, а ремесленник рад до смерти, что нашел бескорыстного друга, и тоже старается услужить ему. Из кожи лезет вон, только бы сделать другу приятное, и не замечает, что его водят за нос. Так проходят дни, забываются и семья и хлеб насущный, растут долги, и наступает время, когда он вынужден занимать у одних, чтобы расплатиться с

¹ Вежливое обращение к старшему. Буквально: дядя.

другими. Теперь бедняга уже обязан трудиться, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Но нескончаемые заказы «друзей», которые он выполняет даром, доводят его до беды: до нищеты и полной зависимости от толстосумов.

Почему так происходит? Кто знает.

Странно, что казахи, способные провести кого угодно, так легко обманываются сами.

1895

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Все люди знают, что они смертны, что смерть наступает не всегда в старости и что после смерти никто не воскресает. Казахи тоже верят этому. Веруют они и в то, что есть Всевышний, сотворивший мир, и он устроит суд, когда наступит конец света, покарает за грехи и воздаст за добрые дела, что и наказания и воздаяния его не будут похожи на земные. По их представлениям аллах может наказать человека немислимо жестоко и вознести невообразимо высоко.

Так почему же, зная эти два очевидных для них исхода человеческой жизни, казахам не творить только добро? Отчего беспокойно, неуютно им на земле?

Причина кроется в их неискренней вере, которая, должно быть, возникла и существует у них только потому, что они, как и все народы, признают загробную жизнь.

Но если вера казахов вызывает сомнение, то как их самих называть правоверными? И кто их сможет после этого наставить на путь истины?

Тот, кто хочет избежать мучений на том и на этом свете, должен знать: в одной душе не бывает двух радостей, двух опасений, двух печалей. Это невозможное явление, ибо для настоящего мусульманина

земные заботы и радости не могут быть значимей и ярче небесных, тех, которые ожидают его после смерти.

Но казах, когда он поставлен перед выбором между двумя вещами, одна из которых позарез нужна для земной жизни, другая — обязательна для загробной, — возьмет, без сомнения, необходимую для своего земного существования. Он выбирает, зная, что все в этой жизни быстротечно и никогда нельзя упускать случая. Уповает на милосердие аллаха, на всепрощение его. Полагается на удачу, на следующий случай, — тогда то он уж непременно возьмет то, что потребуется на том свете.

Как же он после этого докажет, что не променял аллаха на земную жизнь? А именно таким мусульманином представляю я каждого из нас.

Человек — дитя человечества. Потому твое рождение и возмужание, твое устремление к достатку или ощущение голода, твои печали, уклад жизни, телосложение, наконец, твоя смерть, — не отличаются от природы и судьбы любого другого человека. Ты, как и все люди, сходишь в могилу и гниешь; знаешь, что тебя тоже ждет страшный суд; твой страх перед бедами и наслаждение дарами обоих миров одинаковы с ощущениями тебе подобных. И разве жизнь кажется тебе длиннее пяти дней? А раз это так, и люди гости друг друга, если ты сам — гость земной, то почему ты стремишься выявить, что знает другой и чего он не знает? Зачем тебе завидовать чужому достатку и счастью, мешать другому жить?

Почему не просишь аллаха, чтобы он благословил тебя на честный труд, а умоляешь его отнять и передать тебе чужое богатство? Почему создатель должен ради тебя унижать другого человека?

К чему рваться доказывать свою правоту, если не уверен, что она не обернется кривдой? Почему ты должен выпячивать свою грудь, не умея, скажем, связать и двух слов? Чем тебе поможет аллах?

Оставим в стороне веру, не будем говорить о том, какой ты мусульманин. Человек ли ты вообще?

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Говорят, когда наступит конец света, на страшном суде перед Всевышним предстанут все хаджи — паломники, побывавшие в Мекке, муллы, суфии, шииты — воины-праведники и щедрые. В священном писании сказано, что щедрые, как и священнослужители, тоже попадут в рай.

Но в день страшного суда людей, которые стали хаджи, муллами, суфиями и шиитами или были щедрыми только ради того, чтобы пользоваться у народа почетом и уважением, говорят, построят отдельно от тех, кто получил эти звания бескорыстным служением аллаху, посвятив всю свою жизнь лишь одному — благочестию.

И скажет создатель первым: «Вы стали на земле хаджи, муллами, суфиями, шиитами и щедрыми, чтобы остальной люд преклонялся перед вами, называя вас «уважаемый хаджи», «почтенный мулла», «высококочтимый суфий», «незабвенный шиит», «несравненно щедрый». Это требовало от вас немалого искусства. Но всего этого вы лишились. Мир, который вы создали общими усилиями, рухнул, а вместе с ним кончилась и сила вашей власти. Здесь иной мир. Не ждите привычного почета, держите ответ. Я дал вам жизнь. На что вы потратили ее? Я дал вам богатство. На что вы употребили его? Вы без устали говорили о божьем суде, но всегда лицемерили, вы проповедовали веру в бога, но всегда без усердия. Вы обманывали людей. Вот на что истрачены жизнь и богатство!»

И обратится создатель к тем, которые посвятили ему свою жизнь: «Вы пожертвовали всем ради того, чтобы стать моими истинными слугами и снискать мою

признательность. Я вами доволен. Входите в обитель, она открыта для вас. Достойны милосердия и ваши друзья, которые, хоть и не смогли стать моими слугами, но относились к вам с сочувствием и участием. Укажите их мне, если таковые присутствуют на этом суде».

Вот, говорят, что ждет людей в страшный судный день.

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

В хадисе – священной книге – записаны следующие слова пророка Мухаммеда: «У кого нет стыда, у того нет и веры».

Казахская пословица гласит: «Тот, кто умеет стыдиться, тот умеет быть верным».

Из этих слов ясно, что стыд – одно из священных чувств. Так что же представляет собою стыд?

Есть стыд, обусловленный невежеством людей. Он похож на смущение мальчика, который не осмеливается вымолвить слова перед взрослым, или на робость иного взрослого, не решающегося на встречу с именитым человеком просто так, без конкретного к нему дела. Нет у подобных людей вины ни перед богом, ни перед своею совестью, но не могут они освободить волю от невежества, сами усложняют все, стыдятся того, чего совсем не следует стыдиться.

Настоящий стыд тот, который вызван поступками, противоречащими вере или разуму или порочащими чье-либо доброе имя. Он бывает двух видов.

Первый – это стыд не за свою провинность, не за себя, а за дела другого. Он вызывается как бы жалостью к этому человеку. Чувство удивления и досады за его проступок, тревога за его судьбу заставляют тебя мучиться. «Почему он так поступил? – переживаешь за него. – Почему? И что с ним будет?..» Сострадание движет твоими мыслями.

Второй — это стыд за свой проступок, который ты совершил по недоразумению или чрезмерно увлекшись чем-нибудь. И пусть рядом в то время никого не было, но ты понял, что твой проступок унизил твоё достоинство или опорочил чью-нибудь добрую репутацию, — и тебя мучает совесть. Ты осуждаешь сам себя, казнишься, теряешь покой, не смеешь взглянуть людям в глаза. Люди мнительные в таких случаях теряют сон, перестают есть. Стыд как бы выворачивает человека наизнанку, определяет меру его человечности или подлости. Где тут оглянуться, найти для успокоения верные слова? Бывает, что некогда утереть слезы и высморкаться. Человек уподобляется затравленному псу. Ничего не видит и не слышит. Иногда доходит даже до того, что лишает себя жизни. Разве что недоброхот или сильно обиженный им человек не простит такого бедолагу! Тот, кто не пожалел его, добавил мучений, решив еще более пристыдить, наверное, сам лишен совести.

Но люди, которых я вижу сегодня, не то что стыдиться, даже краснеть не умеют, когда совершают бесчестные дела. Когда их усовещивают, они даже обижаются. «Я же сказал, что сконфузился, чего же еще надо?» — недоумевают некоторые из них. Или огрызаются: «Ладно, ладно. Хорошо, мне стыдно. Ну, а сам ты не так бы обмишурился на моем месте?» Есть и такие, которых ничто не выведет из себя. Довод их таков, что хоть стой, хоть падай. «Да ведь никто еще не помер от таких оплошностей!» — восклицают они. — «Такие-то вон что сделали, и то ничего — живут. Разве можно сравнить совершенное мной с их преступлением? Да и причина у меня была...»

Что можно сказать об этих людях? Есть стыд в их словах или нет? Если подобное называется стыдом, то как быть со священными писаниями и словами мудрых? В них правда или в словах этих людей? И верят ли они в аллаха после этого?

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

1. Достоинство человека определяется тем, каким путем он идет к цели, а не тем, достигнет ли он ее.

2. Самые прекрасные мысли тускнеют, пройдя через человеческие уста.

3. Нет уверенности в том, как воспримет мудрое слово себялюбивый невежда.

4. Помогай разумному. Содействовать неблагодарному – значит опуститься самому.

5. Сын, почитающий лишь своего отца, – недруг народу; сын народа – и твой друг.

6. Сильный хоть и желает многого, но довольствуется малым; ничтожный просит мало, но не доволен, даже когда получает больше.

7. Работающий только для себя, похож на животное, которое заботится о своем брюхе. Вседержец любит того, кто трудится на благо человечества.

8. Кто отравил Сократа, сжег Жанну д'Арк, распял Христа, закопал Мухаммеда в верблюжьих останках? Толпа. Значит, у толпы нет ума. Сумей направить ее на путь истины.

9. Человек – дитя своего времени. Если он плох, в этом виновны его современники.

10. Будь моя власть, я бы отрезал язык тому, кто утверждает, что человек неисправим.

11. Одиночество – гибель для человека. Все беды валятся на его голову. Однако мир заполняют не только беды, но и развлечения. Кто выдерживает первое? И кто не погибает во втором?

12. Кто не бывал в беде! Удел слабых – терять надежду. Разве за суровой и снежной зимой не идет лето со сверкающими озерами и густым травостоем?

13. Безвреден – кто в гневе кричит. Бойся того, кто в гневе молчит.

14. От радости и счастья люди теряют голову. Из тысячи лишь одному счастливцу удастся сохранить разум, чтобы не предстать перед народом нагишом.

15. Дело ладится умением.

16. Слава – высокая скала. Терпеливая змея взбирается на нее ползком, сокол взмывает на ее вершину в стремительном полете. Недружный народ хвалит того, кто не дошел до нее. И недалекий верит этому обману.

17. Мир – безбрежный океан. Время – неутихающий ветер. Поколения подобны волнам, спешащим друг за другом, и на их смене держится вечная жизнь.

18. Нищий, прославившийся умом, выше счастливого царя. Юноша, продающий плоды своего труда, достойней старика, торгующего своею бородой.

19. Хитрость превращает человека в попрошайку. Лицемерие делает суфия тунеядцем.

20. Плохой друг подобен тени. Когда светит солнце – от него не избавишься; когда тучи сгущаются над головой – его не найдешь.

21. Доверяйся тому, кто замкнут, но дружи с тем, кто общителен. Остерегайся беспечного, но будь опорой опечаленному.

22. Гнев без силы – вдовец; ученый без последователей – вдовец; любовь без верности – вдова.

23. Пока ты несчастлив, добра тебе желают все. Но вознеси тебя судьба – и твой доброжелатель лишь ты сам.

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

О, дети, утешение моего сердца! Все, что я написал о человеческом характере и жизни, оставляю вам на память. Прочтите эти строки без равнодушия, и вы проникнитесь ко мне любовью. Стремление к истине и постижение ее рождаются высоким сознанием; сознание же человека определяется его человечностью, умом и интересом к науке. Появлению этих

качеств, прежде всего, способствуют непорочность чувств и крепость тела, которые даются человеку от рождения, а развитие их зависит только от честных друзей, от мудрых наставников.

Но дети не сами идут в школу, не своей охотой овладевают знаниями: на первых порах их приходится либо принуждать, либо привлекать к этому хитростью. И если, постепенно привыкнув к учебе, дети тянутся к ней уже по доброй воле, если у них появилась жажда познания,— лишь в этом случае можно сказать, что они стали людьми. Теперь можно уже надеяться, что они овладеют наукой и используют ее для блага людей; научатся отличать добро от зла, сомнительное от достоверного, подлинное от поддельного; познают аллаха, самих себя и мир.

Однако в большинстве случаев дети остаются недоучками, а то и вовсе невеждами. Причиной всему — насилие со стороны родителей и мулл, которое убивает в детях искренность. Эта потеря оборачивается тяжелейшим несчастьем. Не бывает толку от учебы этих людей, ибо у них уже все неискренне: и стремление к наукам, и отношение к наставникам, и даже вера в святое учение — иман. Воспитать их полноценными людьми почти невозможно, потому что аллах — это «путь истины», а истина и правда несовместимы с насилием. Разве придет к тебе друг, которому ты передал приглашение через его врага? Когда в душе человека нет любви к аллаху, то нет и веры в него.

Тем не менее человечество живет, уповая на будущее, оно надеется на лучших сынов, а не на злодеев, на ученых, а не на невежд.

Каковы же пути познания истины и правды?

Человек овладевает науками и знаниями тогда, когда всем своим существом стремится к истине и правде, пытается понять самую суть явлений. Разум и вера двигают им, ибо истина от земли, и он идет к ней разумом, а правда от аллаха, и он принимает ее на веру.

Издревле существует понятие «наука». Наука представляется людям не как что-то сверхъестественное и отвлеченное, а существующее для блага человечества. Не ради аллаха, а для себя. Поэтому наука¹ оборачивается для каждого человека неповторимостью каждой отдельной науки и увлекает его. Где-то здесь рождается чистота отношения человека к науке, которая в то же время выражает отношение его и к аллаху, ибо наука — это одно из проявлений могущества Всевышнего, одно из его свойств.

Человек, идущий в науку ради богатства, славы и почета, никогда не поймет ее сущности. Больше того, когда человек преследует корыстные цели, он теряет человеческий облик. И наоборот, человек становится сильнее, когда и богатство, и слава, и признание приходят к нему сами, как результат упорного труда.

Повторяю, мои слова обращены к тем, кто дорожит честью, кто любит истину и хочет знать правду.

Приверженцы ислама должны признать непреложную истину своей веры. Это высшая ступень веры, и она не достигается простым воздаянием молитвы аллаху. Ты, как и все мусульмане, можешь верить, что аллах един, и нет ему равного, что Коран состоит из его священных назиданий, а пророк Мухаммед — его посланник на земле, но все это ничего не даст тебе, ибо истоки чистой истины лежат в другом. Чтобы понять, в чем именно, следует уяснить, ради чего существует твоя вера? Ты веришь ради аллаха или для собственного успокоения? Аллах не пострадает, не станет менее величественным, если ты, скажем, перестанешь молиться, но и тебе не будет успокоения, если ты считаешь вседержца просто потому, что он велик. В своей вере ты должен видеть для себя спасение, только тогда она принесет тебе пользу.

¹ Абай имеет в виду совокупность наук на стадии их синкретизма — представление, характерное для общественной мысли Востока до конца XIX века. (*Прим. переводчика*).

Итак, ты веришь в аллаха и преклоняешься перед ним. Но он многолик, и ты, следовательно, преклоняешься перед всеми его именами и каждым проявлением его своеобразия. Имена аллаха суть названия его чудотворных дел, надо знать об этом. Потом нужно постичь, что означает восемь его божественных качеств. И если ты назвался правоверным и считаешь себя рабом Всевышнего, если ты уверен в своей преданности ему, то своими намерениями, замыслами и делами старайся быть похожим на него. Не падай духом, считая по невежеству своему, что это невозможно, ибо точное воспроизведение его дел действительно немислимо. Разве можно человеку быть Всеведущим, Всемогущим, Жизнью, Зоркостью, Чуткостью, Волей, Речью и Созидателем! А все это — проявления аллаха, его имена. Видимо, досрочно хотя бы подражать ему.

Создатель наделил человека восемью качествами, подобными своим, хотя и менее сильными. И если бы мы использовали этот великий дар не в угоду аллаху, мы не могли бы называться мусульманами. Но где пути истинного подражания аллаху и его великим делам?

Природа аллаха такова, что она не нуждается в моем описании, пишу же я потому, что в уяснении указанных восьми качеств, или сил нуждается наш разум. Мы познаем аллаха по мере его проявления, познать его самого невозможно. Даже тайна созидания недоступна мудрейшим из людей, не говоря уже о природе аллаха. Аллах бесконечен, человеческий разум пределен. Разве возможно предельным измерить бесконечное?

Мы говорим: аллах един, и он во всем. Нам кажется, что в этих словах кроется большая тайна, мы слышим в них какую-то неземную значимость, хотя совершенно ясно, что, например, слово «един» никак не выражает великую сущность Всевышнего. Наверное, когда-то это слово оказалось пределом возможностей нашего разума, его потолком. Кстати, ученые и сейчас

форму существования любого тела в совокупно возможных его видах фиксируют словом «един».

Бытие существует во вселенной, вселенная существует в аллахе, а аллах, как написал Мухаммед в священной книге — хадисе, проявляется в восьми своих основных проявлениях и девяностю девяти качествах. В хадисе пророк Мухаммед не разъясняет своеобразие отдельных назиданий аллаха, и сейчас они читаются людьми по-разному. Я хочу пояснить в своем слове некоторые свойства Всевышнего и связь их с жизнью людей или, вернее будет сказать, границы между аллахом и людьми.

Поскольку сама жизнь — это непреложная истина, то, значит, существует и сила, которая ведет человека к определенной, им самим избираемой цели. Человек спешит что-то совершить в своей жизни, старается чего-то достигнуть, одержать победу в каждом своем стремлении. Да разве найдется человек, который желал бы себе поражения или смерти? Нет. Следовательно, человека по жизни ведет воля. Та воля, которая является маленьким подобием Воли — одного из проявлений аллаха. Та воля, которая является маленьким подобием Воли — одного человека, поскольку мы говорим о людях, почитающих аллаха. И если Воля, точно так же, как Наука, есть одно из проявлений аллаха, иными словами, если и Воля, и Наука являются свойствами одного и того же великого создателя, и если все восемь божественных качеств дарованы людям, то нельзя ли говорить о человеке, в котором одновременно могут проявляться два любых его качества, абсолютно преобладая над остальными? Нельзя ли утверждать, исходя из принятого нами условия, что в любом человеке могут соединиться воля и наука? И если да, то не будет ли это означать могущество человека, вернее, могущество его знаний? Нам известно, что есть ученые и есть мыслители. Не каждый ученый может подняться до уровня

мыслителя, но каждый мыслитель — ученый. Значит, можно говорить о мыслителе, обладающем глубокими познаниями в области многих наук. И, значит, можно утверждать, что аллах всезнающ, если его мудрость, как мы отмечали, недоступна даже мудрейшим из людей. И я позволю себе заметить, что смертные в состоянии овладеть могуществом знаний, но силой всезнания обладает только аллах. Вот в чем его величие, и оно, пусть недостаточно полно, но все-таки верно выражено нашими предками — аллах един и он во всем. Эти слова ясны и ученому и невежде.

Наука идет к людям через слово, слово становится понятным через звуки или знаки. На этом основаны следующие три свойства аллаха: Речь, Зоркость и Чуткость.

Можно ли поверить, что Всевышнему так уж необходимо проявлять себя Речью, Зоркостью и Чуткостью? Думаю, что нет. И если человеку даны язык, чтобы он имел возможность общаться с окружающими, глаза, чтобы он видел мир, уши, чтобы слышал звуки, то это тоже не означает тождества их с Речью, Зоркостью и Чуткостью. Я не говорю о масштабах. Я просто констатирую: аллах — это внимающий, который слушает, и взирающий, который видит, но ни одно из созданий его, в том числе и человек, не может этого постичь. Он говорит словами, но у него нет органа, подобного органам речи человека. Он не сотворил слово — произнес его, и слово это дошло до слуха людей. Аллах видит и слышит совершенно по-другому, совсем не так, как человек. Он просто «Всесведущ знаниями своими». Он сама добродетель, и добивается, чтобы люди подражали ему. Как не вспомнить тут о предельности человеческого разума и бесконечности аллаха? Нетрудно догадаться, что упомянутые три божественных качества даны смертным для накопления разума, ибо разумом держится самое главное на земле — созидание.

В чем же заключается второе главное свойство аллаха – Всемогущество?

В Коране написано: «Аллах вечен... Он единственный в своем роде, и нет при нем ничего, он существует вне пространства, и он создал все посредством своей силы...»

Священный хадис определяет созидание как одно из восьми основных проявлений аллаха. Согласиться с этим утверждением значило бы, что мы считаем созидание таким же древним, как и сам аллах, и вечным, ибо аллах никогда не избудет. Но если Всевышний не в силах освободиться от него, то оно будет означать уже его безволие, а природа аллаха несовместима с подобным явлением.

О созидателе нужно судить по сотворенному им миру.

Он сотворил мир удивительно упорядоченным, где любое живое или неживое тело связано с другими, где одно движение вызывает ответное. Мы видим этот мир и любимся им, принимая его всей душой, и в его существовании и устроенности признаем мудрость всезнающего и силу всемогущего аллаха. Эти два свойства аллаха – всемогущество и всезнание, следовательно, тоже должны быть равноценны. Не может быть такого, чтобы одно из них оказалось ведущим, а другое ведомым, иначе все восемь свойств аллаха, соединяясь между собой в любом количестве и сочетании, приведут мир к хаосу. Созидание, безусловно, является одной из сил, составляющих могущество аллаха. По всей вероятности, величие аллаха потому и безгранично, что знания его безошибочны, а сила – неуязвима. А это вытекает из нашего предположения, что созидание руководимо могуществом и подчинено ему.

Этим исчерпывается мое доказательство того, что аллах всеведущ знаниями своими и всемогущ своею силой, а остальные его шесть свойств являются как бы вспомогательными для двух названных проявлений.

Но не это главное, что заставило меня писать об аллахе. Я начал это слово выражением: «О дети, утешение моего сердца!..» Я хочу писать о мире людей.

Когда видишь человека в этом сотворенном богом мире, где он полагается на ум и волю, на силу своего тела, когда видишь его борьбу за жизнь, его неуспокоенность, то почему-то думаешь о Всевышнем как о существе, подобном человеку. О всевышнем, который, наделив людей восемью божественными качествами, спокойно взирает на то, как в этом его царстве люди по-разному ищут истину и воспринимают земные блага, не с одинаковым рвением творят молитвы и ищут пути спасения. Почему выделяются люди, которым как будто известно все, что уготовано им и на том и на этом свете? Почему их становится все больше, и мы видим уже целые толпы?

Наверное, грешно так говорить, зная, что человек обладает лишь волей, а создатель недоступен его разуму. Зная, что человек посредством своей воли овладевает частицей науки, и она подобна капле из океана знаний, являющегося божьим достоянием. Зная, что аллах не только всемогущ и всеведущ, но и милосерден. И хотя милосердие создателя не упоминается среди его восьми основных свойств, но оно достаточно ясно выражено такими эпитетами, применяемыми к нему, как Всемиловитый, Отзывчивый, Всепрощающий, Любящий, Защищающий, Покровительствующий, Благодетельствующий, Дарующий, Указующий, Непогрешимый.

Можно бы сказать, что самый смысл определений говорит в пользу моего довода. Но это было бы традиционным доказательством, а милосердие аллаха, как мне кажется, требует логического обоснования.

Мир удивителен. Неживое тело не чувствует боли, а животные поддерживают жизнь уже разумных существ — людей. Животные не будут держать ответа на страшном суде, а человек должен отвечать за свои поступки.

Творец поставил человека на две ноги, чтобы он был высок, установил голову на плечах, чтобы он мог видеть далеко, дал две руки для труда. Человек не наклоняется, как животное, к пище, а подносит ее ко рту рукой. Ему даны нос, чтобы чувствовать запах еды, и глаза, чтобы видеть ее чистоту. Глаза от соринки оберегаются веками, веки продолжены ресницами, но и они бессильны против пота, стекающего со лба, и потому человек имеет брови. Лицо человека красиво. Аллах призвал людей к общему труду, и поэтому одному дал ум, другому красноречие, третьему – волю.

Разве не чувствуется во всем этом любовь создателя к человеку? И разве не долг человека отвечать на эту любовь взаимностью? Приглядитесь и вдумайтесь. Солнце нагревает землю, заставляет испаряться реки, моря и океаны; испарения образуют тучи и возвращаются на землю благодатным дождем. Земля покрывается зеленью и расцветает цветами, ласкающими глаз. Наливается соком сахарный тростник, созревают плоды, разрастаются деревья, укрывая птиц и зверей. Рождаются ключи, образуются новые реки, или разливаются старые, и вода течет в озера, моря и океаны. Вода утоляет жажду всего живого, в глубинах ее размножается рыба. Солнце греет землю...

И весь этот мир предназначен для людей. Земля одаривает их хлебом, фруктами, хлопком, кендырем и другими богатствами; птицы дают им пух, мясо и яйца; животные – мясо, шерсть, шкуру и силу; водоемы – рыбу, а рыба – икру. Даже пчелы трудятся для людей, собирая мед и воск, а черви прядут шелк. Цветы умиротворяют людей своим ароматом.

Ничто из этих богатств не служит самому аллаху, ибо он властелин мира и ни в чем не нуждается.

Миллионы хитроумных машин и тысячи фабрик тоже созданы для блага человечества.

Разве не видна во всем этом любовь аллаха к людям? И разве не долг человека отвечать на такую любовь взаимностью?

Всевышний не допустил того, чтобы люди из-за ненасытности своей уничтожали всех животных и тем самым принесли вред будущим поколениям. Он сделал так, что люди оберегают животных своей жадностью, а зверям и птицам для спасения дал силу, быстрые ноги и стремительные крылья. И теперь одни животные селятся на неприступных скалах, другие живут в темной глубине вод, третьи хоронятся в густой чаще леса. И все они стремятся к размножению и наделены неистребимым инстинктом защиты своих детенышей. Нет, Всевышний не сделал людей полновластными хозяевами земли, он лишь позаботился о том, чтобы не переводилась их пища и не могла прекратиться жизнь. Великая справедливость стоит за всеми этими удивительными свершениями Всевышнего.

Итак, всемогущий аллах всеведущ, справедлив и милосерден.

И мы, как правоверные, во всем следуя аллаху, должны бы обладать и тремя аналогичными силами: знаниями, честностью и состраданием. То есть мы обязаны были поставить себе целью овладеть науками, постоянно думать о своем человеческом достоинстве и, творя добро людям, стремиться стать истинными мусульманами.

Но всегда ли наши поступки справедливы и ясны? Нет. Мы предали забвению эти божественные качества нашей веры. Каждый почему-то хочет, чтобы другие были справедливы к нему и делали ему добро, но сам он не делает этого. Это ли не глумление над верой?

Люди сбились с пути, указанного Всевышним. Священные слова пророка: «Подумай о величии аллаха» и «Воистину аллах любит справедливых людей» — никем не принимаются с должной искренностью и надлежащим знанием.

Благочестия полны аяты — стихи Корана, но люди забывают об этом. Вот что говорит Коран: «Совершайте добрые дела и призывайте к этому других, ибо

аллах любит людей, склонных к благодеянию». И дальше: «Есть люди, которые верят в аллаха и совершают добрые дела. Им навечно уготовано место в раю».

Разве не верны требования Корана? Поскольку аллах с любовью сотворил тебя и окружающий мир, то и твоя любовь к аллаху должна быть деятельной. Ты обязан быть честным.

Следующий аят гласит: «Но есть такие люди, которые, веря в аллаха, совершают добрые дела лишь потому, что знают: аллах не прощает злодеев».

Понятно, что поступки подобных мусульман противоречат сущности благодеяния, хотя и будут называться добрыми. У этих людей отсутствует совесть. Великий пророк Мухаммед, да воздаст ему аллах мудрости сполна, писал: «У кого нет совести, у того нет и веры». И здесь мы еще раз убеждаемся, что настоящая вера достигается не простым воздаянием молитвы. Изнурять тело молитвами и постами, может быть, и необходимо, но истоками истинной веры, безусловно, являются сознательность, честность и сострадание.

Маленький пример. Если человек, не отделяющий себя от народа, желает дружбы своего народа с другими, то уже это одно говорит о нем, как о сознательном и честном человеке. Разве его мысль не начало благодеяния? И разве этот человек не чист перед аллахом тем, что желает людям добра? А чистое намерение — основа веры, и ею надо дорожить. Как говорил суфий Аллаяр, бывает одна особенная истина, которую ставишь выше ста других. Так и вера должна быть для людей превыше всего.

Мы пришли к выводу, что истинно верующий должен обладать тремя качествами: знаниями, честностью и состраданием. Вера зовет его к слиянию с аллахом, и он стремится к всеведению, справедливости и милосердию. К чему же, в конце концов, ведут эти три силы? В чем совершенство человеческого

развития? В каких формах предстанет совершенство? Это основа неизмеримого и высшего, это — истина, разум и благо.

Достижимы ли они? Да. Все три силы, ведущие к ним, заложены аллахом в каждом человеке. В разной степени, разумеется. Но развитие этих сил или свойств зависит уже от самого человека. Совершенство каждого из свойств и гармоничное сочетание их достигается усердием и преданностью. Преданностью науке, вере, жизни.

Обладателями трех божественных сил, прежде всего, были и есть пророки, потом аулие — святые праведники, потом ученые богословы, а за ними уже истинные мусульмане.

Праведники первыми после пророков прониклись любовью к Всевышнему и привили это чувство людям.

Но и пророки, и праведники отреклись от земных благ и думали лишь о загробной жизни. У них и мысли не было об имуществе или хлебе насущном. Только такой путь, считали они, ведет людей к духовному совершенству.

Ученые же, наоборот, во все времена заботились о земных благах, ибо без религии, науки и ремесла, полагали они, невозможно достичь гармонии в жизни.

Можно сказать, что пророки и ученые стремились, в сущности, к одному, хотя и разными путями. Мне кажется, что обе эти группы, следуя своим идеалам, в известной степени принесли себя в жертву.

Во-первых, если бы человечество стало на путь веры и отреклось от земных благ, то мир пришел бы в немислимое запустение.

Кто бы тогда пас скот, шил одежду и сеял хлеб? Кто бы боролся с иноверцами? Кто бы искал и осваивал богатства недр?

Не говоря даже о прегрешениях и проступках, не угодных аллаху, уже один отказ от земных даров был бы неразумен и неблагоприятен, ибо Всевышний

сотворил их именно для счастья людей. Подобный шаг, наверное, был бы даже преступным перед жизнью.

Во-вторых, последователи пророков рисковали бы и вовсе сгинуть с лица земли. Под гнетом иноверцев (а они наверняка были бы завоеваны) самые нетерпеливые были бы истреблены, а терпеливые превратились бы в покорных рабов. Где же тут духовное совершенство?

Может быть, этот путь не для всех мусульман? Но о какой правде может идти тогда речь? Если правда существует не для всех, а для какой-то части народа, то это не божья правда. Народ, который не имеет великой цели или общей правды, духовно мертв. А там, где нет жизни, не может быть и совершенства.

Но, оказывается, не все святые отреклись от земных благ. Трое из сопровождавших пророка святых — Габдурахман ибн Гауф, Сагид ибн Абудкас и хазрет Гусман — были известными богачами. В чем же дело? Причиной аскетизма святых, как мне кажется, было неверие в свои силы, возникшее из опасения, что сладости жизни ослабят их веру. Но это могло быть и своеобразным приемом, при помощи которого святые хотели заглушить в людях стремление к богатству. Святые неслыханным аскетизмом изводили себя и, должно быть, верили, что их самопожертвование послужит примером для масс. И хотя их попытка обратить усилия и помыслы мусульман к таким понятиям, как справедливость, благодеяние и преданность аллаху, были продиктованы огромной любовью к людям, они все же дошли до крайности, и путь этот оказался непрочным. Совершенства здесь могли достигнуть люди, сознательно обрекшие себя на мучительную жизнь. История показала, что редко кто отваживался на это. Тут требовались люди одержимые, твердые духом и телом, до фанатизма преданные аллаху, обладающие упорством ученого, беззаветно любящие людей. Почти немислимое дело, чтобы

средоточием всех этих качеств был один человек, и когда все же такой человек объявлялся, он оказывался пророком, гением, злодеем.

Безнравствен тот, кто считает, что любит аллаха и потому постиг истину веры.

Во-первых, нельзя уподоблять человеческую любовь привязанности животного.

Во-вторых, даже если ты стал мудрецом или ученым богословом, это еще не значит, что ты познал аллаха.

Между начитанностью и настоящими знаниями, по моему, такая же разница, как между самой наукой и внешними признаками ее, когда зачастую красноречие выдается за мудрость, а энергичные, быстро соображающие люди сходят за ученых.

Аллах ничего не создал без повода, а если люди стремятся познать сущность сотворенного им мира, то эта тяга тоже определена Всевышним. От познания мира люди обращаются к постижению природы самого аллаха, и, быть может, тогда рождается любовь к нему, ибо люди прежде всего уясняют то, что аллах сотворил их любя и сострадая. Грешно, не поняв всего этого, уверять людей в своей любви к аллаху.

Мудрецом или мыслителем можно назвать только того, кто своим умением, размышлениями и опытом дошел до сознания высших духовных сил и обязательно соединяет в себе любовь и правду.

Без подобных людей мир превратился бы в хаос. На пути установления истинного и ложного, определения причинности явлений, на пути мучительного искания блага для всего человечества мыслители забывают не только веселье, но и все удобства жизни. Самые лучшие человеческие творения создаются их умом. Их дела земные, но лишь на ниве их творчества утверждаются основы загробной жизни. И если богословие и оккультные науки рождают слепую веру, то разум мыслителей сеет веру истинную, сознательную.

Но не все мудрецы являются мусульманами. Большинство их, познав природу и человеческий характер, не постигли истины веры. Одни из этих мудрецов не признают аллаха, другие не принимают условий имана, третьи сомневаются в божественном начале восьми основных качеств человека. Однако наиболее энергичные из них нашли электричество и пути его использования, научились ловить молнию, держать связь на далеком расстоянии. Они подчинили своему разуму силу огня и воды, заставив ее работать на человека. И самое главное — они умеют направлять ум сотен людей на полезное дело. И потому мы обязаны им.

Великий пророк Мухаммед, да одарит его аллах милостями своими, писал в священной книге: «Хороший человек тот, который приносит пользу людям». Мудрецы, по моему убеждению, из таких людей. Нынче этих мудрецов называют тоже учеными, но следует отличать их от ученых богословов.

Теперешние муллы не терпят ученых. Это выдает невежество священнослужителей, склонность их к низменным вещам. И действительно, большинство мулл, научившись арабскому и персидскому языкам, начинают соперничать друг с другом и, движимые гордыней, мечтают лишь о том, как бы возвыситься. Для достижения своей цели они используют любое средство. Обманом и хвастовством сбивают с толку людей. Вот и судите, какая от них польза людям. Нет, муллы превратились в недоброжелателей своего народа.

Муллы, если хотят сделать для людей что-либо полезное, должны прислушиваться к словам правды. Для этого, прежде всего, надо уяснить себе, что преследование правдивого слова — позор. И не только позор, а преступление, потому что правда именуется еще истиной, а истина — это аллах. И прежде, чем бороться против ученых, постарайся понять, против чего в их лице ты восстаешь.

Пустое себялюбие, равно как и любое другое проявление эгоизма, погубило на этом свете не одного человека. Мало поэтому стать муллой, надо стремиться быть человеком.

Великий Мухаммед, да одарит его аллах милостями своими, однажды сказал: «Когда наступит конец света, один день по своей тяжести покажется людям целым годом».

Мюриды задумались над его словами. И спросили они пророка: «От восхода до захода солнца правоверные молятся пять раз. Молятся о своем спасении. Сколько же раз надо будет молиться в тот день, о котором вы говорите?»

Пророк Мухаммед, говорят, ответил так: «Это будет известно ученым богословам того времени».

Выходит, пророк не считал обряды чем-то незыблемым, а признавал их обновление. Знают ли об этом муллы? Впрочем, какой из этого толк? Ведь наши медресе обучают точно так же, как и в седую старину. Знания, получаемые в них, не отвечают духу времени и никак не могут быть применены в жизни. Потому муллы и проводят всю жизнь в бесполезных спорах и мелких дразгах, преследуют друг друга. И это в то время, когда, например, в Турции уже давно открыты учебные заведения, где юношей обучают различным наукам, построено немало военных и других специальных школ.

Оставим в стороне мулл. Есть священнослужители, облеченные большей властью, чем муллы. Это ишаны, направляющие работу мулл целого уезда или даже всей губернии. Ишаны все без исключения окончили медресе, философия их схоластична, и потому вреда от них даже больше, чем от невежественных мулл. Ишаны считают себя истинными проповедниками веры, хотя они, как легко заметить, безнадежно отстали от жизни; мнят себя духовными исцелителями людей, хотя совершенно ясно, что это вовсе не их

удел. Это лживые и коварные люди, хорошо сознающие всю шаткость своего положения и никогда не расстающиеся с четками и чалмой. Их всегда видишь в окружении невежественных людей, слепо верующих в аллаха.

Мы убедились, что вера безгранична, и никто из смертных не в силах ее познать до конца. И тот, кто решительно и с полным сознанием вступил на этот путь, может называться истинным мусульманином. Советом ли, или имуществом он отныне обязан творить добро ближнему. И если он посвятит благодеянию всю свою жизнь, то можно надеяться, что он станет ближе к аллаху. Творить добро — долг каждого человека.

Но есть люди, помыслы и дела которых направлены на то, чтобы жить в достатке и красиво одеваться. Они из кожи лезут, чтобы выставить себя как на базаре и сорвать похвалу в свой адрес или вызвать чью-нибудь зависть. Но что с того, если кто-то будет завидовать их нарядам? Преследовать в жизни только личные выгоды — значит быть ограниченным человеком. Не от большого ума идет желание человека обладать всеми благами мира. Достоинство человека определяется не внешностью и достатком. Аллах судит о человеке по его сердцу и уму. И люди, которые избрали богопротивный путь, равно как и люди, которые завидуют им, вряд ли когда-нибудь станут полноценными. Если они и поумнеют, то, должно быть, благодаря помощи людей невероятно добрых.

Всегда ли осуждается стремление к богатству? Нет. Устроенность жизни как бы очищает ум человека, а достаток создает условия для его развития. Нужда же, бывает, превращает человека в животное, все усилия которого идут на то, чтобы прокормиться, не умереть с голоду. Не имея возможности познать смысл жизни, он остается невеждой, а это противоречит назначению человека. Коран осуждает невежество,

считая его глумлением над человеческим именем. Человек должен стремиться к богатству, как к средству, которое, во-первых, дает ему возможность оказывать неограниченную помощь своим братьям, во-вторых, не позволяет ему самому попасть в губительную зависимость от других. И то и другое означает, что изобилие необходимо для обеспечения свободы людей и создания определенных условий для их духовного развития.

Наука постигается не для того, чтобы с ее помощью нажить богатство. Наоборот, богатство должно служить развитию науки.

Знание и ремесло – вот настоящее богатство.

Процесс овладения знаниями или искусством какого-нибудь ремесла – высшее благо.

Но для того, чтобы знания и искусство принесли пользу народу, они должны быть подчинены вере, ибо вера требует от людей благодеяния.

Всевышний создал мир по законам прекрасного, а людей – с благородным стремлением к совершенству и продолжению рода. Одной из важных предпосылок совершенства является дружба. В ней люди обязаны видеть свой долг. Но долг этот выполним только тогда, когда человек склонен к дружелюбию. Если твое расположение к кому-то вызвало ответное чувство, и если ваша дружба, основанная на взаимной любви и уважении, переросла в привязанность друг к другу, то эту дружбу можно считать настоящей. Прекрасно, когда такая дружба связывает большой круг людей.

Бескорыстная, чистая дружба исключает какое бы то ни было чувство неприязни, эгоизм или попытку человека завоевать себе славу в глазах других, скажем, острым языком или из ряда вон выходящим поступком.

Есть два способа выделиться, обратить на себя внимание людей.

Первый заключается в том, что человек, столкнувшись со злом или несправедливостью, не опускается

до уровня тех, кто творит это зло, а всеми силами противостоит им. Это человек со светлой душой. Его стойкость вызывает уважение.

Второй состоит в том, что человек избирает зло своим оружием. Он чинит людям неприятности, унижает их, если у него в руках власть, оскорбляет, если слаб. Это человек с темной душой. Его поведение оборачивается для него враждебностью людей.

Стремление отличиться во что бы то ни стало рождается себялюбием, что является чертой характера людей, не способных к дружбе. Себялюбие делает человека завистливым, зависть его озлобляет других, ему подобных, и таким образом люди теряют покой и становятся недругами.

Есть три вещи, которые унижают человека. Это невежество, лень и злодеяние.

Невежество — отсутствие знаний, а без знаний ничего не приобретается в этом мире. Не стремиться к знаниям — значит уподобиться животному.

Лень — враг человечества. Она в свою очередь рождает покорность, инертность, бесстыдство и нищету.

Злодеяние — бесчеловечно. Тот, кто все время норовит сделать людям зло, теряет свою человеческую сущность и превращается в зверя.

Люди должны иметь ума хотя бы настолько, чтобы противостоять этим трем порокам и стать знающими, чтобы быть в жизни энергичными и справедливыми. Надо всегда иметь перед собой примером чудотворную силу аллаха и надеяться на возможность своих рук и мыслей тоже как на чудо, верить, что каждое твое дело пойдет на пользу народу. Без этой надежды и веры — ты никто. Тебя хватит ненадолго. Не быть рабом аллаха — значит не быть слугой народа.

Да, Всевышний ничего не создал зря. Все, созданное им, логично, имеет добрый смысл и разумно связано с другими его творениями.

Науки, например, как бы олицетворяют развитие людей, путь народов к прогрессу, путь познания людьми аллаха, природы, самих себя.

Долг, прежде всего, понимается как высокая нравственная категория, как обязанность человека совершать благодеяние.

Говорят: «поступок»,— и обязательно думаешь, что человек должен поступить законно, разумно, по совести.

Говорят: «стремление»,— и веришь, что оно будет направлено к доброму, возвышенному, прекрасному.

Пророк Мухаммед, да одарит его аллах милостями своими, писал в хадисе: «Без стремления не бывает доброго дела». Значит ли это, что для постижения аллаха нужно обязательно соблюдать все обряды, требуемые муллами? Ведь сам пророк, как мы выяснили, не считал обряды чем-то незыблемым. Не идем ли мы по ложному пути?

Хорошо, вы совершаете омовение, молитесь, держите пост, вы стремитесь к воздержанию от мирских или чувственных отрад, но действительно ли все это дает вам успокоение? Внешне вы спокойны, даже невозмутимы, но так ли спокойна ваша душа?

Совершаемые вами обряды тогда искренни и полны смысла, когда вы всем существом признаете божью правду. И омовение, и молитвы — намазы, и пост должны быть лишь внешним проявлением убежденности; но если вы не прониклись безграничной верой в аллаха, то не превращаются ли эти обряды в величайшее выражение человеческого лицемерия?

Может быть, правы те ученые богословы, которые утверждают, что есть одна вера, настоящая, и она не делится на сознательную и слепую. И обряды, по их мнению, являются лицом веры, украшают ее и только потому необходимы.

Я уверен: редко кто интересуется истинным назначением обрядов. Раньше они служили для сохранения

чистоты веры. Служат ли они этому сегодня? Наверное, все-таки глупо, когда люди, по настоянию мулл, молятся ради того, чтобы не казаться неверующими.

Но в чем заключается сущность молитвы? Правоверный сперва освобождает тело от испражнений и совершает омовение. Становясь на молитвенный коврик, он проводит смоченной в воде ладонью по носкам и подъему ичигов, показывая всем, что он чист и совершил омовение. Потом точно так же проводит ладонями по лицу и шее, имитируя умывание. Надо отметить, что все движения рук идут сверху вниз, так, как стекала бы по телу вода, если бы он мылся. Теперь совершающий намаз готов к общению с аллахом.

Он трогает пальцами уши, и это тоже знак. Знак того, что он признает свое ничтожество перед аллахом и, не смея воздевать руки к нему, ибо аллах везде и нигде, он весь как бы прекращается в слух. Взывает к его помощи, чтобы аллах удержал его от соблазнов, ибо он погряз в мирских грехах. Затем покорно складывает перед собой руки – раб стоит перед всемогущим повелителем и молча уверяет его в своей покорности. Оборачивается в сторону Мекки, ибо там родилась великая вера, и он надеется, что его молитвы будут услышаны аллахом.

Он читает молитву, начиная ее с суры фатиха – восхваления Всевышнего. Разъяснить эту суру – долгая история, да и взялся я прокомментировать лишь внешнюю сторону обряда.

Молитва продолжается... Руки прижимаются к коленям и кладется первый поклон. Им как бы говорится, что молящийся непосредственно предстал перед аллахом. Опускается на колени и касается лбом земли, повторяет поклон и выпрямляется. Великолепное выражение мысли, что он, человек, вышел из земли и уйдет в землю, что он продолжит жизнь в потустороннем мире и, в конце концов, предстанет перед страшным судом Всевышнего.

Молитва приближается к концу.. Последнее колено-преклонение – еще одно приветствие, еще одно выражение своей признательности аллаху, еще одна просьба, чтобы аллах одарил милостями своими пророка, который придет к людям.

Молитва закончена. Творцу принесены покаяние, любовь, благодарность его раба и просьба за будущее всех мусульман.

Вот как выражается человеком его вера.

Но что дает это внешнее проявление самой вере и людям? Кто объяснит это мне?

1896

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

У наших отцов и дедов по сравнению с сегодняшним поколением, конечно, было меньше знаний. Они были бесцеремоннее в обхождении, менее культурны, чем мы. Но деды наши обладали такими двумя качествами, которыми мы сейчас никак не можем похвалиться. Это стремление к единству и забота о чести.

Мы приобрели многое, стали образованнее: жизнь безудержно движется вперед. Но, не вернув себе этих двух возвышающих человека качеств, мы не сможем встать в ряд с великими народами. Больше того, все наши достижения и поиски оборачиваются не на пользу нам, а во вред.

В давние времена в народе умели почитать лучших мужей. Самых мудрых и честных из них облачали особыми полномочиями и называли «ел басы» – глава народа и «топ басы» – предводитель общины. Эти избранные решали тяжбы и управляли жизнью страны, а все остальные беспрекословно подчинялись их воле и занимались своими большими или малыми хозяйственными делами. В народе говорили: «Возьми в руки альчик и, если годится, сделай из него биту», – но при этом добавляли: «Когда каждый мнит себя бием,

людям тесно на земле; когда народ един со своим вождем, он не сгорит и в огне».

Да, народ стоял стеной за своих предводителей, отдав им в руки бразды правления и помогая им во всем. Он не замечал недостатков своих кумиров, славил их прозорливость. И, почитая их как божество, он становился лучше и сам. О чем же, как не о благоденствии и возвышении своей страны осталось печься вождям, когда богатство народа было их богатством, а люди были их братьями?

В степи бытовала и такая пословица: «Кто не дорожит своею честью, того чужой обидит». И снова люди предостерегали друг друга: «Жажущий отмщения за личную обиду приносит вред общему делу».

Говорили еще: «Шестеро склочников упустят то, что они уже держат в руках, четверо дружных добудут даже то, что спрятано на небе», «Кто любит дорогу, найдет казну, кто любит спор, повстречает беду», «Родич может потерять человеческий облик, но никогда не теряет кровных уз».

Да, когда в аулах упоминали имена предков и зывали к их духу, сородичи прекращали междоусобицы и забывали всякие обиды. Вставали как один на защиту обиженного.

Где сейчас эти два высоких качества? Они тоже были плодами достоинства и стойкости, и, потеряв эти славные качества предков, мы потеряли все.

Теперь не дружат. Душевное расположение заменил обман. И не умеют враждовать. Гнев подменен завистью и склоками.

1897

СЛОВО СОРОКОВОЕ

Кто ответит на мои вопросы?

Почему у нас, у казахов, хвалят мертвых, а о живых ходит лишь недобрая молва?

Почему ослабевшие старики ладят с молодыми, а между собой, хотя и теряют каждый день кого-то из своих ровесников, не могут жить в согласии?

Мы болеем душой за дальнего родственника и любим его, как родного брата, пока он живет на чужбине.

Но когда ему удастся вернуться на родину, мы через некоторое время обрушиваемся на него как на врага. Почему так происходит?

Увидав достойного в чужом народе, мы восхищаемся им, превозносим до небес, называя его лучезарным, светоносным... Но почему мы не призываем своих соплеменников, будь они даже на голову выше чужаков?

Почему, приезжая в далекую чужую страну, человек врёт без зазрения совести, хвастаясь своим краем, а возвратившись домой, снова лжет, теперь уже расточая похвалы чужим землям?

Почему казах обожает своего ребенка, пока тот мал, и быстро охладевает к нему, когда он уже вырос?

Почему иных родичей не докличешься на радостный той или тяжкие похороны, но они тут как тут, когда дело доходит до набегов и воровства?

Как понять родича, который и пальцем не пошевелил, чтобы твой скакун первым пришел к финишу, но обиделся, когда ты обошел его при делении приза?

В старину люди до самой смерти помнили оказанную им услугу. «Такой-то, дай бог ему счастья, помог мне добраться до жилья, когда мой конь вконец выбился из сил»,— с благодарностью вспоминали они. Почему в наши дни, приняв твою помощь, люди тут же забывают об этом?

Чем объяснить, что сын бая, обнищав, не стыдится воровать, а служить другому баю считает для себя зазорным?

Двое хороших людей не могут ужиться в одном ауле, а два подлеца сойдутся так тесно, что их водой не разольешь. Как это получается?

Почему тот, кого ты считал другом и посадил на скакуна, обернулся от тебя, получив стригунка от твоего недруга?

Почему порой человек не довольствуется привычной беседой с умным человеком, а до смерти жаждет услышать слово врага?

Почему человек не желает счастья своему другу? И почему, если друг как-то возвысился, непримиримым врагом ему становится именно этот самый человек?

Есть люди, которые не могут найти себе советчика. Но почему они избегают тех, которые способны видеть всю их подноготную?

Некоторые люди в гостях ведут себя так, как будто пригнали с собой весь свой скот. Но почему они отгоняют скот подальше от дома, когда к ним самим приезжают гости?

Почему люди всегда жаждут мира, если он очень скоро утомляет их?

Почему живые, вдохновенные люди неимущи даже тогда, когда они правят народом?

Почему токал — младшие жены — всегда строптивы?

Почему люди безнравственные всегда решительны?

Почему глупые упрямыцы поступают наперекор рассудку?

Почему сдержанные, ведущие умеренный образ жизни люди считаются слабыми, а распутники и хвастуны, везде и всюду учиняющие скандалы, слывут удалыми?

Казахов не удивишь правдивым словом. Они не прислушиваются к нему, отмахиваются от него так, словно бы им недосуг заниматься пустыми разговорами. Но стоит появиться вымыслу, как они сбиваются вокруг него, подобно молоку, в которое брошена закваска, и не уйдут, пока не дослушают его до последнего слова. Почему же казахи падки на кривду?

СЛОВО СОРОК ПЕРВОЕ

Человек, который по-настоящему озабочен будущим казахов и собирается не только давать советы, а и осуществлять их на деле, должен удовлетворять одному из двух требований.

Первое условие: в руках этого человека должна быть сосредоточена вся власть по управлению народом. Только тогда он сможет насильно забирать детей учиться. Дети должны быть определены в различные медресе, ибо наук великое множество и необходимо овладеть ими всеми. Девушек тоже следует приобщить к учебе, пусть они изучают хотя бы религиозные науки, если невозможно заняться другими. Надо добиться, чтобы народ дал средства, необходимые для учебы детей и их содержания. И вот тогда, когда юноши и девушки обогатят себя знаниями, а их состарившиеся отцы уже перестанут повелевать степью, может быть, тогда казахи и выправят свое незавидное положение.

Второе условие: в руках этого человека должны быть несметные богатства. Только тогда он будет способен одарить всех казахов, у которых заберет детей, чтобы послать их на учебу.

Но нет сегодня такой власти, которая была бы так сильна, чтобы держать народ в повиновении. И не найти в степи богача, который был бы в состоянии задобрить миллионы людей. А словами казаха не возьмешь: угрозами его не испугаешь, упреками не устыдишь. Невежество досталось им в наследство от отцов, вместе с материнским молоком вошло оно в их кровь и плоть и убило в них стремление к прекрасному. И не думают они, что есть на свете вещи более интересные, чем глупый смех, шушуканье, споры и грызня. Если и приходит им в голову такая мысль, она долго не задерживается. Тщетно доказывать это казаху: в одно ухо впустит он твои слова, из другого выпустит. Так кто же мы, в конце концов, — народ или

неуправляемая толпа? И что нам предпринять, чтобы стать просвещенным народом?

1897

СЛОВО СОРОК ВТОРОЕ

Пристрастие казаха к дурному объясняется бездельем. Если бы он занимался хлебопашеством или торговлей, у него не оставалось бы и мало-мальски свободного времени на глупости. Но казах не привык пахать землю или торговать.

Безделье же превратило казаха в бродягу. Выпросив у кого-нибудь на время лошаденку, он скитается из одного аула в другой, чтобы жить на дармовщину, или собирает сплетни, стараясь вовлечь людей в интригу и рассорить их, или же сам вместе с подобными себе строит другим козни. Честный труженик посчитал бы такую жизнь собачьей. Как ни тяжела работа, он не променяет ее на бродяжничество.

Богачам кажется скучным жить, занимаясь разведением скота. Они оставляют стада на попечение пастухов или своих малолетних детей и покидают дома. Богачи терпят, когда их стада становятся добычей воров и хищников или гибнут от холода и бескормицы, но они не могут вынести, когда остаются в стороне от участия в заговорах, сплетнях и дрязгах. Они обязательно должны разъезжать по аулам, встречать во все споры и тяжбы, а потом, развалившись за чужим дастарханом, развлекаться пересудами о людских несчастьях.

Это превратилось в привычку народа, ибо плохое быстро становится достоянием толпы.

В степи теперь не ценят людей, знающих толк в ведении хозяйства, умеющих пасти и выращивать скот, зато почитают смутьянов и сплетников. Немало добрых казахов побросали свое большое или маленькое хозяйство и скитаются сейчас по степи.

Они выуживают сплетни, ищут ссор, питаются у чужих дастарханов. Им нет дела до того, что хозяйства их, за которыми присматривают знакомые или соседи, хиреют, а семьи терпят нужду.

Не богатством хвалятся нынче люди, а умением надуть честного человека, не умом и честью гордятся, а искусством составления доносов на своих врагов. Даже бедняк-однолошадник, никогда не державший в руках нарядной камчи, познав эти два «искусства», вымогает у какого-нибудь бая хорошего коня, ест жирный бешбармак, садится в гостях на почетное место.

Эти люди знают богачей, равнодушных к лести, как свои пять пальцев. Сперва они добиваются их расположения «добрыми советами», а потом и вовсе подчиняют их себе. «Вы только прикажите,— лебезит подобный «советчик».— А я уж живота не пожалею ради вас. Готов идти в огонь и воду...» Глядишь,— он уже распоряжается богатством своего подопечного, будто собственным, и становится в ауле уважаемым человеком. Несчастный же богач не понимает, что отныне он навсегда потерял свою независимость и спокойствие. Не видит он, что зря раскошеливается. Постепенно он привыкает по любому поводу советоваться с проходимцем, который стелется перед ним коровьей иноходью, чтобы не потерять своего положения. «О мой повелитель! Неужели вы не знаете его?— нашептывает он на ухо баю о человеке достойном.— Ведь это же известный интриган! На эту его уловку вы должны ответить так, а вот на ту — эдак». И добивается того, что бай начинает заноситься и говорить доброму человеку не те слова. Отворачивается от бая добрый человек, недовольный разговором с ним, а советчику только этого и надо. «Вот видите, каким он оказался?— заключает он.— Хорошо, что вы последовали моему совету. Хитрил ведь! Разве доброжелатель так поступил бы?..» Теряет

волю бай и отныне и шагу ступить не может без своего советчика. Перестает он верить людям, и люди больше не верят ему.

Таков нынче разум степняка, и образ его жизни.

1898

СЛОВО СОРОК ТРЕТЬЕ

Душа и тело даны человеку природой. Свойства же его различного происхождения. Одни, так называемые произвольные, рождаются вместе с человеком, другие, приобретаются им в результате труда. Потребность есть и пить — прирожденная. Сон тоже. Желание увидеть мир и познать его — также произвольная потребность. И только ум и знания являются плодами трудовой деятельности человека.

Человек познает мир, наблюдая глазами, слушая его звуки ушами, прикасаясь к предметам руками, вдыхая запахи носом, определяя вкус языком. Все его ощущения — и приятные, и неприятные — запоминаются ему, как определенные образы. Усваиваясь указанными пятью органами чувств, они располагаются в памяти в определенном соотношении, создавая некую систему образов. Образность того или иного явления или предмета, прочность закрепления его в памяти находятся в прямой зависимости от силы впечатления, произведенного этим предметом или явлением. Впечатление от какого-нибудь нового явления может привести в движение целый ряд ранее усвоенных образов, и некоторые из них становятся еще более яркими, а другие тускнеют. Итак, мы имеем дело не с системой неких застывших образов, сложившейся от первоначального восприятия, а с непрерывно изменяющейся формой познания мира. Человеческий дух постепенно крепнет этими приобретениями — радостями и переживаниями. Нетрудно понять, почему сила духа на первых порах слаба: она в этот

период, в основном, зависит от объема или суммы познаний. То есть, чем больше отягощена память, тем больше крепнет человеческий дух, его воля. Человек критического ума, склонный к анализу, умеющий отделять нужное от ненужного, как правило, обладает сильным духом. А тот, кто не размышляет над услышанным и увиденным, не только не приобретает нового, но и теряет старые познания. Дух его слабнет. Человека, понявшего это, думается, уже можно назвать умным.

Но есть иная категория людей. «Что я могу поделывать, раз бог не наделил меня умом?— разводят они руками.— Он создал нас неодинаковыми: ты умен, а я — нет...» Эти люди клеветают на бога, чтобы обелить свое невежество и леность. Разве бог говорил кому-нибудь из них: «Не наблюдай, не прислушивайся, или не задумывайся над тем, что увидел и услышал, или не запоминай ничего?» Разве бог заставил его, скажем, предаваться безудержному веселью, гнаться за угощениями, подолгу спать или хвастать? Нет, не бог виноват в том, что этот человек потерял духовные ценности и превратился в животное.

Вообще, странных людей на свете хоть отбавляй. Есть и такие, которые согласны, что ум складывается в процессе труда, а желание — это произвольное чувство, изначально заложенное в человеке. Спорить тут не приходится, ибо стремление познавать можно заметить в каждом ребенке. Но дальше эти люди утверждают: у кого было больше желания, те, понятно, стали умными, а у кого желания было меньше, те не смогли ничего достичь. Неверное утверждение. Мы уже говорили: сила духа на первых порах жизни человека незначительна, и если не развивать своего стремления к познанию, то легко потерять даже то малое, что имеешь. Мастерство человека, его искусство шлифуются непрерывными занятиями, упражнениями. Бездеятельность приводит к тому, что

постепенно начинают стираться те или иные грани мастерства, а потом перестает существовать и само мастерство. Человек может даже не заметить, что он стал другим. Ведь мастерство или знание не предупреждает, вот, мол, я ухожу... Просто человеку нужно всегда помнить, с каким трудом он рос и познавал мир. Потеряв свои знания однажды, невероятно трудно овладеть ими снова: может не хватить силы духа.

О силе духа, или, как говорят, о душевной силе, можно писать бесконечно, ибо рассуждения о ней представляются мне началом самостоятельной науки. А всякая наука беспредельна...

Но есть три свойства, которые, как мне кажется, составляют основу человеческой сущности.

Первое – живость восприятия. Что бы ты ни увидел и ни услышал, о чем бы ни узнал, ты должен не только быстро установить суть нового, но и выяснить, что оно даст тебе в будущем. То есть необходимо определить при этом две возможные крайности: какая будет от него польза и какой вред. Без подобной подвижности ума, которая в кратчайшее время выясняет степень ценности нового, нельзя считать достаточно полезной даже самую кропотливую и долгую учебу. Человек обязан научиться вовремя продумывать сложившееся положение, вовремя принимать решение и осуществлять его, короче говоря, он должен вовремя сказать свое слово. В противном случае его всю жизнь будет преследовать раскаяние. «Ах, какая досада!– будет думать он.– Надо было поступить иначе. Упустил я время...»

Второе – это свойство, объясняемое через притягательную силу однородного. Эта сила в способности сравнивать то новое, что человек узнал, с уже известными ему истинами. Действительно ли они однородны полностью? Или, скажем, схожи только отдельные свойства? Желание установить связи между новым и старым заставляет человека спрашивать о

непонятном у других, изучать его по книгам, размышлять.

Третье – это впечатлительность сердца. Ее можно сохранить, если оберегать сердце от хвастовства, корыстолюбия, легкомыслия и беспечности. Тогда, как в чистом зеркале, отразится в сердце любой образ, и он воспримется всем человеческим существом и запомнится надолго. Если же не удастся сохранить сердце в чистоте, то исказится отраженный в нем мир: он предстанет неверным и тусклым. Какой смысл имеет для человека подобное знакомство с новым? Оно увидено им в ложном свете и обязательно приведет к ошибкам.

Силой своих рук человек добывает имущество: оно несет в себе благо жизни, но в нем достаточно и вреда. Человек обязан знать обо всем этом, иначе он не удержит своего состояния.

Силой духа и волей человек постигает науку. Но и у науки есть свои сильные и слабые стороны. О них тоже должен знать человек, тогда ему будет ясно, как развивать науку и извлекать из нее предельную пользу для блага народа.

Но все хорошее в мире имеет свою меру, и знать ее – большое дело. Нельзя, например, уподобляться человеку, который, фанатично отдавшись делу, теряет здравый рассудок. Все, что сверх меры, – зло. В еде и питье, в смехе и веселье, в объятиях и поцелуях, в стремлении накопить богатство, в ловкости и хитрости, в одежде – во всем должна присутствовать мера.

Древние мудрецы говорили: «То, в чем ты всегда находишь радость, однажды принесет тебе и огорчение». Так пусть не останется тайной, что живость восприятия и умение сопоставлять вещи – это две силы, которые, объединившись, дают все необходимое человеку. В них сокрыто и добро и зло. И карьеризм, и хвастовство, и злобность, и лживость, и все остальные пороки рождаются ими.

Умея отличать хорошее от плохого, человек в силах не поддаваться пагубным страстям. Но одним разумом все же не устоять. Разум должен объединиться с волей, и тогда можно обуздать страсти. Тот, кто обладает этими двумя качествами, может управлять живостью восприятия и силой притяжения однородного однородным, как верным иноходцем, которому знаешь где доверить повода.

Но если разум и воля твои невелики или ты обладаешь лишь одним из этих качеств,— считай, что ты потерял власть над двумя свойствами духа. Ты окажешься в положении всадника, который, сев на невзнузданного дикого коня, рискует разбиться о скалы, упасть на камни или свалиться в воду. Бог знает, где и когда это случится. У тебя нет иного выбора, кроме как ждать беды. Развевая полы халата и устремив глаза в небо, ты несешься, и унижение от собственного бессилия будет преследовать тебя до самой последней минуты.

1898

СЛОВО СОРОК ЧЕТВЕРТОЕ

Самый жалкий человек — это человек без стремлений. Но стремления бывают разные, да и люди непохожи друг на друга: по-разному идут к цели. Надо сказать, что само по себе это свойство воспитывает постоянство и обогащает ум.

Независимо от того, имеет ли человек какое-то стремление или не имеет, он радуется, когда его кто-то хвалит.

Душа его тянется к этому человеку и зачастую он даже не думает о том, заслуженная ли это похвала или незаслуженная.

Человек обычно делится мыслями с близкими себе людьми, и когда ждет одобрения своего поступка или

признания заслуг, то ждет этого именно от них. Похвалы людей иной среды он не жаждет так сильно. Странно идет человек к славе.

Большинство людей стремится к благополучию. И это понятно.

Досадно, когда видишь людей, рвущихся к власти или богатству. Для таких, как говорится, в достижении своей цели все средства хороши. Жадностью и хитростью накапливают они богатство, ибо знают: народ не осудит толстосума, превратись он хоть в собаку. Разве не народ сложил такие пословицы: «Кто богат, тот и прав» или «У богатого лик светел, темен он лишь у нищего»? И вот люди считают, что только богатство приносит почет и славу, и они правы, если смотреть на мир глазами степного народа. Но с общечеловеческой точки зрения — это, конечно, глупо и неверно.

И точно так же, как жаждут богатства и похвал, люди хотят прослыть храбрецами, знатоками, ловкачами, хитрецами, святыми людьми — ходжи и муллами... При этом каждый мнит себя самым необходимым для народа человеком. Они делают свой выбор, прощупав пульс казаха и определив, какое из перечисленных «достоинств» сейчас больше в цене и принесет им выгоду. Это не тот выбор, о необходимости которого для народа узнают по книгам.

Люди, интересующиеся книгами, знают, что сперва надо позаботиться о душевной чистоте, а потом уже посвятить себя служению аллаху и народу.

Разве думают сейчас казахи о чистоте души? Наоборот, для того, чтобы достичь какой-то большой цели, считают они, надо стараться быть нечувствительным, грубым.

Разве не видно теперь, чему учились казахи и что составляет их стремление?

СЛОВО СОРОК ПЯТОЕ

Самым веским доказательством существования аллаха является то, что многие тысячелетия люди на разных языках говорят об одном и том же: о великом и непогрешимом боге. Сколько бы ни было видов религии, все они утверждают, что богу присущи справедливость и любовь.

Мир создали не люди – они только познают уже сотворенный аллахом мир. Люди стремятся к высшей справедливости и любви, и мудрым становится тот, кто искренне поверил и понял величие аллаха. Именно искренне поверил, а не заставил себя уверовать в это.

Сущность человека составляет любовь, справедливость и душевность. Люди не могут обходиться без этих начал. Просто в жизни не бывает случая, когда бы не участвовали они и не предreshали ту или иную человеческую судьбу. Таким создал Всевышний наш мир.

Даже у жеребца, когда он покрывает кобылу, проявляется любовь.

Ученый и мыслитель – гордость человечества. Ими становятся те, у кого больше чувств и ума. Мы не придумываем науку, она появляется как результат наших ощущений, наблюдений и размышлений о созданном вокруг нас и организованном для нас мире.

1898

Перевод С. Санбаева

ВЛАСТИТЕЛЬ – СЛОВО

Почему трудно переводить Абая?

*Абай вечен. Абай бесконечен. Он стоит в ряду
гигантов духа. Он олицетворяет целый народ.
Бесконечно его постижение.
И путь к нему долог и тернист.*

I

Дотошные лингвисты могут меня поправить, однако мне кажется, что в поэзии Абая наиболее употребляемое слово – СӨЗ. Убедиться в этом несложно.

Возьмем его знаменитое стихотворение «Поэзия – властитель языка». Слово «сөз» автор употребил пятнадцать раз – «сөздің патшасы» («царь слова»), «сөз сарасы» («отборное слово»), «бөтен сөз» («чужое, чуждое слово»), «сөздің басы» («начало слова»), «сөз жаксысы» («избранное слово»), «сөз қадірі» («достоинство слова»), «ақыл сөз» («умное слово») и т.д.

Читаем другое стихотворение – «Науки не освоив, не кичись». Слово «сөз» встречается здесь двенадцать раз: «шын сөз» («истинное слово»), «сөз мәнісі» («значение слова»), «көптің сөзі» («слово большинства»), «жақынның сөзі» («слово близкого») и т.д.

Далее можно не считать: на «сөз» вы наталкиваетесь едва ли не в каждом стихотворении – «өлең сөз» («стихотворное, поэтическое слово»), «сөзі тәтті» («слово сладкое»), «сөз ұғарлық» («понимающий слово») и т.д.

«Сөз» по-русски означает СЛОВО.

Абай восхищается Словом, без устали обыгрывает его, раскрывает его глубинную суть, призывает ценить его, не употреблять все, не забавляться им, познать его истину, отличать от слова ложного, пустого не засорять речь неуместным, чужим словом, сетует на то, что ныне слово упало в цене, его не понимают, ему не внимают, убеждает читателя вслушиваться в слово разума, проникнуться словом мудрых.

Нетрудно также понять, что у Абая – как почти все его слова – оно объемное, многоликое, многозначное. Оно не просто слово. Это и язык, и речь, и назидание, и речение, и наставление, и молва, и стих, и мудрость. Слово плоское, серое, однозначное, бытовое Абая не прельщает. Чужды ему и витиеватые, высокопарные, напыщенные, велеречивые, цветистые, как лоскутное одеяло, пенящиеся, как перебродивший айран, «красные словеса». Он без конца напоминает: его слово – «без блеска-сверка», с первого раза на слух, его не каждый воспримет, не каждый поймет; просит: не брезгуйте моими словами; подчеркивает: всего дороже те, в которых заключен глубокий смысл; внушает: его слова спесивцам недоступны, их поймет только прозорливый, лишь тот, кто сердцем жив, душой открыт.

Почитание поэтического слова, в котором заключены потаенные суть, достоинство и мудрость – один из главных мотивов поэзии Абая.

Он знал: его стихи не всем по нутру, они необычны, непривычны. Степь за многие века выработала свои поэтические каноны, свой эстетический вкус, свои прочные традиции, своеобразный культ устной речи, ритмизированной, с устойчивыми рифмами, густо перемешанной пословицами, поговорками, ловко или не очень сплетенной из псевдовозвышенных, мнимокрасивых словес. Абай сознательно разрушает эти каноны, ломает сложившиеся традиции, отвергает

былые, тысячекратно воспетые на все лады «восточные» темы, привносит в казахскую поэзию свежие краски, новые слова, насыщает их многозначным глубинным смыслом.

Абай говорит – передаю его слова в подстрочном прозаическом переводе:

Мои стихи не о драконах, не об Али-Хазрете,
В них «дев прелестных, луноликих» не найдешь.
И старость не кляню, и смерть не воспеваю,
И жигитов к бесстыдству не зову.

Здесь Абай высмеивает старых акынов и их основную тематику: сказы о сподвижниках Пророка, о мифических существах – «айдахарах-драконах», о гуриях, «девах со золотым подбородком», о загробной жизни, а также их страсть к неумеренному пышнословию и высокопарности.

Не унижать достоинства искусства, ибо поэзия – властительница языка. Таково поэтическое, эстетическое кредо Абая. Значимость творчества Абая для своего народа лучшие его представители «с чутким сердцем и душой» подметили прозорливо. В некрологе, помещенном в «Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (1907), Алихан Букейханов сказал удивительно точно и емко: «Абай был самородок, вынесенный судьбою в безвременье его родины...».

Философы утверждают: процесс творения – самоограничение от Бога. Гете уточняет: «В умении себя ограничить проявляется мастер». Самоограничение в этом смысле свойственно и Абаю. Оно проявляется в подборе и отборе поэтических средств, в жесткой экономии словесного материала, в уплотнении мысли, в густоте метафорической образности. И именно потому, полагаю, у читателя создается устойчивое ощущение, что Абаем написано значительно больше

того, что вместились в два скромных томика. Читателя Абая каждый раз неизменно охватывает чувство новизны. Магия его поэзии в ее многомерности и полифоничности. С творчеством Абая я, например, знаком со школьных лет, читал его стихи бесчисленное количество раз, писал о нем, цитировал, сравнивал и сопоставлял, делал подстрочные переводы, конспектировал его гаклии – философские эссе, и все равно каждый раз открываю его для себя заново, невольно поражаюсь глубиной той или иной строчки, свежестью слова, метафоричностью, образностью. И потому кажется, что Абай бездонен, безграничен, огромен, всеобъемлющ.

Не кажется – так оно и есть.

В 1913 году ученый, литератор, просветитель Ахмет Байтурсынов опубликовал в газете «Казах» статью об Абае, в которой он, пожалуй, один из первых раскрыл всю духовную значимость казахского поэта – «главного, ведущего». Ахмета Байтурсынова, прочитавшего стихи Абая впервые в рукописи еще в 1903 году, больше всего поразили их новизна, их отличие от всего созданного казахскими поэтами до него. «Слов мало, а значение их многомерно, глубоко», – писал он. Без предварительной подготовки или без специального комментария – читай хоть тысячу раз – некоторых слов не понять. Да, слова Абая трудны для понятия рядового, простого читателя, но это не вина Абая, не недостаток его, а беда читателя, не доросшего до восприятия его поэзии.

Таков Абай. Такова его муза, сложная, далеко не всегда и всем доступная, загадочная. Таково его Слово, многоликое, многоплановое, многокрасочное.

И говорю об этом подробно лишь потому, что пытаюсь объяснить, почему поэзию Абая так трудно переводить на другие языки, почему она до сих пор не звучит достойно по-русски, в чем причина переводческих неудач, чем вызвана бескрылость его поэтических переложений.

И в самом деле, что нет до сих пор Абая, достойно звучащего по-русски, – прописная истина. О том говорим и на то жалуемся на всех перекрестках добрых полвека. И каждый раз, когда разговор заходит об очередном сборнике стихов Абая на русском языке, издатели и редакторы хватаются за головы: на каком переводе остановить выбор, из чего выбирать, чьему переводу отдать предпочтение. И на переводчиков сетовать вроде нельзя. Есть старательные, бережные, аккуратные поэтические переводы М. Петровых, Вс. Рождественского, М. Тарловского, Л. Озерова, Ю. Нейман, О Румера. Читаешь их – вполне прилично, весьма близко, похоже, узнаваемо. Начинаешь вникать в перевод, сравнивать с оригиналом – ай, не то, не Абай все же, чего-то не хватает, нет того обаяния, того поэтического шарма, той естественности и многослойности, того дыхания, той мудрости, что в подлиннике. Нет, и все. Хоть плачь! И даже слова вроде те, точно переведенные, и ритмомелодика сохранена, и рифмы подобраны, подогнаны, и намек на национальный колорит присутствует, и все же не то, не звучит, не играет, не влечет, не завораживает. Что-то невидимое, неосязаемое ускользает, уплывает, растворяется и, как говорит Абай, «изъяны всюду выпирают».

Должно быть, по этой причине некоторые литераторы, философы, знатоки и почитатели Абая – я свидетель – отказываются писать предисловия к сборникам казахского поэта на русском языке. Понятно, хочется сказать о значимости, о своеобразии, о величии поэта, а переводы его стихов этого не подтверждают, скорее наоборот. Даже лучшие переводы – всего лишь тень, силуэт оригинала. Цитировать подстрочники – тоже не дело. Слишком далеки они от аула Поэзии.

На многочисленных встречах с читателем этот вопрос – «Почему нет Абая в русском переводе?» – задается непременно и неизменно. Бывало, и я задавался этим вопросом. Не имея ни малейших данных (кроме искреннего желания) для воссоздания Абая на русском языке, я в разные годы пытался – сделать хотя бы подстрочные переводы отдельных его стихотворений, и вскоре убедился, понял: почти безнадежное дело, напрасные потуги, мука мученическая. Едва ли не каждое слово Абая противится, сопротивляется, не поддается толмачеству, вызывает уйму синонимов, которые даже все вместе не создают адекват оригинала, поневоле сбиваешься на косноязычный, многословный пересказ, на бледный, громоздкий комментарий, а подстрочник обретает столь неудобочитаемый вид, что от стыда горят уши и от бессилия впадаешь в тоску и уныние.

Вот знакомые мне с детства строки:

Бойы бұлғаң	а4
Сөзі жылмаң	а4
Кімді көрсем, мен сонан,	б7
Бетті бастым	в4
Қатты састым	в4
Тұра қаштым жалма-жан.	б7

Прочтите, взгляните в одну лишь строфу этого язвительного, остро сатирического стихотворения. Обратите внимание на ритмомелодику, на схему рифмовки. Для знающего казахский язык здесь все ясно, понятно, благозвучно, мелодично. Образно. Запоминающе.

Итак, начнем переводить строку за строкой.

Бойы бұлғаң... Хм-м... как же это передать по-русски? Бой – рост, стать. Бұлғаң – нечто такое, что качается, шатается, вихляет. Да-а... труднопереводимый словесный образ. Характеристика с отрицательным

оттенком. Едко. Язвительно. Насмешливо. Ну, просто неприятный тип этот «бойы бұлғаң». Та-ак... Как же, однако, это сказать что-русски? Прямой перевод – «телом изгибающийся... шатающийся...». Понятно, Абай намекает на довольно распространенный аульный типаж того времени – хвастун, ловкач, наглец, вертопрах, шатун, гуляка. Смысл, оттенок – праздный, выхваляющийся, слоняющийся, воображала, кривляка, задавака, бездельник с претензиями. Все верно. Но я же не могу нанизывать все эти определения на одну куцую строчку. Нельзя же к одному слову писать страничный комментарий. Так можно сходу отпугнуть переводчика-поэта. Надо на чем-то остановиться. На чем? Какое определение предпочесть? Какие слова оставить в тексте, а каким – место в сноске, чтобы гипотетическому поэту-переводчику было ясней, чтобы что-то подсказать, намекнуть на что-то. Пожалуй, праздношатающийся. Да, очень близко. Подходит. Но какое неуклюжее слово! Неблагозвучное. Громоздкое. Не представляю, как его можно втиснуть в поэтическую строку. Ладно, напишу-ка «праздний гуляка». По крайней мере, смысл такой. Написать-то написал, а на душе нехорошо, беспокойно, кошки скребут. Ну, какой же это «бойы бұлғаң»? Разве «праздний гуляка» – адекват?

Вздохнешь и начинаешь толмачить дальше. Утешаешь себя: в конце концов это ведь не художественный, не поэтический перевод, а всего лишь корявый подстрочник. Небось, сойдет и так. Дам несколько дополнительных красок, оттенков, синонимов и пусть переводчик-поэт ломает себе голову.

Вторая строка – «сөзі жылмаң». Ясно, сөзі – его слова, его речь. Жылмаң – нечто скользкое, маслянистое, не ухватишься, не удержишь. Такова речь праздного гуляки – пустая, скользкая, неопределенная, терпливая. Да, этот тип, слоняющийся по аулам, юрок, болтлив, проворен, скользок, словоблуд, пустобай,

пустомеля, склонен к сплетне. А как хорошо, ловко эти две рифмующиеся строчки – бойы бұлғаң, сөзі жылмаң – сочетаются, рифмуются! Как они крепко пригнаны друг к другу! Всего четыре слова, две коротенькие строчки, а уже сотворен, вылеплен образ, типаж, дана характеристика, ты зримо представляешь его, шатуна-трепача, оболтуса, праздного гуляку со скользкой речью. Если бы по-русски можно было сказать «скользкоречивый» или «скользкословный», я был бы совсем недалек от «сөзі жылмаң». Но «скользкословный» я пишу в сноске, а в текст подстрочника ставлю «пустой трепач», ощущая при этом ожог неудовлетворения.

Далее чуть проще, понятней. Абай говорит: как только он видит праздных гуляк, пустых трепачей, то он сильно теряется (конфузится, смущается), закрыв лицо (ладонями) бежит от них куда глаза глядят. Но сказано это в стихах, в стройных строках, в строгом ритме, в рифмах. А подстрочник этой строфы выглядит так:

Праздных гуляк,
Пустых трепачей,
Если увижу их, я от них,
Лицо закрыв,
Сильно теряясь,
Бегу немедля, тотчас.

И я, автор подстрочника, смотреть на это уродство не могу. Мне самому противно от этого убогого монстра. Правда, я снабдил эти шесть строчек комментариями, указал на какие-то нюансы и варианты, определил размер, схему рифмовки, даже количество слогов в каждой строке сосчитал, и все же не могу себе представить, как, каким образом, каким чудом неведомый мне поэт-переводчик, не владеющий казахским языком, не чувствующий ментальность оригинала, может из этой нелепости вылепить стих,

вдохнуть в эти строки жизнь, воссоздать, возродить на другом языке разъятую, расчлененную, умерщвленную поэзию. Это ведь все равно, что из пепла (о, ужас!) воссоздать живой облик человека.

И так слово за словом, строка за строкой, строфа за строфой, стихотворение за стихотворением добросовестный «подстрочник» толмачит, «буквалит», объясняет, толкует абаевский речестрой, досадуя на свое бессилие и испытывая брезгливость к своему же уродливому творению. А что может сотворить на основе такого, с позволения сказать, материала поэт-переводчик? Пусть самый чуткий, самый талантливый. Будь он хоть семи пядей во лбу... А мы еще удивляемся: почему нет Абая на русском языке. Почему его поэзия не звучит по-русски.

Образы Абая пронизаны национальным мироощущением, национальным мировосприятием. Их бессмысленно воссоздавать буквально, их можно только транспонировать, трансформировать в другой языковой лад, в иную плоскость восприятия, в иную сферу представлений. Берем строку:

И выправит их Творец.

Но если быть точным, у Абая сказано: «попадутся в ТЕЗ Создателя». Тез – архаизм. Так называется станок, в котором выпрямляют, придают нужные формы уинам, жердям юрты. Абай говорит о том, что Создатель всех поставит на путь истины, всех выправит в своем «тезе». Обычно такими деталями при переводе сплошь и рядом жертвуют.

Едва ли не к каждой строке Абая приходится давать объяснения. Подстрочно переводишь: «У бая лошадку себе вымогает», а в сноске разжевываешь «склоками, сутяжничеством он добился того, чтобы заново пересчитали (инвентаризировали) дома (юрты, кибитки, очаг) для обложения налогом, и тем самым высудил себе у бая коняшку».

Абай пишет «мал», и подстрочник «буквалит» – скот, однако поэт-переводчик обязан помнить, что скот в казахском языке – нередко синоним богатства, достатка, состояния, благополучия.

В обличительных стихах Абая часто встречается слово «пысық». Означает оно: шустрый, ловкий, оборотистый, бывалый, проныра, пройдоха, плут, мошенник, верткий и т.д.

Такое же объемное слово «тасыр» – чванливый, кичливый, самоуверенный, тупой, глухой, грохотун и т.д.

То же самое с нежным, коротким словом «жар» – любимая, возлюбленная, супруга, невеста, жена или – поскольку в казахском языке отсутствует категория рода – любимый, желанный, супруг, жених, муж.

Абай пишет «күпілдектер», а переводчик начинает перебирать четки синонимов: пустозвоны, трепачи, горлопаны, горлохваты, шушуну, самодовольные, спесивые, чванливые, пустобаи.

Даже маленькая частица у Абая, и та функциональна, требует к себе внимания, иначе смысл слова не будет раскрыт полностью.

– Мұның, калай, батыр-ау!

Означает эта строка:

- Что же случилось батыр?
- Как понять тебя, батыр?
- Что это значит, батыр?
- Ну, что же с тобой, батыр?

Все дело, однако, в частице «ау». Она придает фразе, обращению к батыру доверительную, с легкой усмешкой, интонацию – смельчак, храбрец, герой, приятель, дружище, друг мой. И пренебречь этой частицей при переводе нельзя.

Нередки у Абая фразеологизмы. Для переводчика это всегда камень преткновения.

Ограничусь лишь двумя примерами:

Из тех ты, что пять отдавая,
Шесть умеют взять обратно.

Это своеобразная парафраза известной казахской поговорки «Бермегенге бесеу көп, аларманға алтау аз» – «Пять – много дающему, шесть – мало берущему». А. Гатов перевел, на мой взгляд, находчиво:

– Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.

Еще одна проблема при переводе Абая – это множество заимствованных, «инородных» слов, искусно и художественно оправданно вкрапленных в поэтическую ткань. Что это за слова? Во-первых, архаизмы, ныне почти повсеместно вышедшие из употребления: бергек, жыға, тез, өлекші, райыс, кән, көйт, күрбәт, дән дәуе и др. Во-вторых, арабизмы: физзәт, сұхбат, нәфритлі, ғибратлі, ақыл-мизан, аят, хадис, мехнат, ғадауат и т.д. (сюда, видимо, следует отнести и ряд религиозных терминов и наименований: махлұқ, мәқан, махшар, фәни, бақи, дәһрі). В-третьих, фарсизмы: бадалық, шаһбаз, баж. В-четвертых, русизмы: закон, виноват, адвокат, интернат, прошение, самородный, счет, судья, военный, коренной, здравомыслящий и другие.

В оригинале все эти заимствованные слова совсем не случайны, у них своя художественная функция, определенная нагрузка, они то возвышают речь, придают ей своеобразную изысканность, торжественность, то окутывают стих в соответствии с темой в религиозно-мистический флер, то конкретизируют, иллюстрируют сугубо современную мысль. Но как быть при переводе? Оставить их в русско-арабско-персидском обличий? В исконной форме вплетать их в русский перевод и давать объяснения в сносках? Или

перевести их на современный русский язык, придать им общедоступное звучание и тем самым нивелировать абаевские строки?

У меня нет однозначного ответа.

В своей поэзии Абай нередко говорит об очень сложных философских абстракциях, нравственно-этических категориях. Такие стихи и прозой перевести мудрено, а в подстрочнике не сразу-то и разберешься, что к чему. Вот, к примеру, в стихотворении (своеобразный поэтико-философский трактат) «Сизый туман – грядущие времена» Абай рассуждает о соотношении понятий «я» и «мое», о душе, о разуме, о плоти, о бессмертии. И свои думы поэт излагает в классически отточенных стихах в форме традиционного казахского одиннадцатисложника с рифмовкой а-а-б-а. Я долго колдовал над подстрочником.

«Я» – разум и душа, «Мое» есть плоть.
«Я» и «Мое» – понятия разновеликие.
Для «Я» судьбой предначертано бессмертие.
«Мое» обречено, и пусть, с тем согласишься.

Думаю, смысл вполне ясен. Но как это изложить стихами, да еще максимально близко к оригиналу? В. Звягинцевой это удалось в большей степени.

«Я» – разум промолвит. Плоть скажет:
«Мое!» – Различно у плоти с душой бытие.
Бессмертное «Я» никогда не умрет.
«Мое» – это только земное жилье.

Да, Абай трудно поддается воссозданию на другом языке. Иногда кажется, он вообще неперево­дим. Неподступный. Недоступный. Неприступный. Непостижимый. Невыразимый. Руки опускаются. Отчаяние берет. Даже самый старательный подстрочный перевод, с вариантами, комментариями, историко-бытовым экскурсом, – отвращает. Ибо убивает поэзию.

Остается искаженная – при неверном свете – уродливая тень, кощунственное отражение в кривом зеркале. Упорному, дотошному «подстрочнику» лишь изредка удастся воссоздать смысл и общий рисунок, графический облик той или иной строфы Абая. Например:

Коль бедняк – смутьян,
Гордыней обуян –
Несчастнее на свете бая нет.
От прихлебателей,
От вымогателей,
От захребетников спасу нет.

Эти буквально переведенные строки, на мой взгляд, передают не только содержание оригинала, они намекают на форму, на размер, на ритм, на схему рифмовки. В таких случаях мне кажется, что автор подстрочника выполнил свою функцию. В определенной степени облегчил задачу поэта-переводчика, которому предстоит теперь в эти строчки вдохнуть жизнь, озарить живым огнем поэзии. Однако кто знает, может, это только мне, «подстрочнику», так кажется, на самом же деле я вовсе не облегчил задачу поэта-переводчика, а, наоборот, усложнил ее, невольно загнав его в жесткую структуру и ограничив его возможности для вольной фантазии. Может, поэт-переводчик предпочитает организованному, упорядоченному, максимально приближенному к оригиналу подстрочнику обыкновенную грубую, сырую глину, из которой ему сподручнее лепить все, что только ему заблагорассудится?..

Не знаю. Спор давний, старый. Я же пишу о своих впечатлениях, о своем опыте подстрочного перевода тридцати стихотворений Абая.

Так, резюмируя, в чем заключаются трудности при переводе Абая на русский язык? Какие подводные камни подстерегают переводчика на каждом шагу?

Это, по моему разумению:

– насыщенность, густота, спрессованность мысли в абаевской поэзии, образность, метафоричность, афористичность;

– сугубо национальный дух, ментальность;

– многозначность, многоплановость почти каждого абаевского слова;

– обилие историко-бытовых реалий;

– созерцательная, назидательная, степенно-возвышенная тональность, обращенность к собеседнику с чутким сердцем и душой;

– загадочность, трагизм одинокой, непонятой окружающим и оттого страдающей души.

Можно, конечно, назвать и другие камни преткновения. У меня же сложилось ощущение, что зазвучит Абай по-русски еще не скоро.

III

Так как же быть? Сидеть сложа руки? Смириться? Есть ли вообще выход? Или так и останется Абай – национальная гордость, национальная святыня – в узких национальных рамках?

Академик Д.С. Лихачев как-то сказал, что Пушкин до сих пор изучен слабо, осмысление Пушкина, мол, только начинается.

И это при беспредельной всемирной пушкиниане!

Весь мир и поныне изучает Гете. Едва ли не во всех уголках земного шара исправно функционируют гетевские общества. Гетеаны – целый Монблан. И исследование этих высот не прекращается ни на миг.

Что же тогда говорить о нашем Абае?

По сути дела, мы находимся лишь у подножия горной вершины. У нас до сих пор даже нет настоящего канонического абаевского текста. Диву даешься разночтениям в его текстах разных изданий.

Да, Абай велик. Абай – титан. О том сказано и написано немало. В восторгах недостатка нет. Нельзя,

однако, десятилетиями стоять у подножия и благоговейно взирать на горную вершину. Надо настойчиво одолевать перевал за перевалом, гряды за грядой и подняться на вершину. Тогда лишь откроется нам ее величие во времени и пространстве.

Думаю, когда-нибудь зазвучит Абай, как ныне говорят, адекватно и на русском, и на других языках мира. Само Время позаботится о своих гигантах. Забвение им не грозит.

Имеются многие пути для постижения Абая. И ни от одного нельзя отkreщиваться. В том числе и от постижения его поэзии на русском языке через подстрочник. На мой взгляд, это наименее благодетельный и плодотворный путь, мудрено расслышать Абая через косноязычного посредника, трудно позыбким ориентирам, по сомнительным вешкам добраться на ощупь до сокровенной тайны его смуглоликой музы, однако и на этом пути не исключены открытия. Кое-какой опыт уже накоплен.

И все же... Трюизм: поэзия переводится поэзией, судьба отражается в судьбе. Душа переливается в душу. И лишь так достигается высшая гармония. Значит, нужен равновеликий талант. Или, скромнее, созвучный, соразмерный. Талант, способный услышать, понять, почувствовать и прочувствовать душу абаевской поэзии в оригинале, пропустить ее через свое сердце и воспроизвести ее на другом языке, в обличий другой словесной оболочки. Это, пожалуй, единственный, идеальный путь. Воссоздал же Абай, облекая в безупречную казахскую форму, стихи Пушкина и Лермонтова. Я не исключаю, что именно русскоязычный казахский поэт, дерзкий и бесстрашный, преодолев робость, воссоздаст когда-нибудь достойно Абая на русском языке.

Герольд БЕЛЬГЕР

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	7
Слово об Абае.....	8
<i>Р. Кайшибаева.</i> Восхождение к Абаю.....	13
<i>Б. Канапьянов.</i> Мотивы Абая.....	30

ПОЭЗИЯ

Поэзия – властитель языка

1. ӨЛЕҢ – СӨЗДІҢ ПАТШАСЫ, СӨЗ САРАСЫ

Стих – это вождь среди слов, ценнейший их убор...	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	35
Стихи – жемчужины меж слов, в них блеск владык...	
Перевод <i>Л. Руст</i>	37
Поэзия – властитель языка. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	39
Поэзия – царица языка. Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	41
Поэзия – слов благороднейших царь.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	43

2. МЕН ЖАЗБАЙМЫН ӨЛЕҢДІ ЕРМЕК ҮШІН

Не для забавы я слагаю стих. Перевод <i>Д. Бродского</i>	45
Стихами для забавы не грешу. Перевод <i>М. Дудина</i>	46
Не для игры я стал стихи писать.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	47

3. ҚҰР АЙҒАЙ БАҚЫРҒАН

Этих воплей шум пустой. Перевод <i>Е. Курдакова</i>	48
Грубый крик, рев осла. Перевод <i>М. Петровых</i>	49
В случайный миг... Перевод <i>М. Дудина</i>	50

4. ӨЗГЕГЕ, КӨҢЛІМ, ТОЯРСЫҢ

Всем пресытиться может душа...	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	51

5. КӨҢІЛ ҚҰСЫ ҚҰЙҚЫЛЖЫР ШАР ТАРАПҚА

Птицы-песни во всех направленьях летят.	
Перевод <i>А. Гатова</i>	53

6. ҚҰЛАҚТАН КІРІП, БОЙДЫ АЛАР
Красивою песней под струнный звон...
Перевод *Вс. Рождественского*.....55

7. АДАМНЫҢ КЕЙБІР КЕЗДЕРІ
Случаются мгновения: тревога... Перевод *М. Дудина*.....56

8. БАЗАРҒА, ҚАРАП ТҰРСАМ, ӘРКІМ БАРАР
Гляжу: все едут на базар. Перевод *М. Дудина*.....57
Каждый за товаром едет на базар.
Перевод *Л. Шифферс*.....58

9. БІРЕУДІҢ КІСІСІ ӨЛСЕ, ҚАРАЛЫ – ОЛ
Родич умрет у кого, траур по нем глубок. Перевод *Л. Руст*.....59
Если умер близкий – скорбен человек.
Перевод *П. Карабана*.....61

Тихой ночью при луне

10. ЖАЗҒЫТҰРЫ
Как весенней порою шумят тополя! Перевод *П. Шубина*.....64
Весна пришла, от стужи избавляя...
Перевод *М. Султанбекова*.....67
Растопила весна стылость долгой зимы.
Перевод *Ю. Кузнецова*.....69
Исчезает к весне дух зимы ледяной. Перевод *А. Кодара*.....72

11. ЖАЗ
Лето – солнечная пора! Перевод *П. Шубина*.....75
Летом, когда тенисты деревья. Перевод *А. Жовтиса*.....77
Июль – середина лета. Перевод *М. Султанбекова*.....79
Знойным летом налитые. Перевод *Ю. Кузнецова*.....81
Пора, где упорствует зной. Перевод *А. Кодара*.....83
В июле знойном сердце лета. Перевод *М. Адибаева*.....85
Середина лета. Жара. Перевод *Ф. Тамендарова*.....88

12. КҮЗ
Тучи серые, дождь недалек. Перевод *А. Гатова*.....90
Неприветливы тучи осенней порой.
Перевод *М. Нечая*.....91

Ползет ненастье. Зябко и уныло. Перевод <i>Е. Курдакова</i>	92
По небу плывут темно-серые тучи.	
Перевод <i>М. Султанбекова</i>	93
Тучи серое небо стгущают во мрак.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	94
Обложено небо нашествием сумрачных туч.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	95

13. ҚЫС

В белой шубе, плечист, весь от снега седой.	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	96
Белобородый, в белой одежде старик.	
Перевод <i>М. Султанбекова</i>	97
Великан в белой шубе, с седой бородой.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	98
Кто в белом, могуч, серебрист бородой.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	99

14. ҚАРАША, ЖЕЛТОҚСАН МЕН СОЛ БІР ЕКІ АЙ

Ноябрь – преддверие зимы, пора в аул, пора!	
Перевод <i>П. Шубина</i>	100
Вот ноябрь и декабрь. В эти месяцы, тих...	
Перевод <i>А. Кодара</i>	102

15. АЙЛЫ ТҮНДЕ ЖАРЫҚ АЙ...

Тихой ночью при луне... Перевод <i>Ю. Нейман</i>	104
В ночной тиши луна царит. Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	105

16. ҚАНСОНАРДА ШЫҒАДЫ БҮРКІТШІ АҒҒА

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.	
Перевод <i>С. Липкина</i>	106
Охотник и конь, и напарник и беркут.	
Перевод <i>М. Дудина</i>	108

17. ҚЫРАН БҮРКІТ НЕ АЛМАЙДЫ, САЛСА БАПТАП

Быстрый беркут любую добычу возьмет.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	111
Орел-кыран везде возьмет добычу.	
Перевод <i>М. Адибаева</i>	112

18. КӨК АЛА БҮЛТ СӨГЛІП

- Разражаются серые тучи. Перевод *М. Дудина*.....113
Тучи набегут порой. Перевод *А. Глобы*.....114

Язык любви – язык без слов

19. ФАШЫҚТЫҢ ТІЛІ – ТІЛСІЗ ТІЛ

- Бессловесен язык любви. Перевод *Вс. Рождественского*.....116
Язык любви – язык без слов. Перевод *Ю. Нейман*.....117
Язык любви живет без слова. Перевод *М. Дудина*.....118
Язык любви – язык без слов. Перевод *Е. Курдакова*.....119

20. ҚАҚТАҒАН АҚ КҮМІСТЕЙ КЕҢ МАНДАЙЛЫ

- Словно месяц, изогнутый в небе ночном.
Перевод *Вс. Рождественского*.....120
Подобен серебру чеканному широкий лоб резной.
Перевод *М. Луконина*.....122
Белый лоб – серебро, чей тонок чекан.
Перевод *М. Тарловского*.....123
Высокий лоб – живое серебро. Перевод *М. Адибаева*.....125
Сверкает лоб серебряной звездой.
Перевод *Ф. Тамендарова*.....127

21. ЖАРҚ ЕТПЕС ҚАРА КӨҢЛІМ НЕ ҚЫЛСА ДА

- Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе.
Перевод *М. Дудина*.....129
В душе давно померкли все светила.
Перевод *Е. Курдакова*.....130
Вовек душа моя не расцветет. Перевод *М. Замаховской*.....131

22. АЙТТЫМ СӘЛЕМ, ҚАЛАМҚАС

- Шлю, тонкобровая, привет! Перевод *П. Шубина*.....132

23. ЖАСТЫҚТЫҢ ОТЫ, ҚАЙДАСЫҢ?

- Где ж ты, пламя юности моей?
Перевод *В. Звягинцевой*.....134

24. КӨЗІМНІҢ ҚАРАСЫ

- Ты – зрачок глаз моих. Перевод *М. Петровых*.....135

25. БІЛЕКТЕЙ АРҚАСЫНДА ӨРГЕН БҰРЫМ	
Бегут, струятся косы по спине.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	138
Заплетенная круто коса за спиной.	
Перевод <i>М. Дудина</i>	139
26. ЫСЫТҚАН, СУЫТҚАН	
Холод, жар... Молод, стар. Перевод <i>М. Петровых</i>	140
27. ҚЫЗАРЫП, СҰРЛАНЫП...	
И краснеть, и бледнеть... Перевод <i>М. Тарловского</i>	141
Их друг к другу влечет любовь. Перевод <i>М. Дудина</i>	143
28. МЕН СӘЛЕМ ЖАЗАМЫН	
Милый мой, дорогой. Перевод <i>М. Петровых</i>	145
29. ҚОР БОЛДЫ ЖАНЫМ	
Душа моя унижена. Перевод <i>М. Дудина</i>	146
Дух унижен мой. Перевод <i>А. Глобы</i>	147
30. СЕН МЕНІ НЕ ЕТЕСІҢ?	
Ах, что за жребий ждет меня! Перевод <i>Д. Бродского</i>	148
31. ҚЫЗ СӨЗІ	
Своим письмом к себе маня. Перевод <i>П. Шубина</i>	151
32. ҒАШЫҚТЫҚ, ҚҰМАРЛЫҚ ПЕН – ОЛ ЕКІ ЖОЛ	
Есть два пути – Любовь и Страсть. Перевод <i>М. Дудина</i>	153
Два пути – любовь и похоть, две тщеты.	
Перевод <i>Е. Курдакова</i>	154
Две дороги – любовь и страсть предо мной.	
Перевод <i>А. Штейнберга</i>	155
<i>Будь разборчив в пути своем</i>	
33. ҒЫЛЫМ ТАППАЙ МАҚТАНБА	
Пока не знаешь – молчи. Перевод <i>М. Петровых</i>	157
34. ӘСЕМПАЗ БОЛМА ӘР НЕГЕ	
Будь разборчив в пути своем.	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	160

35. ОСПАҢҒА	
Если смолоду честь не терял. Перевод <i>Е. Курдакова</i>	161
Пока твой развернутый стяг. Перевод <i>А. Штейнберга</i>	162
36. ИНТЕРНАТТА ОҚЫП ЖҮР	
В приютской школе много вас... Перевод <i>С. Ботвинника</i>	163
37. КӨЛЕҢКЕ БАСЫН ҰЗАРТЫП	
Удлиняются тени скорее. Перевод <i>М. Дудина</i>	166
38. ЖАСЫМДА ҒЫЛЫМ БАР ДЕП ЕСКЕРМЕДІМ	
К наукам я холоден в юности был.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	167
39. ӨКІНІШТІ КӨП ӨМІР КЕТКЕН ӨТІП	
Бестолково учась, я жизнь прозевал.	
Перевод <i>А. Штейнберга</i>	168
40. БІР ДӘУРЕН КЕМДІ КҮНГЕ – БОЗБАЛАЛЫҚ	
Только юность одна – жизни счастливый цвет.	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	170
41. БАЛАЛЫҚ ӨТГІ, БІЛДІҢ БЕ?	
Умерло детство – а ты не знал? Перевод <i>А. Гатова</i>	172
Ты золотого детства не заметил. Перевод <i>М. Дудина</i>	173
Детство прошло, не заметил? Перевод <i>Е. Курдакова</i>	174
<i>В сердца глубь погрузись, его тайны познай</i>	
42. СЕНБЕ ЖҮРТҚА ТҮРСА ДА ҚАНША МАҚТАП...	
Верить людям, что хвалят тебя, не спеши.	
Перевод <i>Э. Шехмана</i>	176
Разным людям не верь, что тебя вознесут.	
Перевод <i>А. Гатова</i>	177
Восторженной хвале толпы не верь. Перевод <i>Л. Руст</i>	178
Не верь хвалам: лукавит подлый век.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	179
43. НЕ ІЗДЕЙСІҢ, КӨҢЛІМ, НЕ ІЗДЕЙСІҢ?	
Душа! Чего ты ищешь? Что с тобою?	
Перевод <i>А. Штейнберга</i>	180

Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?	
Перевод <i>М. Касаткина</i>	181
О чем душа моя томишься? Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	183
Что ищешь, душа, кого ищешь? Перевод <i>М. Адибаева</i>	185

44. ЖҮРЕГІМ, ОЙБАЙ, СОҚПА ЕНДІ	
О сердце мое, замри, застынь! Перевод <i>Л. Нечая</i>	187
О сердце, не стучись ты в грудь.	
Перевод <i>М. Луконина</i>	188
Сердце, не бойся тяжело в груди!	
Перевод <i>М. Касаткина</i>	189
Не бойся сердце, чересчур. Перевод <i>М. Дудина</i>	190
Сердце бедное, не бойся, не стучи.	
Перевод <i>К. Курдакова</i>	191
Глупое сердце, не бойся! Перевод <i>Ф. Тамендарова</i>	192

45. ЖҮРЕК – ТЕҢІЗ, ҚЫЗЫҚТЫҢ БӘРІ – АСЫЛ ТАС	
Сердце – море, а радость его – жемчуга.	
Перевод <i>М. Дудина</i>	193

Я много разных слов сказал

46. ТАЛАЙ СӨЗ БҮДАН БҮРЫН КӨП АЙТҚАНМЫН	
Я много разных слов сказал. Перевод <i>М. Дудина</i>	195
Много слов говорил я в былом далеке.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	196

47. ЖІГІТТЕР, ОЙЫН АРЗАН, КҮЛКІ ҚЫМБАТ	
Жигиты, дорог смех, не шутовство. Перевод <i>А. Гатова</i>	197

48. АДАМ – БІР БОҚ КӨТЕРГЕН БОҚТЫҢ ҚАБЫ	
Человек – ничтожной плоти тлен и прах.	
Перевод <i>Е. Курдакова</i>	201
Человек – мешок для мяса и костей. Перевод <i>А. Глобы</i>	202
Нет, ты не человек, а ты – мешок дерьма.	
Перевод <i>М. Дудина</i>	203

49. ӨЛСЕ – ӨЛЕР ТАБИФАТ, АДАМ ӨЛМЕС	
Природа смертна, вечен человек. Перевод <i>Л. Озерова</i>	204
Когда баран войдет в ручей. Перевод <i>М. Дудина</i>	205

50. НҰРЛЫ АСПАНҒА ТЫРЫСЫП ӨСКЕНСІҢ СЕН	
Рос ты быстро, стремясь в небосвод голубой.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>*	207
Ты рос. Ты вверх тянулся смело. Перевод <i>М. Дудина</i>	208
51. ТОТЫ ҚҰС ТҮСТІ КӨБЕЛЕК	
Вот мотыльков беспечный рой.	
Перевод <i>Е. Курдакова</i>	209
Как бабочек много над лугом! Перевод <i>В. Антонова</i>	210
Мотыльки, чей светел наряд. Перевод <i>М. Петровых</i>	211
52. САҒАТТЫҢ ШЫҚЫЛДАҒЫ ЕМЕС ЕРМЕК	
Вечность – круг, круг часов – циферблат.	
Перевод <i>А. Глобы</i>	212
В мирных звуках часов безотрадное есть...	
Перевод <i>Э. Шехтмана</i>	213
Стук часов – не робкий шелест забытья.	
Перевод <i>Е. Курдакова</i>	214
Тикают часы не для забавы.	
Перевод <i>М. Султанбекова</i>	215
Стучат часы, их стук – не праздный звук.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	216
Отнюдь не досужий – часов перестук.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	217
53. КӨК ТҰМАН – АЛДЫҢДАҒЫ КЕЛЕР ЗАМАН	
Грядущее скрыто туманом от нас...	
Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	218
Время – пряди тумана вдоль гребней гор.	
Перевод <i>А. Штейнберга</i>	220
Грядущее скрыто в тумане сплошном.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	222
54. СҰМ ДҮНИЕ ТОНАП ЖАТЫР, ІСІҢ БАР МА?	
Жизнь обирает нас день за днем.	
Перевод <i>М. Петровых (I вариант)</i>	224
Проклятый мир обирает нас...	
Перевод <i>М. Петровых (II вариант)</i>	225
Посмотри, этот мир тебя грабит, жесток.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	226

55. ЖҮРЕКТЕ ҚАЙРАТ БОЛМАСА	
Если мысль за волею вслед. Перевод <i>А. Штейнберга</i>	227
Коли в сердце нет воли... Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	228
Если волей в себе не силен. Перевод <i>А. Кодара</i>	229

56. ЖҮРЕГІМ МЕНІҢ ҚЫРЫҚ ЖАМАУ	
На сорок лоскутов тоскою. Перевод <i>М. Петровых</i>	230
На сорок лоскутьев печалей. Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	231

57. ДОМБЫРАҒА ҚОЛ СОҚПА	
Ты, домбра, сильнее грянь. Перевод <i>А. Гагова</i>	232
Не надо браться за домбру. Перевод <i>А. Кодара</i>	233

58. АТТЫҢ СЫНЫ	
С густою челкой, с ухом, как тростник.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	234

Я с утеса кричал

59. БОЛЫС БОЛДЫМ МІНЕКЕЙ	
Наконец волостным я стал. Перевод <i>Д. Бродского</i>	237

60. САБЫРСЫЗ, АРСЫЗ, ЕРІНШЕК	
Грязный в словах и делах. Перевод <i>П. Карабана</i>	242

61. МӘЗ БОЛАДЫ БОЛЫСЫҢ	
Управитель начальству рад.	
Перевод <i>Вс. Рождественского</i>	246

62. БАЙ СЕЙІЛДІ	
Звереет бай. Перевод <i>П. Карабана</i>	248

63. БАЙЛАР ЖҮР ЖИҒАН МАЛЫН ҚОРҒАЛАТЫП	
Бай живет и охраняет свой скот.	
Перевод <i>М. Зенкевича</i>	250

64. КҮШІК АСЫРАП, ИТ ЕТТІМ	
Собаку я выкормил из щенка. Перевод <i>А. Жовтиса</i>	251
Слепого я пригрел щенка. Перевод <i>В. Антонова</i>	252
Моей любви собаке стало мало. Перевод <i>М. Дудина</i>	253
Тобою вскормленный щенок. Перевод <i>Е. Курдакова</i>	254

65. БОЙЫ БҰЛҒАҢ...	
Хвастун, наглец... Перевод <i>П. Карабана</i>	255
66. ТҰЛПАРДАН ТҰҒЫР ОЗБАС ШАБЫЛСА ДА	
Тулпара в скачке не обгонит кляча.	
Перевод <i>М. Дудина</i>	257
67. СЕГІЗ АЯҚ	
Восьмистишия. Перевод <i>Л. Озерова</i>	258
68. БІР СҰЛУ ҚЫЗ ТҰРЫПТЫ ХАН ҚОЛЫНДА	
Красотка-девушка у хана жила. Перевод <i>М. Петровых</i>	265
Жила одна красотка во дворце.	
Перевод <i>М. Султанбекова</i>	267
<i>Измучен, обманут я всеми вокруг</i>	
69. ҚАЙРАН ЕЛІМ, ҚАЗАҒЫМ, ҚАЙРАН ЖҰРТЫМ	
О, казахи мои, мой бедный народ!	
Перевод <i>С. Липкина</i>	270
О казахи мои, мой бедный народ!	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	272
Казахи, родные, мой милый народ!	
Перевод <i>А. Кодара</i>	273
70. ҚАРТАЙДЫҚ, ҚАЙҒЫ ОЙЛАДЫҚ, ҰЙҚЫ СЕРГЕК	
Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон.	
Перевод <i>Д. Бродского</i>	274
Старость, тяжкие думы, стал чуток твой сон.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	276
Где старость, там скорбь, там тревожнее сон.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	278
71. ҚАРТАЙДЫҚ, ҚАЙҒЫ ОЙЛАДЫҚ, ҰЛҒАЙДЫ АРМАН	
Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!	
Перевод <i>А. Гагова (1 вариант)</i>	280
Жизнь уходит, и сбьгься мечтам не дано.	
Перевод <i>А. Гагова (2 вариант)</i>	282
Где старость, там скорбь, там мученья одни.	
Перевод <i>А. Кодара</i>	284

72. КӨҢЛІМ ҚАЛДЫ ДОСТАН ДА, ДҰШПАННАН ДА	
Измучен, обманут я всеми вокруг.	
Перевод <i>П. Карабана</i>	286
На разных дорогах враги и родня.	
Перевод <i>М. Дудина</i>	288

73. ІШІМ ӨЛГЕН, СЫРТЫМ САУ	
Я сам здоров. Душа моя болит. Перевод <i>М. Дудина</i>	290

74. ӨЛСЕМ – ОРНЫМ ҚАРА ЖЕР, СЫЗ БОЛМАЙ МА?	
Когда умру, не стану ль я землей?	
Перевод <i>Ю. Нейман</i>	291
Умру. И стану вновь землей. Перевод <i>М. Дудина</i>	292
Когда умру, в сырую землю погребен.	
Перевод <i>Е. Курдакова</i>	293
Когда я умру, то с землей смешается прах.	
Перевод <i>Ю. Кузнецова</i>	294
Не в земле ли сырой обрету я приют, умерев?	
Перевод <i>А. Кодара</i>	295

ПОЭМЫ

75. ЕСКЕНДІР	
Искандер. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	298

76. МАСҒҰТ	
Масгуд. Перевод <i>Е. Винокурова</i>	305

ПРОЗА

77. ҚАРА СӨЗ	
Книга слов.	
Перевод <i>К. Серикбаевой и Р. Сейсенбаева</i>	314
Слова назидания. Перевод <i>С. Санбаева</i>	392

ВЛАСТИТЕЛЬ – СЛОВО. <i>Герольд Бельгер</i>	
Почему трудно переводить Абая?.....	478

Литературно-художественное издание

• Серия
“БИБЛИОТЕКА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”

АБАЙ

Я – человек-загадка...

Перевод с казахского
(на русском языке)

Составитель *Г. Бельгер*

Редактор *А.Кадикенова*
Технический редактор *С. Бейсенова*
Компьютерная верстка *А. Кадикеновой*
Корректор *Г. Мухамадиева*

Разработка суперобложки
дизайнцентра издательства “Аударма”

ISBN 9965-18-281-7

Аударма

ИБ №286

Подписано в печать 27.10.2009 г. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура . “NewBaskervilleСТТ”. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26,46
Уч.-изд. л. 25,0 Тираж 3000 экз. Заказ №1236.

Издательство “Аударма”

010005, г. Астана, ул. Кенесары, 65, блок “А”

ТОО РПИК «Дәуір», 050009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.
Тел.: 394-39-22, 394-39-34, 394-39-42,
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru, rpik-dauir2@mail.ru